

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 1, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Худяков Ю.С.</i> Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими войсками в конце XVI – первой трети XVII в. Часть 1	3
<i>Семенов О.В.</i> Ямские приказчики в Западной Сибири в XVII в.	7
<i>Ведерников В.В.</i> Нерчинские заводы до взятия в ведомство Кабинета (1704–1787 гг.)	11
<i>Манишев Д.М.</i> Скотоводство кудинских бурят в XIX в.	15
<i>Верхотурова Т.Г.</i> Штаты и численность Енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.)	19
<i>Недзелюк Т.Г.</i> Культовое зодчество в Сибири в XIX – начале XX в. как элемент картины мира католиков	23
<i>Белянин Д.Н.</i> Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв.	27
<i>Шереметьева Д.Л.</i> Газетная пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.)	31
<i>Антонов Е.П.</i> Дискуссии 1920-х гг. о путях развития якутской национальной интеллигенции (общество «Саха омук»)	35
<i>Троценко Н.Д.</i> Двадцатипяти тысячники в Западной Сибири: реализация социально-мобилизационных функций (1930–1931 гг.)	39
<i>Исаев В.И., Михеев Д.Ю.</i> Законность по-сталински: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. и его реализация в Западной Сибири	43
<i>Аблажей Н.Н.</i> Депортация армян в Алтайский край в 1949 г.	47
<i>Савицкий И.М.</i> Создание сырьевой базы атомной промышленности на Дальнем Востоке (1946–1965 гг.)	54
<i>Волосов Е.Н.</i> Социальные характеристики технократической элиты Ангаро-Енисейского региона в 1960–1980-х гг.	58
<i>Горбачев О.В.</i> Малый город и сельская округа: региональные модели демографической эволюции во второй половине XX в.	62

СООБЩЕНИЯ

<i>Дмитриенко К.В.</i> Научное наследие Алексея Ираклиевича Левшина как источник изучения кочевой цивилизации казахов	67
<i>Куликовских С.Н.</i> «От имени рабочих Златоустовских заводов...»	69
<i>Чернолуцкая Е.Н.</i> «Кулаки особого назначения» на советском Дальнем Востоке в начале 1930-х гг.	73

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Шелегина О.Н.</i> Презентация и анализ деятельности музеев СО РАН в альманахе «Музеи Российской академии наук»	77
<i>Введенский В.В.</i> IV региональная молодежная научная конференция «Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы»	80
<i>Ананьев Д.А.</i> Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего	82
<i>Соколовский И.Р.</i> Международная конференция «Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: национально-государственное, этнокультурное и экологическое взаимодействие»	85
<i>Карпов В.П.</i> Переосмысливая историю индустриализации Севера: Всероссийская научная конференция «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера»	87
<i>Исаев В.И., Макарова Н.Н.</i> Международная научная конференция «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации»	88
<i>Матханова Н.П.</i> Рецензия на книгу: Эдельман О.В. Следствие по делу декабристов (М.: Модест Колеров, 2010. – 356 с.)	91
<i>Шиловский М.В.</i> Рецензия на книгу: Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / Публ., сост., пер., вступл., предисл., ком. Б.С. Шостаковича (Иркутск: Артиздат, 2009. – 724 с.: ил.)	92
<i>Шайдунов В.Н.</i> Рецензия на книгу: Бельх Е.А., Кальмина Л.В., Курас Л.В. Общественная и культурно-просветительская деятельность евреев в Забайкальской области (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). (Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс СГСАКИ, 2010. 191 с.)	94
<i>Summary</i>	97

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р ист. наук *В.И. Шишкин*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330-24-31.
<http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>
sektoragro@gmail.com
З а в. р е д а к ц и е й *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Е.Н. Зимица*

Подписано к печати 22.03.11. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ № 82.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.2+94(100)''04

Ю.С. ХУДЯКОВ

ОБОРОНА ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ РУССКИМИ ВОИНАМИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

Часть 1*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: khudjakov@mail.ru

В статье анализируются уровень развития военного дела русских воинов и сибирских татар и роль военного фактора в обороне южных рубежей Западной Сибири от тюркских и монгольских номадов в конце XVI – первой трети XVII в., когда существовала реальная перспектива восстановления Сибирского татарского ханства.

Ключевые слова: Западная Сибирь, сибирские татары, русские казаки и служилые люди, уровень развития военного дела.

Присоединение Сибири к Российскому государству на рубеже позднего средневековья и Нового времени имело определяющее значение для дальнейшего развития этого огромного региона, а также всей страны. Не случайно изучение этих событий и оценка роли военного фактора в процессе присоединения Сибирского края находились в центре внимания нескольких поколений российских исследователей.

Поход казачьего отряда под предводительством атамана Ермака в конце XVI в. через Уральские горы в Западную Сибирь и успешные военные действия против войск сибирского хана Кучума положили начало процессу включения этого огромного края в состав Московского царства [1, с. 155–157]. Несмотря на то, что данное военное предприятие было организовано благодаря частной инициативе богатых купцов Строгановых и первоначально казачий отряд мог рассчитывать только на свои силы, очень скоро царское правительство осознало значение новых земель. Ясак, взимаемый с таежных сибирских этносов, открывал заманчивые возможности пополнения государственной казны. Правительство прилагало немало сил для расширения своих владений в Сибири.

При анализе причин, почему российским властям удалось присоединить и удержать этот регион срав-

нительно небольшими военными силами, ученые высказывали разные мнения. Российские историки XVIII–XIX вв. главную причину военных побед русских войск видели в обладании огнестрельным оружием [2, с. 88–89]. В советский период возобладало мнение о преимущественно мирном, договорном процессе присоединения Сибири. В последние годы было высказано мнение о том, что главной причиной являлась слабость Сибирского татарского ханства, представлявшего собой «эффемерное государство»; поэтому его завоевание не потребовало много времени и больших усилий [3, с. 34–35].

Однако изучение памятников фортификации и военного дела сибирских татар показало, что их государственные образования, возникшие на территории лесостепных и степных районов Западной Сибири после распада Золотой Орды в XV в. (Тюменское, а затем Сибирское ханство), занимали обширные территории, располагали значительными людскими и экономическими ресурсами и крупными военными силами. Через территорию этого ханства пролегали важные торговые пути – в Среднюю Азию и Восточную Европу; здесь находилось значительное количество укрепленных поселений, центров ремесла и торговли [4, с. 249]. Некоторые татарские крепости, как показали попытки их осады русскими казаками, обладали достаточно мощными оборонительными сооружениями.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00258 а).

Предпринятый анализ комплекса вооружения сибирских татарских воинов показал, что они были вооружены обычными для эпохи позднего средневековья видами холодного оружия; могли поражать противника в дистанционном бою, стреляя из луков, имевших деревянную кибить, а также плечевые и срединную фронтальные накладки. Татарские лучники использовали стрелы с плоскими, линзовидными и четырехгранными в сечении наконечниками [5, с. 240–242]. В источниках такие стрелы названы «тмочисленными» [1, с. 22]. Перечисленные виды оружия были наиболее привычными для татарских воинов [6, с. 225]. Луки и стрелы они хранили и носили в кожаных налучьях и колчанах; в ближнем бою могли поражать противника копьями, палашами и саблями, а для защиты использовали щиты, шлемы и кольчуги. Предпринимались попытки приобрести артиллерию, но использовать ее татарские воины так и не научились. По уровню развития вооружения, военной организации и военного искусства Сибирское ханство практически не уступало другим тюркским и монгольским кочевым государствам степного пояса Евразии. Другое дело, что татарские воины и полководцы воевали по старинке, применяя традиционную тактику конной атаки и обстрела противника, с которой русские казаки были хорошо знакомы и могли ей эффективно противостоять [5, с. 244–251; 7, с. 30–54].

Для выявления причин военных успехов русских воинов в ходе военных действий против войск хана Кучума и его потомков необходимо провести сравнительный анализ уровня развития военного дела обеих сторон и военно-политической обстановки на южных рубежах Сибири в конце XVI – первой трети XVII в.

Русские воины, которым приходилось в этот период нести службу в Сибири, были вооружены разными видами оружия. Согласно источникам, купцы Строгановы снабдили казаков тремя пушками, выдали безоружным казакам ружья и каждому из них дали «по три фунта пороха и по три фунта свинца» [6, с. 212]. Несомненно, огнестрельное оружие сыграло важную роль в достижении побед над войсками сибирских татар. Казаки и служилые люди имели в своем распоряжении эффективные средства защиты. В источниках особо выделены доспехи, подаренные атаману Ермаку Иваном Грозным: среди них кольчуга с мишенями-зерцалами и пластинчатый жилет. Такую двойную защиту не могла пробить ни одна татарская стрела. Впрочем, именно большой вес доспехов послужил причиной гибели атамана в Иртыше [8, с. 240–243]. Для защиты русские воины использовали разнотипные шлемы – «шишаки», «шеломы», «шапки железные», «мисюрки», доспехи – «кольчуги» и «пансыри», а также щиты. В Сибири они смогли оценить и пластинчатые панцири – «куяки» [9, с. 159]. Нехватку защитного вооружения русские воины старались восполнить, выменивая его на ружья и боеприпасы. Помимо огнестрельного употреблялось и холодное оружие: копья, рогатины, бердыши, палаши, сабли, боевые топоры, булавы и кистени. Применялись даже луки и стрелы.

В достижении побед над кочевниками огромную роль сыграли большой боевой опыт русских казаков, их способность противостоять тактике конного боя кочевых народов. Важное значение для проникновения вглубь Сибири имело передвижение по рекам на маломерных судах и умение достаточно быстро сооружать остроги и эффективно оборонять их. Не меньшим вкладом в победу над воинами Кучума стал переход части татарского населения, в том числе родовой знати, на сторону российских властей и участие в военных действиях на стороне казаков.

Из источников известно, что вслед отряда Ермака, еще до гибели атамана, в конце XVI в. царским правительством было отправлено в Сибирь несколько хорошо вооруженных и оснащенных военных отрядов, которые сумели обеспечить строительство хорошо укрепленных острогов. Они стали опорными пунктами в дальнейшем освоении этого огромного края. Не менее важное значение для включения южных районов Западной Сибири в состав российских владений имел фактический распад ханства и переход части татарской правящей элиты на службу к российским властям, а также ее участие в борьбе с ханом Кучумом и его наследниками. Не располагая значительными силами для противостояния тюркским и монгольским кочевникам на юге Сибири, царские власти всячески пытались привлечь на свою сторону татарскую знать, в том числе родственников правящего хана из Шейбанидов; их принимали на службу, наделяли различными привилегиями, отмечали почестями и т. п.

Завершение периода присоединения Сибирского ханства к Российскому государству принято относить к самому концу XVI в., когда этот процесс стал необратимым [10, с. 5]. В 1588 г. глава администрации основного к тому времени Тобольского острога письменный голова Д. Чулков сумел заманить и взять в плен, а затем отправить в Москву татарского князя Сейдяка, мурзу Карачу и находившегося с ними казахского султана Ураз-Мухаммеда [6, с. 270–271]. Значительная часть татар была лишена своих предводителей. Действия самого хана Кучума и его приближенных в какой-то мере способствовали переходу части татарского населения под эгиду российских властей. В 1590 г. отряд Кучума напал на поселения ясажных татар в окрестностях Тобольска. Здесь он сумел ограбить и убить нескольких местных жителей и с захваченной добычей бежал в степь, прежде чем «тобольский воевода мог получить известие о его приближении». В следующий «набег на Каурдакскую и Салымскую волости, он убил там много людей и наградил большое количество всякого добра» [6, с. 272]. Вероятно, такая тактика была продиктована стремлением Кучума наказать тех татар, которые признали российскую власть, и обеспечить свой отряд необходимыми припасами. Однако вряд ли подобные действия могли способствовать популярности самого хана и его стремлению возродить государственность среди тех групп сибирских татар, которые подвергались его нападению. Скорее наоборот, хан и его окружение должны

были выглядеть в глазах местного татарского населения грабителями, а российские власти – защитниками.

В 1591 г. против Кучума выступил воевода В. Кольцов-Масальский с крупным отрядом из тобольских служилых людей, а также большого количества татар, живших недалеко от города. Он напал на ставку хана на р. Ишим у оз. Чиликуль. В результате «короткого сражения многие бывшие с ханом были убиты, а оставшиеся в живых бежали». В плен попали две жены и один из сыновей хана «со многими другими пленными» и «богатой добычей» [6, с. 273]. Взятый в плен сын Кучума Абульхайр был увезен в Москву. В 1600 г. он был крещен под именем Андрей. Его потомки в начале XVII в. носили титул «сибирских царевичей» [11, с. 212]. При основании в 1594 г. Тары воевода А. Елецкий должен был взять с собой из Казани и Уфы отряд Мамлея Мальцева «с сотнею казанских и свияжских татар, тремястами человек башкир», а также сотней, состоявшей из пленных поляков и «польских казаков»; из Тюмени «40 человек конных литвы, черкасов и казаков, 50 человек татар тюменских, верхотурских, андреевских, белаковцев и зырянцов, от которых содержались в Тобольске и Тюмени аманаты и на верность которых можно было поэтому положиться, 30 человек табаринских татар и 20 человек кошуков»; из Тобольска было привлечено «из тамошних пленных литвы, черкасов и казаков 100 человек», из «тобольских служилых татар 100 человек под командою атамана Черкаса Александра и двух татарских голов – Баязета и Байбахты, 300 человек тобольских ясачных татар» и еще «150 человек из тех же ясачных татар для работы на судах». Ясачные татары служили в пехоте и кавалерии и «были снабжены огнестрельным оружием», как и «московские стрельцы» [6, с. 282].

Очевидно, что уже в конце XVI в. у царских властей возникли определенные проблемы с привлечением людей на военную службу в Сибири, поэтому значительную часть служилых людей в составе сибирских войск составляли представители татарского населения. Их не просто привлекали на службу, им доверяли огнестрельное оружие. По оценке Г.Ф. Миллера, «одна из главных задач, поставленных при строительстве города Тары, была связана с ханом Кучумом, а именно чтобы его окончательно покорить или изгнать». Однако в то же время российские власти предпринимали попытки «воздействовать на хана лаской и дружескими уговорами заставить его покориться русским». Хану было выдвинуто основное требование – отдать «в качестве аманата одного из своих сыновей с двумя или тремя знатными татарами, замен которых, после их прибытия в Москву, будут возвращены назад его сын царевич Аблегаир вместе с другими знатными татарами» [6, с. 284, 285]. Однако это требование оказалось неприемлемым для хана Кучума. В тот период поддержку ему оказал ногайский мурза Алей, которому было предоставлено право собирать дань с тарских татар [6, с. 286]. Кучум и его сыновья, узнав

о строительстве Тары, попытались увести часть местного татарского населения, аялыньских татар, на юг, подальше от российских властей, вверх по течению Иртыша. На о-ве Черном они основали небольшой городок, в нем и укрепились аялыньские татары во главе со своими князьями и есаулами [6, с. 288]. Именно с этого времени Кучум (а в дальнейшем и его потомки) стал применять тактику увода татарского населения. Вряд ли такие действия могли нравиться самим татарам. Новому воеводе Ф. Елецкому было предписано возобновить военные действия против Кучума и ногайского мурзы Алея [6, с. 287].

В 1595 г. русский военный отряд во главе с письменным головой Б. Доможировым взял Черный городок и пленил нескольких татарских князей, однако не смог помешать бегству Кучума и большей части татар [6, с. 289]. Ранней весной того же года отряд Б. Доможирова, включавший 483 тобольских и тюменских детей боярских, стрельцов, казаков и служилых татар, совершил поход на лыжах в Барабинскую степь. Был взят и сожжен Чангульский городок. Соседние татарские мурзы предпочли покориться и платить ясак в Тару. Некоторые представители татарской знати, в том числе мать царевича Махметкула, добровольно сдались российским властям [6, с. 290].

Решающее значение в борьбе с правителем Сибирского ханства имело поражение, нанесенное татарскому отряду Кучума российским войском под командованием А. Воейкова в 1598 г. в долине р. Ирмень в Среднем Приобье. В составе отряда находилось 700 русских и 300 татар из Тары и Тобольска. В этом бою отряд Кучума потерпел полное поражение; «хан был совершенно разбит, потерял большую часть своей семьи и все свое имущество» [6, с. 291]. Одержавшие победу русские воины первоначально предполагали, что сам хан погиб в бою. В одной из царских грамот царя Михаила Федоровича говорится о службе казака Г. Иванова, который принимал участие в том бою и был послан с А. Воейковым «на нашу службу на тово же Кучюма царя, и божиею де милостью и нашим счастьем тово царя Кучюма на Обе реке погромили и его убили, и жены и дети его взяли» [6, с. 447]. Однако Кучуму и остаткам его отряда удалось бежать. По некоторым сведениям, ему оказали помощь чатские татары, которые снабдили его одеждой и лошадьми. Кучум бежал по долине р. Бурлы на Иртыш [12, с. 11]. Он ушел как можно дальше от границ российских владений – в земли ойратов в верховья Иртыша, где «в течение некоторого времени кочевал около озера Нор-Зайсан» [6, с. 293]. Затем Кучум вернулся в долину р. Ишим, где попытался вновь собрать своих сторонников. Однако здесь его отряд после совершенного им угона лошадей подвергся нападению со стороны ойратов. Кучум был снова разбит, погибло очень много татар. Он бежал к ногайцам, там и погиб [6, с. 293]. Эти события произошли в 1601 г. [11, с. 207].

Гибель Кучума не привела к прекращению борьбы за восстановление государственности сибирских татар. Преемники Кучума – его сыновья Али и Ишим

не располагали достаточными силами для того, чтобы самостоятельно бороться за восстановление Сибирского ханства. В степных районах Западной Сибири в этот период появились кочевья других тюркских и монгольских народов. Наследники Кучума стали привлекать на свою сторону башкир, ногайцев, казахов, ойратов, телеутов и орчаков, чтобы удержать под своей властью часть татарского населения в южных районах Западной Сибири. Они пытались вести переговоры и с российскими властями в надежде сохранить свои владения. В начале XVII в. сыновья Кучума под руководством Али, провозгласившего себя после смерти отца сибирским ханом, направили послов в Тобольск с заявлением о желании примириться с российскими властями. При его ставке находилось 250 татарских и башкирских воинов. Однако этот мирный замысел не удался. Прибывшие в российские владения «царевичи» Ишим и Кубей Мурат, братья хана Али, были отправлены сибирскими властями в Москву. Вероятно, такой ход событий не устроил Али и остальных его братьев. Поэтому после возвращения их родственников из Москвы они вновь попытались возобновить военные набеги на российские владения в Западной Сибири. В 1603 г. в ставку хана Али прибыл отряд ногайцев во главе с Урус-мурзой. С его приходом численность подданных хана значительно возросла, что привело к активизации военных действий.

В начале XVII в. российским властям удалось значительно расширить свои владения в Западной Сибири. В 1604 г. князь зуштинских татар Тоян принял российское подданство, и на подвластных ему землях на р. Томи был основан Томский острог. Однако в последующие годы местные тюркские и самодийские племена, «остяки и татары», в Среднем Приобье подняли восстание, которое было вызвано поборами и насилием со стороны томских воевод [6, с. 309]. Вероятно, об этих событиях стало известно наследникам Кучума, жившим в лесостепных и степных районах Прииртышья, и они решили напасть на российские владения.

В 1607 г. татарский отряд, который возглавляли сыновья Кучума – Ишим и его братья Азим и Канучвар, при поддержке ойратов совершил поход на территорию Тюменского уезда и захватил Киньрский городок, населенный тюменскими служилыми татарами. В плен взяли жен и детей киньрских татар. Вероятно, этот поход был продиктован стремлением сыновей Кучума вернуть под свою власть тюменских татар. Но на защиту киньрских татар из Тюмени выступил отряд служилых людей во главе с татарским головой Казарием Изьетдиновым. Отряд напал на ставку хана Али, освободил киньрских татар и взял в плен жен и детей хана и его братьев. В плену оказалась и мать Али. В следующем году все пленники были отправлены в Москву [11, с. 209]. Скорее всего, Кучумовичи открыли военные действия против сибирских служилых татар с целью объединения всех татарских этнических групп ради восстановления Сибирского ханства. Однако ставка хана Али была разгромлена одним из рос-

сийских военных отрядов, возглавлявшимся, судя по имени командира, представителем служилых татар.

Рассматриваемые события могут быть важным свидетельством в пользу дальнейшего перехода части татарской знати и некоторых этнотерриториальных групп сибирских татар на сторону российских властей. Заметим, что все эти события происходили в разгар «смуты» в России, поэтому центральные власти вряд ли могли оказать сибирской администрации существенную помощь. В начале XVII в. российским властям в Сибири удалось добиться признания вассальной зависимости со стороны правителя телеутов – князя Абака. Вместе со своими приближенными он «шертовал» русским «на том, что пребудут в вечной верности и беспрекословном подчинении и всегда будут бороться против тех, кого русские считают своими врагами» [6, с. 310]. За это они были освобождены от уплаты ясака. В приведении к присяге телеутского князя большую роль сыграл зуштинский князь Тоян, который ездил к нему на переговоры и даже согласился временно остаться заложником у телеутов, пока Абак съездит в Томск [6, с. 309]. Несмотря на принесение присяги, Абак фактически оставался независимым правителем и принимал участие в совместных военных действиях с Кучумовичами против русских. На поддержку со стороны российских властей в начале XVII в. в борьбе против государства Алтан-ханов пытались опереться и некоторые ойратские тайши [6, с. 310]. Часть потомков Кучума, оказавшаяся в России в тот период, сохранила верность московским царям. В 1614–1617 гг. Арслан, сын хана Али, был назначен правителем Касимовского «царства». После него это вассальное государство возглавлял его сын Василий Арсланович [11, с. 212].

О попытках восстановления Сибирского ханства в рассматриваемый период наследниками хана Кучума известно немного. После смерти Али в 1616 г. новым ханом провозгласил себя его брат Ишим. Он пытался опереться на поддержку ойратов, для чего породнился с одним из тайшей, женившись на его дочери. Но когда в 1618 г. против его ставки на Иртыше совершил поход русский военный отряд под командованием А. Вельяминова, джунгарские правители не смогли оказать ему должной помощи, поэтому татары и ойраты, находившиеся в окружении хана Ишима, понесли тяжелые потери [11, с. 210]. К тому времени «смута» в Российском государстве закончилась, и оно смогло активизировать свои усилия по присоединению южных районов Западной Сибири. В 1618 г. отряд служилых людей во главе с О. Харламовым основал Кузнецкий строг в верховьях Томи. В составе его отряда был «татарский голова» О. Кокорев. Поход был совершен зимой, на лыжах. При строительстве острога русские не встретили никакого сопротивления со стороны местных жителей – «кузнецких татар»-шорцев [6, с. 315]. Продвигаясь в южные районы Западной Сибири, отряды русских казаков и служилых людей стремились подчинить и обложить ясаком те этнические группы коренного населения, кото-

рые занимались охотой и могли платить подати пушниной. Степные районы, населенные кочевыми скотоводами, их мало интересовали, но свои владения и районы расселения податного коренного населения они старались обезопасить от вторжений со стороны номадов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
2. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.
3. *Кызласов Л.Р.* О присоединении Хакасии к России // Страницы истории и современность. Абакан; М., 1996. Вып. 2.
4. *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим данным) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2008. Т. 10.

5. *Худяков Ю.С.* Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография.

6. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1.
7. *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010.
8. *Худяков Ю.С.* Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Сибири». Тобольск; Омск, 2002.
9. *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.
10. *Окладников А.П.* Открытие Сибири. М., 1981.
11. *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.
12. *Уманский А.П.* Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII в. Барнаул, 1995. Ч. 2.

УДК 94 (571.12) 162 + 656.12 (571.12) 162

О.В. СЕМЕНОВ

ЯМСКИЕ ПРИКАЗЧИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII в.*

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Екатеринбург
e-mail: olegas2003@list.ru

В статье рассматривается приказное руководство западносибирских ямов в эпоху позднего средневековья. Определен порядок назначения на должности ямских приказчиков, выявлены объемы их властных полномочий и степень самостоятельности, установлены формы обеспечения. Сделан вывод о серьезной роли данных должностных лиц в деле налаживания и функционирования системы регулярного сообщения в крае.

Ключевые слова: ямской приказчик, ям, ямщик, система сообщения.

Стремительное продвижение русских на восток, начало которому было положено походом Ермака, вызвало острую необходимость в налаживании системы регулярного сообщения между Москвой и далекой «государевой отчиной». Вот почему с конца XVI в. на территории Зауралья и Западной Сибири зарождается профессиональная ямская гоньба. Здесь поочередно возникают Верхотурский, Туринский, Тюменский, а в последующем Демьянский и Самаровский ямы.

Хорошо известно, что отдельная ямская слобода представляла собой особую административную единицу, жизнь и деятельность которой основывалась на традициях общинного самоуправления. В случае необходимости население собирало сход. На нем решались важнейшие вопросы жизни «мира» и избирались должностные лица, которые размещались в «ямской

мирской избе»¹. Возглавлял органы самоуправления староста. В его непосредственные обязанности входили отпуск подвод, участие в разбирательстве мелких правонарушений со стороны ямских охотников и членов их семей и т.п. Он также представлял слободу во внешнем мире. Кроме того, на сибирских ямах имелись десятники. Для предоставления ямщикам нарядов на поездки на сходе могли избираться окладчики. Все текущее делопроизводство слободы находилось в руках ямских дьячков.

Профессиональная гоньба в крае с момента своего возникновения была поставлена под пристальный контроль со стороны местных властей. Не случайно подлинным распорядителем ямского дела в рамках вверенной ему территории являлся воевода. Последний в ряде случаев опирался на непосредственно подчинявшееся ему должностное лицо – ямского приказчика.

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0578.

¹ ГАПО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 170. Л. 7 об.

К сожалению, в научной литературе фигуре ямского приказчика до сих пор уделялось незаслуженно скромное внимание. Зачастую исследователи ограничивались краткой и довольно общей характеристикой данного должностного лица, при этом упуская из виду наличие региональных особенностей. По-прежнему остается немало вопросов вокруг механизма назначения ямских приказчиков, форм обеспечения, функций, сроков их деятельности, степени самостоятельности и т.п. Настоящая статья основана на сибирских материалах позволяющих отчасти восполнить указанный пробел.

По всей видимости, «за Камнем» в эпоху Позднего средневековья ямские приказчики действовали не везде. В настоящее время их наличие установлено лишь по отношению к Демьянскому и Самаровскому ямам². Оба этих населенных пункта располагались на Иртыше, играя роль связующего звена между отдельными частями края. Через них проходил основной поток людей и грузов, направлявшихся в Восточную Сибирь и обратно. По своим роли, значению и функциям ямские приказчики отчасти напоминали руководителей крестьянских слобод. Как и последние, они по отношению к подчиненному населению выступали в роли своеобразных «воевод в миниатюре».

Ямские приказчики назначались приказной избой (посредством подачи челобитных) обычно из числа местных детей боярских³. Зачастую назначение осуществлялось непосредственно Москвой⁴. Поскольку обладание данной должностью сулило серьезные выгоды, то для служилого человека она являлась желанной. Нет никакого сомнения в том, что ее получение сопровождалось подношением соответствующих «посулов» представителям государственной администрации⁵. Перед отправлением к месту службы приказчи-

ку выдавалась инструкция, в которой прописывались его должностные обязанности и содержались предостережения против возможных злоупотреблений. Так, царской грамотой (апрель 1686 г.) тобольскому воеводе А.П. Головину предписывалось послать на Самаровский ям «человека доброго, кого пригож, и в наказе ему... написать с великим подкреплением», чтобы он «проезжим всяких чинов служилым и торговым людям и самаровским жителем» утеснений не чинил⁶. К месту службы должностное лицо выезжало в сопровождении родственников. Не случайно в марте 1676 г. на Демьянском яме вместе с приказчиком тобольским сыном боярским С. Кобылинским находились его сыновья Иван и Кондратий, а отпущенный в сентябре 1698 г. в Тобольск Ю.И. Глинский покидал Самаровский ям вместе с женой и «своими» людьми⁷.

В ямской слободе приказчик действовал наряду с выборным старостой. Несмотря на нечеткость разграничения функций между ними, следует отметить, что первый, как представитель государственной администрации, занимал доминирующее положение, располагая при этом обширной компетенцией, затрагивавшей многие стороны местной жизни. Возглавляя судную (или «приказную») избу, он осуществлял надзор за действиями старосты и прочих должностных лиц ямского управления, следил за регулярностью их выборов и при необходимости мог применять наказания. Так, в 1682/83 г. самаровский приказчик А.М. Ушаков ямского старосту И. Серебрянникова «в колоду садил за вину его», «что он без ведома его, Афонасьева, роздал проезжим всяких чинов людям, на дощаники подводы» [1, с. 153].

По мнению ряда исследователей, ямские приказчики в России постепенно утратили свое значение. Логическим итогом этого стала их ликвидация во многих областях страны в 1679 г. [2, с. 33; 3, с. 182]. Тем не менее в Сибири данные должностные лица продолжали существовать. Более того, на протяжении всех десятилетий XVII в. они играли важную роль в обеспечении исправного функционирования системы регулярного сообщения в крае.

Основная задача, поставленная перед ямским приказчиком, заключалась в обеспечении бесперебойного функционирования системы ямской гоньбы. Вот почему он контролировал отпуск подвод, следил за тем, как ямские старосты ведут загонные книги, принимал участие в приборе на опустевшие паи «охотников» и, по-видимому, брал с них «выборы», которые затем отправлялись в приказную избу. По распоряжению Разрядного приказа приказчик также мог отводить ямщикам земли под пашни и сенные покосы, осуществлять контроль над поземельными сделками в рамках вверенной ему территории и т.д.

В Сибири ямские приказчики имели отношение и к вопросу обеспечения ямщиков жалованьем. К при-

² Отсутствие приказчиков на Верхотурском, Туринском и Тюменском ямах объясняется, скорее всего, тем, что все они находились при городах. Что касается Демьянского и Самаровского ямов, то они располагались на значительном удалении от Тобольска (которому подчинялись). С целью эффективного управления и контроля над ними привлекались непосредственные представители воеводской администрации.

³ По XVII в. известны указы, согласно которым ямских приказчиков в европейской части страны следовало назначать из числа «отставных дворян». Что касается руководства сибирских ямов, то оно комплектовалось из людей, продолжавших состоять на государственной службе.

⁴ По крайней мере, такого рода примеры известны по ямам Центральной России. Добивались своего назначения через территориальный приказ и многие из претендентов на должности приказчиков крестьянских слобод (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Стб. 3207. Л. 3; Стб. 3003. Л. 31; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 496. Л. 86а–89; Стб. 1056. Л. 718–719); Стб. 560. Л. 97–98, 404–405, 476–477.

⁵ Известно, какие огромные взятки давали сибирские служилые люди за то чтобы занять пост слободского приказчика. О напряженной борьбе за должности руководителей ямов свидетельствуют и материалы по центральной части страны (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Стб. 3508. Л. 1).

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 310.

⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 610. Л. 357; Кн. 1208. Л. 655 – 655 об.

меру, в начале 1689 г. самаровский ямской челобитчик И. Корепанов получил в Москве 1000 руб. Разрядным властям предписывалось всю эту «казну» «записать в приход», после чего «без задержанья» отправить на Самаровский ям. Здесь присланные из Первопрестольной средства необходимо было раздать ямщикам на текущий 1688/89 г. «в их оклады всем налицо при прикащиках и при старостах». В последующем «те роздаточные книги с того яму за прикащиковыми и за старостинными руками» следовало «прислать... в Тоболеск, и в Тоболску тое дачу написать в росходную книгу и в сметной список»⁸. Впрочем, права на самостоятельное изменение окладов жалованья ямщиков прикащики не имели.

Немаловажную роль в жизни ямской слободы играла церковь. Помимо богослужений, в ней будущих ямщиков приводили к крестному целованию [4, с. 9]. При церкви же могли храниться мирские казна и документы. Самаровский церковный причт (поп, дьякон (дьячок), пономарь) находился на казенном обеспечении⁹. Именно ему ямскими прикащиками из местных сборов выдавалось денежное жалованье¹⁰.

Судебная компетенция ямских прикащиков оставалась довольно скромной. Тем не менее, нельзя согласиться с мнением И.Я. Гурлянда, будто в Сибири данные должностные лица «скоро утратили» в этой области свои полномочия [5, с. 196 – 197]. Прикащик совместно с ямским старостой судил насельников слободы по незначительным искам, за что взимал соответствующие пошлины. Суд по более серьезным преступлениям осуществлял воевода. Так, в 1685 г. самаровцы обвинили ямщика И. Хозяинова в недобросовестности. Первоначальное следствие по этому делу проводил прикащик Ю. Глинский. В ходе разбирательства выяснилось, что в 1683/84 г. Хозяинов по поручению «мира» ездил в Москву, где получил две грамоты «о их ямщицких нуждах». Однако на обратном пути, в Тобольске, документы у него украли «воровские люди». Стремясь избежать наказания, незадачливый челобитчик не объявил об этой пропаже ни воеводским властям, ни ямщикам. «Допросные речи» вместе с отпиской и челобитной самаровцев Глинский отправил в разрядный центр. И уже здесь воеводы вынесли окончательный вердикт: Хозяинова «на Самаровском яму... бить батоги»¹¹. Впрочем, нельзя исключать и того, что недовольные своим приказчиком слобожане сами могли переносить разбиратель-

ство в вышестоящую инстанцию. Во всяком случае, именно так поступало население крестьянских слобод. Что касается дел по духовным преступлениям, то они рассматривались церковным судом.

Самаровские и демьянские ямские прикащики были причастны к взиманию разнообразных поборов. Так, они участвовали в сборе общегосударственных налогов («десятой деньги»), пошлин с продажи скота, «явочных денег» «с пив и браг», оброка с рыбных ловель и гулящих людей и т.д. Тем не менее, как и другие представители местной администрации, прикащики не имели права на самостоятельное расходование казенных средств, а также на освобождение или предоставление населению отсрочки от уплаты налогов. При необходимости по отношению к нарушителям они могли применять карательные санкции. Так, в 1653/54 г. самаровский прикащик Б. Детков «взял на... государя и прислал в Тоболеск» у проезжавших через ям пеших казаков Д. Горохова и Д. Табакова, черную и черно-бурую лисицы, которых служилые люди «тайным обычаем» купили в Березове и пытались спрятать «в коробе, в перье»¹².

В обязанности данных должностных лиц входили также функции полицейского характера. Именно они контролировали нравственное состояние ямщиков: боролись с пьянством, не допускали азартных игр между ними и т.д. Следили прикащики и за тем, чтобы в слободе не укрывались беглые и преступники.

Довольно широкие полномочия ямских прикащиков в Западной Сибири способствовали тому, что на протяжении XVII в., в связи с потребностями дальнейшей государственной централизации, воеводские власти стремились поставить их под свой более пристальный контроль. В случае нерадивого выполнения обязанностей должностное лицо ожидало возмездие. Например, в апреле 1654 г. самаровского и демьянского прикащиков предупредили о том, что если они не будут унимать ямщиков от «воровства», то им грозит наказание «как они доведутца»¹³. Вместе с тем, трудно сказать, имел ли воевода право на самостоятельное смещение недобросовестного администратора¹⁴.

По-видимому, строго установленных сроков «сидения на приказе» на сибирских ямах не существовало. Во всяком случае, на практике они могли колебаться от нескольких месяцев до нескольких лет. При смене администратора соблюдалась процедура строгой отчетности, когда новый прикащик принимал у старого все дела. При этом составлялись «росписной» и «счетный» списки. Оба они доставлялись в приказную избу. Съезд прикащика без передачи дел считался незаконным.

¹² Там же. Стб. 476. Л. 348 – 349.

¹³ Там же. Стб. 480. Л. 207.

¹⁴ Скорее всего, как и в случае с прикащиками крестьянских слобод, здесь отсутствовало какое-либо общее правило: в одной ситуации воевода самостоятельно заменял должностное лицо, в другой – на это требовалась санкция Москвы.

⁸ Там же. Оп. 3. Стб. 1021. Л. 86.

⁹ Церковный причт на Демьянском яме, согласно переписи 1683 г., содержало население. Однако уже в конце 1680-х – начале 1690-х гг. поп «с причетники» получали денежное жалованье из местных казенных доходов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 178 – 179; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607, 1637).

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 640. Л. 3, 5 об., 10; Оп. 3. Стб. 990. Л. 172, 177, 178, 179; В отличие от денежного, хлебное жалованье духовенству Самаровского яма, как и ямщикам, присылалось из Тобольска или слобод.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 29.

Нам известно очень мало о формах обеспечения ямских приказчиков в Сибири. Как и руководство крестьянских слобод, они получали казенное жалование. Не случайно, за Ю.И. Глинским, который с осени 1684 г. по весну 1687 г. возглавлял Самаровский ям, одновременно числился оклад денежного обеспечения в размере 20 руб.¹⁵ Одновременно население уплачивало в пользу приказчиков всевозможные легальные и полунелегальные поборы («кормы», «почести», «посулы» и т.д.), а также выполняло массу разнообразных «поделок». Вдобавок, администратор мог иметь собственное хозяйство.

Столь широкие полномочия, территориальная удаленность и относительная самостоятельность толкали на немалые злоупотребления со стороны руководства ямов¹⁶. Так, в 1654 г. демьянцы жаловались на своих приказчиков, которые «пиво варят, и, накуря, продают всяким людям, и от того де винного куренья в слободе чинятца пожары частые». Подытоживая челобитную, ямщики заключали, что им от своих администраторов «чинитца обида и налога болшая»¹⁷. Необходимо отметить, что чрезмерные злоупотребления приказных дельцов наталкивались на яростное сопротивление сибирских «миров». При этом власти старались учитывать интересы ямщиков и со вниманием относились к их жалобам. Тем не менее заслуженная кара постигала администратора-корыстолюбца не всегда, но лишь в том случае, если своими действиями он ослаблял государственную власть. К примеру, в апреле 1686 г. руководство Сибирского приказа предписало тобольским властям сменить самаровского ямского приказчика Ю. Глинского «тотчас» из-за того, что он «проезжих всяких чинов служилым и торговым людям приметками своими» чинил утеснения. Тем не менее, это распоряжение выполнено не было, и Глинский оставался на своем посту вплоть до марта 1687 г.¹⁸ Далеко не всякие действия местной администрации, квалифицируемые «мирами» как злоупотребления, точно так же оценивались правительством.

На протяжении XVII в. положение сибирских ямщиков неуклонно ухудшалось. Причина этого заключалась не только в поджидавших на пути опасностях, суровых природных условиях и многочисленных злоупотреблениях со стороны представителей местной администрации и проезжих лиц, но также в политике

властей, нацеленной на извлечение максимальных доходов при соблюдении строжайшей экономии финансовых средств. Все это вынуждало ямщиков прибегать к активным формам протеста, перед которыми ближайшим к ним представителям государства – приказчики – оказывались порой бессильными¹⁹. Так, 19 марта 1645 г. приказчик С. Голынский потребовал у самаровцев выделить направлявшемуся «для... сыскных дел» в Мангазею тобольскому подьячему необходимые средства передвижения. Однако «охотники» ему «в подводах... отказали». Свой поступок они мотивировали тем, что уже на протяжении нескольких лет не получали хлебного жалования, отчего «нужны и бедны»²⁰. По всей видимости, тогда для насельников Самаровского яма подобное своеволие осталось без каких-либо последствий. Впрочем, чаще всего воеводы довольно оперативно реагировали на все случаи неповиновения со стороны ямщиков и сурово наказывали их за действия, грозящие нарушить бесперебойное функционирование системы гоньбы в крае и подорвать авторитет носителя верховной власти. Не случайно 23 декабря 1641 г. в Тобольске ямщики Т. Облупин «с товарищи» были «биты по рядом в проводку кнудом за их воровство и за непослушание, за то, что они на Самаровском яму воровали, приказчиков не слушали и старост били и гонцам подвод не давали»²¹.

Таким образом, на протяжении XVII в. ямские приказчики являлись заметным звеном системы местного управления в далеких «закаменных» территориях. Обладая довольно широкими полномочиями и находясь под контролем воеводской администрации, они играли важную роль в налаживании и функционировании системы регулярного сообщения в крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997.
2. Виташевская М.Н. Старинная русская почта. М., 1962.
3. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.
4. Шапков А.Т. Самаровский ям: как возникла будущая столица Югры // Родина. 2005. № 12.
5. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

¹⁵ Впрочем, на протяжении XVII в. власти предпринимали отдельные шаги, направленные на то, чтобы полностью перевести приказчиков крестьянских слобод на содержание населением. Трудно сказать, касались ли данные нововведения руководителей ямов.

¹⁶ Этому в немалой степени способствовал распространенный в среде служилых людей взгляд на отправление любой административной службы как на возможность поправить свое материальное благосостояние.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 480. Л. 193.

¹⁸ Там же. Стб. 354. Л. 310.

¹⁹ В отличие от приказчиков крестьянских слобод, руководство Самаровского и Демьянского ямов не имело в своем распоряжении беломестных казаков. Отсутствие военной силы, безусловно, ограничивало возможность применения карательных санкций.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 78.

²¹ Роспись, кому именем и за какую вину, какое наказание было с приезде в Тобольск воевод князя П.И. Пронского, да Ф.И. Ловчикова, да дьяков И. Трофимова, да А. Галкина // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 1. С. 30.

УДК 94(47).073

В.В. ВЕДЕРНИКОВ

**НЕРЧИНСКИЕ ЗАВОДЫ ДО ВЗЯТИЯ В ВЕДОМСТВО КАБИНЕТА
(1704–1787 гг.)**

Алтайский государственный университет,
г. Барнаул
e-mail: vedernikov75@mail.ru

Статья посвящена вопросу о причинах кризиса Нерчинского горного округа, который привел в середине XIX в. к ликвидации сереброплавильного производства в Восточной Сибири. Опираясь на архивные материалы, автор статьи находит истоки кризисной ситуации в «докабинетском периоде» истории Нерчинских заводов.

Ключевые слова: Берг-коллегия, горнозаводское производство, Нерчинские заводы, производство серебра.

Нерчинские и Колывано-Воскресенские (КВЗ) заводы составляли, за небольшим исключением, сереброплавильную отрасль в стране. Отсюда – общая для обоих производственных комплексов логика развития, хотя история Нерчинских заводов, начиная с дореволюционной историографии, изучена слабее. С 1747 г. Берг-коллегия, управлявшая Нерчинскими заводами, стала копировать политику Кабинета на КВЗ. Мощным стимулом синхронного роста производства на этих заводах стала Русско-турецкая война (1768–1774). Началась «схватка честолюбия» между командирами КВЗ А.А. Ирманом и Нерчинских заводов В.И. Суворовым и, как следствие, авральная выемка лучших руд, которая, как мы увидим, подорвала рудную базу Нерчинских заводов.

История Нерчинских заводов делится на два этапа: докабинетский – с 1704 г. и кабинетский – с 5 января 1787 г. (после взятия их в ведомство Кабинета для снабжения свинцом Колывано-Воскресенских заводов)¹. Нерчинский горный округ подчинялся Кабинету до февраля 1917 г. Докабинетский период, в свою очередь, можно разделить на периоды: 1) 1704–1760 гг., когда действовал единственный Нерчинский завод; 2) 1760–1787 гг. – строительство новых заводов и частичный переход (с 1776 г.) с конной тяги на водяное колесо.

В 1704 г. началась постоянная сезонная работа Аргунского (с 1730-х гг. – Нерчинского) завода. До 1721 г. предприятием заведовал нерчинский воевода П.С. Мусин-Пушкин. По окончании Северной войны Петр I смог уделять больше внимания единственному сереброплавильному заводу в империи. К тому времени в столице доподлинно не было известно, где находится Нерчинский завод и действует ли он. Поэто-

му Петр I отправил кабинет-курьера И.М. Голенищева-Кутузова. В 1721–1723 гг. последний перевел предприятие на круглогодичную работу.

Изначально завод действовал на вольном найме. В подрядной записи 1706 г. русские работники фигурируют как «промышленные люди». Срок работы устанавливался на один сезон – с 1 апреля по 1 октября. На 1708 г. русские мастера и подмастерья подписали уже не договор о найме, а «поручную запись». Они «поручились в Нерчинску в приказной избе друг другу круговой порукою» в том, чтоб им работать «в Аргунску у рудных серебряных промыслов» не только в 1708 г., но и «впредь по вся годы». Мастерские обязывались круговой порукой, чтоб им «с работы из Нерчинска никуда на иной город не съехать и не сбежать, и ни в чем той великого государя рудоплавной серебряной работы не остановить»².

Наемные работники условно делились на «кормовых» и «окладных». Разница между категориями едва заметна. Первые были временными, вторые – постоянными. В связи с сезонностью работ на заводе состав «кормовых» постоянно менялся. Те, кто начинал работать как «кормовые», впоследствии становились «окладными». Постепенно из числа подписавших «поручную запись» сложился постоянный контингент квалифицированных работников, которые проработали бок о бок десятками лет и обязывались впредь «работать по вся годы».

Указом от 22 декабря 1724 г. Берг-коллегия повелевала не смешивать категории «окладных» и «кормовых» заводских рабочих. Возникает принуждение, вводятся телесные наказания. Ведомость 1739 г. начальника Нерчинского завода Е. Назарьева фиксирует факт появления на заводе прослойки потомственных рабо-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 22. № 16496.

² Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 158–159.

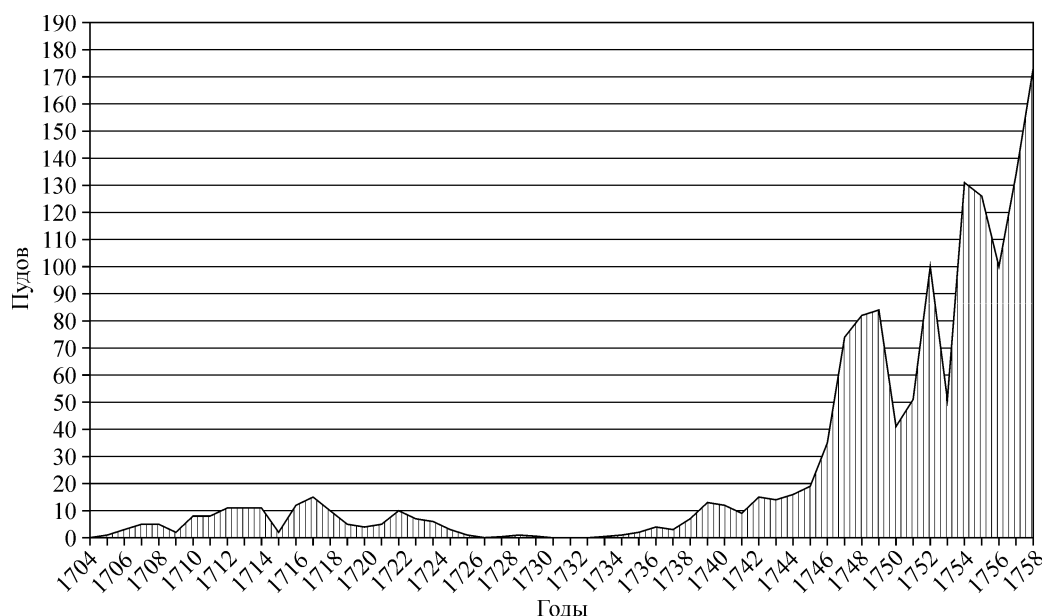

Рис. 1. Производство серебра на Нерчинском заводе в 1704–1760 гг. Источник: ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 483. Л. 29 об. – 31 об.

чих. Среди рудокопов первой и второй статьи значатся не только старые рекруты, но и «мастерские дети»³. При И.М. Голенищеве-Кутузове (1721–1723 гг.) работало всего 120–180 наемных рабочих людей, а по сказке П. Дамеса 1738 г. показано, что «при работе на тех заводах бывает работников до 500 человек и более» [1, кн. 2, с. 220].

Нерчинский завод в первой половине XVIII в. имел малый объем производства по причине нехватки рабочих рук. «Правительство немедленно пришло на помощь заводам, способствуя всеми мерами заселению ближайшей к ним местности» [2, с. 18]. К 1726 г. на Нерчинских заводах было учтено 823 души приписных крестьян. С развитием горнозаводской промышленности увеличивалась и численность приписных крестьян. По переписи 1749 г. значилось 1464 души м. п. крестьян и разночинцев⁴. Для целей хлебопашества округ заселялся ссыльными.

Проявлялась общегосударственная стратегия включения новых территорий путем крестьянской колонизации, или в данном случае – принудительного заселения «переведенцами» с территорий к западу от Яблонового хребта, превращения региона в аграрный, пашенный. Одновременно решалась задача превращения приписной деревни в источник пополнения нерчинских мастеровых и горнорабочих путем рекрутчины. Источник 1748 г. указывает, что в горные работы могут обращаться только вновь набранные рекруты⁵. Другим источником рабочей силы на рудниках стали каторжники. В 1706 г. смертная казнь «за винное сидение и за продажу всякого корчемного питья» была заменена «на

вечное житье в Дауры, в Нерчинск, к рудоплавному делу в работу, с женами и с детьми, неотложно, без замедления» [1, кн. 1, с. 20]. В 1721 г. таких ссыльных было 47 чел. В 1723 г. на Нерчинские заводы по приговору Московского надворного суда отправили 26 колодников, всего с женами и детьми – 51 чел., трое в дороге умерло, а всего на заводы прибыло 48 чел.

В первые десятилетия работы для Нерчинского завода был характерен малый объем производства, поддерживающийся, скорее, в силу инерции. Но после 1747 г. начался резкий подъем. Примером для Берг-коллегии, в ведомстве которой находился Нерчинский завод, служило быстрое развитие сереброплавильного производства на Алтае. Источниками роста производства нерчинского серебра стали увеличение добычи руд, привлечение иностранцев (саксонцев) к управлению производством.

С момента основания Нерчинский завод имел самодувные печи, т. е. печные меха действовали вручную. В 1721–1723 гг. Голенищевым-Кутузовым печное дутье переведено на конную тягу, за счет которой заводы действовали до 1776 г. Затем они были частично переведены на водяную тягу, сочетавшуюся с конной: либо машины были двойного действия, либо печи, действовавшие на водяной тяге, в периоды маловодья не использовались.

В связи с участием России в Семилетней войне интерес Елизаветы Петровны к серебру возрос. Началась синхронная разработка проектов, касавшихся расширения производства серебра: в Кабинете – проект А.В. Олсуфьева – А.И. Порошина по развитию КВЗ, в Берг-коллегии – проект И.А. Шлаттера – В.И. Суворова по развитию Нерчинских заводов.

Кабинетский проект на КВЗ начал претворять в жизнь главный командир А.И. Порошин с 1761 г. На

³ Там же. Ф. Р-2597. Оп. 1. Д. 251. Л. 239.

⁴ ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11. Л. 148.

⁵ Там же. Л. 31.

Алтае закрыли Колыванский завод, вместо него построили Павловский, а для производства меди построили завод на р. Нижний Сузун, действующих заводов стало три, считая Барнаульский.

В Даурии в 1760 г. началось строительство Дучарского завода, в 1764 г. – Кутомарского; таким образом, численность заводов в ведомствах Кабинета и Берг-коллегии уравнивается. С приездом на Нерчинские заводы их главного командира В.И. Суворова в 1764 г. началось соревнование между Кабинетом и Берг-колlegией по производству серебра на подведомственных им Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводах.

В.И. Суворов руководствовался подробной инструкцией, отражавшей весь накопленный опыт в сфере управления горнозаводским производством на отдаленных окраинах. Отныне начальник Нерчинских заводов был правомочен перестраивать старые заводы, переносить их на другое место, увеличивать число плавильных печей. Расширение производства стало осуществляться по схеме: две плавильных фабрики и одна разделительная. На главном Нерчинском заводе в 1773 г. была построена вторая фабрика с четырьмя печами и одной машиной на конной тяге. В 1787–1788 гг. от р. Алтаци на Нерчинский завод провели канал, воздухоудные машины заработали как от «наливных» колес, так и от конной тяги. Первая фабрика Дучарского завода была пущена в действие 5 июля 1763 г. В 1776 г. три печи Дучарского завода заработали от наливного колеса. К 1787 г. завод состоял из двух плавильных и одной сереброразделительной фабрики.

Кутомарский завод построили на основании сенатского указа В.И. Суворову. 5 июля 1763 г. на осмотренном месте у дер. Кутомары, вблизи Кадаинского рудника, Суворов приказал начать строительство завода с шестью печами. Первая фабрика введена в строй в 1764 г.; вторая – «о четырех печах» – строилась в 1764–1766 гг. По примеру Дучарского завода здесь в 1778–1779 гг. установили «наливные» колеса. Сереброразделительная фабрика строилась с 1779 по 1782 г. Машины Нерчинского, Екатерининского и частично Кутомарского заводов были двух видов – конные и водяные, на остальных заводах – двойного действия, т. е. одновременно и на конной, и на водяной тяге.

Екатерининский завод своим появлением обязан главному командиру Нерчинских заводов В.В. Нарышкину, который в 1776 г. велел «во исполнение воли мудрой монархини построить здесь давно желаемый вододействующий завод». По поручению Нарышкина бергешворен (горный советник) Губанов нашел удобное место в двух местах от Кутомарского завода, ниже по течению р. Кутомары. Завод запустили 23 августа того же года. В 1779 г. плавильные печи Екатерининского завода было решено оставить без действия из-за недостатка руд, а чтобы не уменьшать расплавку руд, такое же число печей было решено прибавить на Кутомарском заводе.

Шилкинский завод находился на берегу судоходной р. Шилки. В 1765 г. началась разработка одноименного Шилкинского рудника. В 1767 г. В.И. Суворов распорядился начать строительство в устье р. Чалбучи, впадающей в Шилку, нового завода с двумя плавильными печами, одним разделительным горном и одной конной машиной. В 1769 г. завод имел четыре плавильные печи и один трейбофен (сереброразделительную печь) на конном действии. В 1779 г. фабрику возвели на новом месте на р. Чалбуче. С того времени до самой ликвидации Шилкинский завод состоял из двух фабрик: плавильной – с восемью печами и сереброразделительной «об одном трейбофене», число которых увеличилось затем до трех. При Шилкинском заводе в 1779 г. построили стеклянную фабрику с пятью кирпичными печами. Производство посуды и оконного стекла на ней доходило до 500 пуд. в год.

На берегах р. Газимур находили много поросших лесом «чудских копей», остатки плавильных устройств и кучи огарков; предполагалось, что и руды здесь должно быть много. В конце 1777 г. бригадир И.В. Аршеневский основал Газимурский завод. К началу XIX в. на Газимурском заводе действовало семь печей и конная машина. Строительством нового завода стремились приблизить проплавку руд к месту их добычи. Дучарский завод отстоял от Нерчинского в 40 верстах, Кутомарский – в 70, Газимурский – в 104, Шилкинский – 175 верстах.

Мощный толчок росту производства серебра дала Русско-турецкая война. В 1772 г. КВЗ произвели 1227 пуд. серебра. Нерчинские заводы ответили в 1774 г. 618 пуд. драгоценного металла, причем В.И. Суворов в отчете подчеркнул, что хотя на Нерчинских заводах впятеро меньше людей, они дали лишь в 2 раза меньше серебра.

Существенный вклад в рост производства на Нерчинских заводах внесли частные рудники иркутского купца М.В. Сибирякова: Михайловский, Килгинский, Воздаянский и Покровский. В 1776 г. он получил разрешение построить собственный завод. Выплавка серебра из «вольнопромышленничьих» руд достигла наивысших показателей (280 1/4 пуд.) в 1772 г., а затем стала сокращаться. В 1790 г. на заводе Сибирякова в последний раз было выплавлено 5 3/4 пуд. [3, с. 199]. Сокращение этого производства подорвало производство Нерчинских заводов в целом.

Следует отметить, что расширение производства первоначально обосновывалось достаточными запасами руды, но они могли обеспечить загрузку заводских мощностей лишь на первое время. О долгосрочной перспективе не задумывались ни на КВЗ, ни на Нерчинских заводах. Стремясь увеличить производство серебра с целью обеспечить потребности ведения войн, в которых участвовала Россия, в горных округах Сибири использовались руды, находившиеся ближе к поверхности. Месторождения преждевременно истощались и засорялись отвалами. При этом не уделялось достаточного внимания креплению, отчего уже

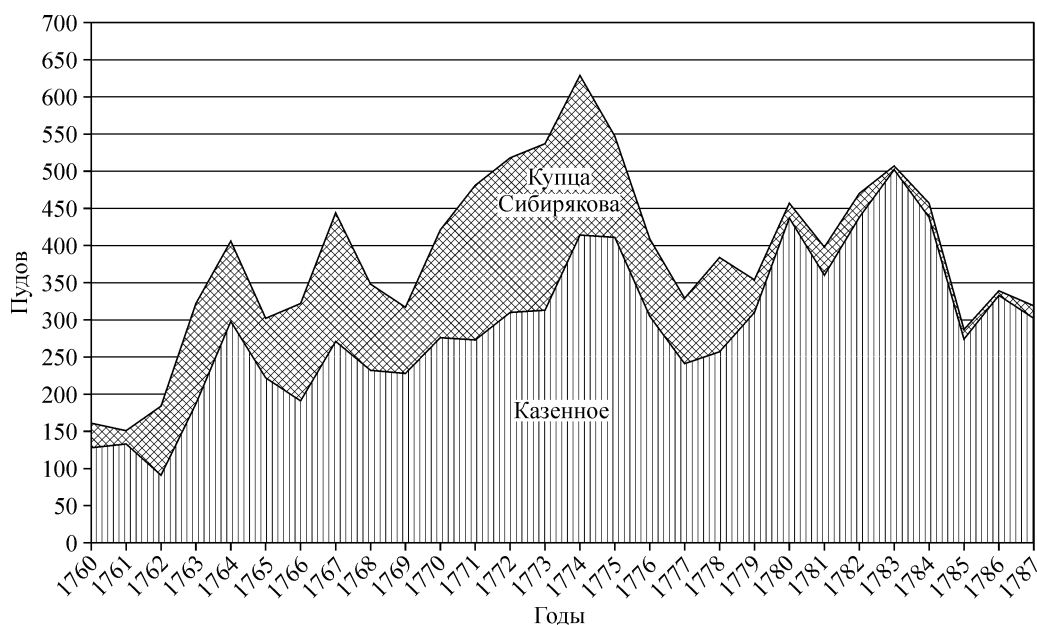

Рис. 2. Производство серебра на Нерчинских заводах в 1760–1787 г. Источник: ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 483. Л. 31 об 35 об.

через десять лет внутренние ходы рудников обрушились, а выработки затоплялись водами.

В 1770-е гг. и на КВЗ, и на Нерчинских заводах уже невозможно было заготовить годовой запас руды на заводских площадях. Это привело не только к остановке Нерчинских заводов, но и переброске части плавильщиков на рудники. Уменьшение запасов руд и припасов на Нерчинских заводах началось в 1776 г., а в 1780 г. уже не смогли добыть столько же руды, сколько ее было проплавлено. С 1780 г. началась практика плавки руд «сколько их добудется и поставится на заводы»⁶.

Одновременно разрабатывалось 15–16 мест добычи. Разведка новых залежей была поспешной, поэтому нельзя было судить ни о «верной надежности», ни о «совершенной безнадежности» рудника. Источник поясняет:

«Многие из первоначальных рудников имеют обширные и неглубокие выработки, а от того, будучи встречены внутреннею водою, и закипели льдом, другие, лишась своих обстроек, рушились, так что войти в них не можно и запущены из давних лет работою»⁷.

Всего к 1787 г. было известно 85 рудников и приисков. Типичной была ситуация, когда заводы действовали 9 мес. в году, а 3 мес. простаивали из-за дефицита руды. В 1784 г. при заводах находилось 56 рудоплавильных печей и 17 извлекательных горнов, в том числе «действующих водою» (т. е. только с мая по октябрь) – 32 печи и 9 горнов⁸.

По нашим данным, в 1764 г. численность мастеров составила 1 194 чел., в 1769 г. – 912, в 1772 г. –

1 020, в 1784 г. – 1 262 чел. Численность приписных крестьян в 1764 г. – 6 062 души м. п., в 1773 г. – 7 507, в 1777 г. – 9 938, в 1782 г. – 11 854 души м. п. В 1784 г. было 1129 каторжников. Численность населения ведомства Нерчинских заводов в целом оказалась в 5 раз ниже, чем Колывано-Воскресенских, но давление горных властей на нерчинскую приписную деревню было значительно сильнее [4, с. 135]. Соотношение численности мастеровых и приписных крестьян в 1784 г. на Нерчинских заводах было 1 : 4,5, на Колывано-Воскресенских – 1 : 6. Давление на приписную деревню выразилось в том, что крестьянин был должен для завода вспахать, засеять и убрать 2 дес. пашни. Казенная пашня зачастую находилась в отдалении от крестьянских селений, и у крестьян не было сил обрабатывать собственные пашни [5, с. 183–210]. Такая эксплуатация подрывала производительные силы нерчинской приписной деревни.

По данным за 1785 г., чистая прибыль от золотистого серебра составляла 26 % на затраченный капитал (109 тыс. руб.)⁹.

К 1787 г. Нерчинские заводы еще приносили прибыль, но уже были выбраны близкие к поверхности месторождения полиметаллических руд. Дефицит сырья стал главной проблемой для предприятий. Поэтому в 1791 г., спустя четыре года после взятия Нерчинских заводов в ведомство Кабинета, они стали постоянно давать убытки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1; 1883. Кн. 2.

⁶ ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 23. Л. 45.

⁷ Там же. Л. 18 об., 493 об.

⁸ Там же. Д. 243. Листы в деле не нумерованы.

⁹ ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 244. Л. 276 об.

2. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. СПб., 1898. Вып. 5: Исторические сведения.

3. Изгачев В.Г. Частный рудный промысел в Нерчинском горнозаводском округе в XVIII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965.

4. Исторический очерк крепостного состояния Нерчинских горнозаводских крестьян // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Чита, 1913.

5. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861). Томск, 2005.

УДК: 63.6(09)(571.53)

Д.М. МАНШЕЕВ

СКОТОВОДСТВО КУДИНСКИХ БУРЯТ В XIX в.

Восточно-Сибирский государственный
технологический университет,
г. Улан-Удэ
e-mail: dorzham@mail.ru

В статье исследован процесс развития скотоводства бурят Кудинского ведомства в XIX в. Рассмотрена динамика количества скота кудинских бурят, структура их стада, соотношение различных видов хозяйственных земель и строений в Кудинском ведомстве на протяжении XIX в. Определены факторы, влиявшие на ход развития скотоводства кудинских бурят: природная среда, политика государства, технологические новации.

Ключевые слова: буряты, скотоводство, земледелие, природная среда, политика государства.

Предметом исследования настоящей статьи является история скотоводства кудинских бурят в XIX в. Данная тема слабо изучена бурятскими учеными, использовались лишь отдельные данные о развитии скотоводства у этой группы бурят [1; 2]. Вместе с тем в Национальном архиве Республики Бурятия отложилось большое количество документов, которые отражают историю скотоводства в Кудинском ведомстве в XIX в. Нами впервые предпринята попытка систематизации статистических данных, извлеченных из материалов Кудинской Степной думы, с целью изучения процессов, происходивших в скотоводстве у кудинских бурят в XIX в.

Развитие учета и контроля хозяйства бурят связано с реформами М.М. Сперанского. Именно в первой половине XIX в. после принятия Устава об управлении инородцев появляются статистические сведения о количестве скота, а также отчеты об изменениях, происходящих в скотоводческом хозяйстве бурят. Учет скота преследовал прежде всего фискальные цели – налогообложения населения.

Нас интересуют в первую очередь факторы, которые могли влиять на развитие скотоводства у этой группы бурят. Необходимо учитывать природные условия (сезонные колебания температур, количество осадков в теплые и холодные времена года, обуславливающих кормовую базу скота, и, следовательно, увеличение либо уменьшение стада; эпизоотии и нападения хищников, ведущие к сокращению поголовья). В

условиях аграрного общества и отсутствия машин и механизмов природный фактор играл решающую роль в хозяйстве любого этноса.

Кроме того, политика Российского государства повлияла на изменение экономической ситуации в Бурятии. Это касалось распространения земледелия, развития скотоводства, охоты и различных промыслов, сбыта продукции на внутреннем и внешнем рынках, а также формирования промышленности и возникновения городов.

Важным фактором являются и технологические новации. Удобрение и полив сенокосных участков, усовершенствование косы, развитие транспортных средств, строительство покотин и построек для содержания скота, а также разведение новых пород скота не могли не сказаться на состоянии скотоводства. Большую роль в хозяйственной деятельности играла коса-литовка, заменившая южносибирскую косу (у якутов – *хотур*, у бурят – *хажур*). Кошение бурятской косой напоминало скорее рубку, а не подрезание травы. Причем у такой косы лезвие не отбивалось, а просто оттачивалось бруском. Такой косой можно было косить только высокую траву [3, с. 79]. Интенсификация сенокосения у бурят была связана с проникновением в Бурятию косы-литовки в конце XVIII в. [4, с. 81]. Литовка скашивает траву любой высоты и жесткости. Высокая производительность литовки привела к освоению бурятами под сенокос более сухих участков и, как следствие, увеличению объемов заготовки сена.

Между тем коса-хажур использовалась бурятами вплоть до конца XIX в. Сказывался дефицит и дороговизна литовок на рынках Бурятии.

Буряты пользовались традиционными средствами передвижения и активно внедряли более совершенные транспортные средства русского типа – двухколесные телеги, сани, волокуши, а также упряжь – дуги, хомуты и пр. Развитие транспортных средств позволяло перевозить на дальние расстояния грузы, предназначенные для скотоводства, – сено с дальних покосов, навоз для удобрения сенокосных лугов, лес для строительства поскотин и т. д. Таким образом, внедрение в хозяйство бурят новых транспортных средств стало еще одним технологическим нововведением, интенсифицирующим скотоводство.

Большую роль в развитии скотоводства в Бурятии сыграло строительство прямых и круглых поскотин, которые защищали покосы и хлебные поля, а также возведение оград вокруг стогов сена или хлеба. Поскотины и ограды обеспечивали защиту покосов и заготовленного сена от потрав скота.

Действия губернских начальников по развитию сенокосения и земледелия среди бурят приводят к появлению правил об устройстве поскотин и городьбы, которые затем становятся статьями Обычного права бурят. В 88-м разделе Хоринского положения 1851 г. прописывается ограждение поскотинами всех сенокосных и пахотных земель от стоянок скота, указываются параметры изгороди и сроки, в которые поскотина должна быть закрыта [5, с. 96]. Бесспорно, хоринские нормы права о поскотинах и оградах были аналогичны нормативным статьям об ограждениях покосов и у других групп бурят, так как в исследуемый период Бурятия находится в русле государственной политики российского правительства. Рассмотрим развитие скотоводства у кудинских бурят.

Первая половина XIX в. Кудинские буряты расселились в долинах рек Куды, Мурина, Бугульдейки, впадающих в Ангару, а также в долинах рек Голоустной и Бугульдейки, впадающих в оз. Байкал. Эта группа бурят занималась полуседлым скотоводством. Уже в первой половине XIX в. земледелие у кудинских бурят по доходности вышло на первое место. В 1831 г. они продали в казенные места 21 120 пуд. зерна на сумму 35 481 руб. 60 коп. и в частные руки 7 тыс. пуд. на сумму 15 тыс. руб. Следующей важной статьёй дохода был сбыт продуктов скотоводства (мяса, жира, масла и кож), от продажи которого в 1831 г. было получено 11 тыс. руб. От продажи сена в 1831 г. кудинские буряты получили 9 тыс. руб., от промысла зверей и птиц – до 1,2 тыс., от рыбной ловли – до 1 тыс., от сбыта домашних изделий (войлока, овечьей шерсти, волосяных арканов, талового и березового пепла, кузнечных изделий, деревянной посуды и обуви) – 1 тыс. руб.¹ Несмотря на увеличение

количества посевных площадей у кудинских бурят, на протяжении всего XIX в. скотоводство остается основой их хозяйства.

С 1812 по 1820 г. в Кудинском ведомстве наблюдается увеличение поголовья скота – с 40 577 до 47 866 голов, и в последующее десятилетие – к 1829 г. поголовье оставалось примерно на том же уровне – 47 373 головы [2, с. 54]. В 1831 г. из-за сильных холодов, начавшихся в первых числах сентября и сопровождавшихся обильными снегопадами, пало более 800 голов скота (конного, крупного рогатого и мелкого)². Численность стада сократилась до 44 621 головы, на душу населения приходилось 3,5 головы. Кроме того, «убыль в скоте против прошедшего года, оказалось, от того, что по причине голодовки (из-за неурожая зерновых культур. – Д. М.) в прошедшее лета народу, инородцы много употребили себе в пищу и в продажу»³. Таким образом, сокращение скота у кудинских бурят к 1831 г. связано с падежом скота и с неурожаем зерновых культур. Рано выпавший снег покрыл поля с еще неубранным хлебом. В результате бурятам пришлось компенсировать недостаток продуктов земледелия продуктами скотоводства. От голода кудинских бурят могло защитить только скотоводство. О его значении для кудинских бурят говорится в отчете Кудинской Степной думы за 1831 г.: «Скотоводство как первое или сказать главное преимущество к их состоянию нивсегда они стараются размножить»⁴. Буряты видели преимущество скотоводства еще и в том, что «они (скот. – Д. М.) хотя и дешевы ценами, сверх употребления на собственное свое продовольствие получили от продажи оного жителями г. Иркутска и по селениям живого и битаго, от него жиру, масла и кож, по ближайшему их усчету в 1830-м г. до 20 000 руб., в 1831 г. – 11 000 руб. <...> в 1832 г. полагают получить от оного не менее 11 000 руб. Итого в три года от скота 42 000 руб.»⁵.

В последующие годы ситуация улучшилась. Так, к 1835 г. количество скота увеличилось до 49 771 головы, на душу населения приходилось 3,7 головы, а в 1838 г. скота насчитывалось 52 388 голов, а на одну душу приходилось 3,6 головы⁶.

В 1839 г. в Кудинском ведомстве вновь случился неурожай зерновых, что привело к сокращению поголовья скота до 49 617 голов, а на душу населения пришлось 3,4 головы. Неурожаи и голод 1839 г. вызвали убыль населения в Кудинском ведомстве. Население уменьшилось на 2 302 чел.: с 14 713 чел. в 1839 г. до 12 411 чел. в 1842 г.⁷ С 1842 г. количество скота у кудинских бурят увеличивается быстрыми темпа-

² Там же. Л. 64 об., 97.

³ Там же. Д. 76. Л. 151 об.

⁴ Там же. Л. 97.

⁵ Там же. Л. 61 об.

⁶ Там же. Д. 143. Л. 73; Д. 203. Л. 78–79.

⁷ Там же. Д. 253. Л. 97 об.

¹ Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 61 об. – 62 об.

ми и к 1852 г. достигает 57 991 головы, а на душу населения приходится 4,5 головы. Растет и численность населения. К 1852 г. в ведомстве числилось уже 12 826 чел.⁸

В структуре стада кудинских бурят преобладал крупный рогатый скот (КРС). Вторую позицию занимали овцы и козы, третья – лошади. По данным 1831 г., в Кудинском ведомстве числилось 22 287 (49,95 %) голов КРС, 9 295 (20,83 %) лошадей, 10 068 (22,56 %) овец и 2 971 (6,66 %) коза. Примерно такое же соотношение разных видов скота кудинских бурят сохранялось на всем протяжении XIX в. Исключение составили 1869–1870 гг., когда из-за эпизоотии чумы доля КРС в стаде сократилась до 20 %.

В 1830-х гг. в хозяйствах кудинских бурят появляются свиньи, число которых зависело от урожая зерновых культур. Так, в урожайном 1838 г. здесь было 79 свиней, а в неурожайном 1839 г. они практически исчезли⁹.

Под влиянием политики государства, направленной на развитие земледелия и сенокосения среди «инородцев» Сибири, кудинские буряты расширяют свои пашни и сенокосы. Разработка земель под пашни и сенокосные участки в Кудинском ведомстве приводит к сокращению площади пастбищ. В 1831 г. в ведомстве было 8 871 дес. пахотной земли, 10 800 дес. сенокосной и 38 913 дес. пастбищ¹⁰. К 1852 г. соотношение размеров хозяйственных земель в ведомстве изменилось. Размеры пахотных земель увеличились до 11 452 1/2 дес., сенокосной – до 9 664 дес., а размеры пастбищ уменьшились до 30 257 дес.¹¹ Как видим, к середине века размеры сенокосных земель, хотя и выросли, но оказались меньше размеров пахотных земель, размеры же пастбищ сократились на 8 656 дес. Между тем в ведомстве увеличивается заготовка кормов для скота – сена, соломы и зерна, что позволяет кудинцам защитить свой скот от зимней бескормицы. Заготовка сена носит у них товарный характер. Так, в начале 1830-х гг. от продажи сена и от прокормления сеном скота, принадлежавшего торговцам мясом, кудинские буряты ежегодно получали от 8 до 9 тыс. руб. дохода¹².

О модернизации хозяйства бурят свидетельствуют изменения в соотношении у них улусов и сел, деревянных юрт и домов русского типа. В 1831 г. в ведомстве значилось 88 улусов, 3 753 деревянные юрты и 1166 русских изб¹³. К 1843 г. количество улусов увеличивается до 112, появляются два селения оседлых «инородцев», число деревянных юрт вырастает до

4,6 тыс., а русских изб – сокращается до 1050¹⁴. Последний факт объясняется оттоком оседлых бурят в русские селения.

Вторая половина XIX в. Ко второй половине XIX в. кудинские буряты в целом уже смогли защитить свой скот от бескормицы за счет сенозаготовок и подкормки скота зерном и соломой. Однако дальнейшему развитию скотоводства в Кудинском ведомстве помешала чумная эпизоотия второй половины 1850-х гг. К 1860 г. из-за повальной болезни скота в предыдущие годы численность стада у кудинских бурят составила лишь 47 704 головы, а в расчете на душу населения – до 4,1 головы. Численность же населения сократилась до 11 754 чел.¹⁵ С окончанием эпизоотий начинается медленное восстановление поголовья скота. К 1868 г. размер стада увеличивается до 50 486 голов разного скота. Численность населения ведомства достигает 12 011 чел. Тем не менее, за восемь лет кудинским бурятам так и не удалось довести численность своего стада до уровня 1852 г.

В 1870 г. в Кудинском ведомстве вновь случилась чумная эпизоотия. В 1871 г. чумой заболело 1 264 головы КРС, из них выздоровело 85 голов, пало 1 179 голов. Ситуацию усугубил неурожай зерновых культур 1869–1871 г. Кудинцам приходилось продавать и забивать с целью пропитания больше обычного¹⁶. Страх потери скота от эпизоотии побуждал бурят продавать свой скот за бесценок. «Жители, опасаясь лишиться своего скота, большую часть такового распродали за бесценок и употребили в пищу. Конный же и мелкий скот за неимением хлеба и рогатого скота употреблен жителями в пищу и продан на домашние нужды, и таким порядком против отчетности 1870 г. произошла убыль лошадей на 343, рогатого скота на 1 477, овец 1 194, свиней 27, коз на 204, а всего на 3 245 голов»¹⁷. Из отчета следует, что в 1870 г. скота было на 3 245 голов больше, чем в 1871 г. Зная численность стада кудинцев в 1871 г. (25 791 голова), можно рассчитать размеры стада в 1870 г. – 29 036 голов. Следовательно, всего за два года – с 1868 по 1870 г. – численность стада у кудинцев уменьшилась на 21 450 голов, т. е. основные потери скота произошли в 1869–1870 гг. Таким образом, эпизоотия 1870 г. нанесла больший урон скотоводству кудинцев, чем эпизоотия 1871 г.

Последующие годы для кудинцев выдалась урожайными. В результате к 1879 г. численность разного скота в их стадах достигла 52 690 голов, а на душу населения пришлось 4,4 головы. Однако в том году «экономический быт населения заметно снизился по случаю неурожая хлеба, это заметно из того, что жи-

⁸ Там же. Д. 405. Л. 117 об. – 118.

⁹ Там же. Д. 203. Л. 78–79; Д. 253. Л. 97 об.

¹⁰ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 48.

¹¹ Там же. Д. 652. Л. 50.

¹² Там же. Д. 69. Л. 61 об.

¹³ Там же. Л. 78–79.

¹⁴ Там же. Д. 338. Л. 93 об.

¹⁵ Там же. Д. 1201. Л. 52.

¹⁶ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1779. Л. 154.

¹⁷ Там же. Л. 180.

тели ведомства чрез распродажу излишнего скота едва могли уплатить бездоимочно подати (23 328 р. 24 к. – Д. М.) оклада настоящего года»¹⁸.

К 1887 г. численность скота у кудинцев вновь сокращается до 46,8 тыс. голов из-за неурожаев зерновых культур 1885–1887 годов. В результате неурожаев кудинцы недополучили зерно, необходимое для уплаты податей и повинностей. Сумму, необходимую для оплаты налогов, они получали от продажи скота, что и привело к уменьшению численности стада¹⁹. Недостаток продуктов питания, произошедший из-за эпизоотий 1870-х гг. и периодических неурожаев зерновых культур, вызвал сокращение населения Кудинского ведомства до 11 642 чел. к 1887 г. 1888-й год для кудинцев выдался урожайным. К концу этого отчетного года численность скота в Кудинском ведомстве достигла 48 348 голов²⁰.

На протяжении второй половины XIX в. соотношение численности традиционных видов животных в стаде кудинских бурят в целом остается стабильным. По-прежнему крупный рогатый скот продолжает быть основным богатством кудинцев. Исключением является 1871 г., когда из-за массового падежа КРС в предыдущие годы доля лошадей, овец и коз резко возрастает. Так, в том году в ведомстве кудинских бурят числилось 8828 (34,23 %) лошадей, 5309 (20,58 %) голов КРС, 9014 (34,95 %) овец и 2527 (9,80 %) коз²¹.

Кудинские буряты продолжали расширять сенокосные земли. К 1861 г. их размеры увеличились до 15 379 1/2 дес., размеры пашни – до 14 361 3/4 дес.²² Однако в последующие годы расширение сенокосных земель в Кудинском ведомстве приостановилось. К 1871 г. размеры сенокосных земель остались прежними, а площади пашни увеличились до 15 184 1/2 дес.²³ Затем остановился и рост пашни в ведомстве. В 1887 г. здесь числилось 15 379 1/2 дес. сенокосных и 15 185 1/2 дес. пахотных земель²⁴. Прирост объясняется тем, что к началу 1870-х гг. кудинские буряты освоили земли, пригодные для сенокосения и земледелия.

Во второй половине XIX в. большинство кудинских бурят, несмотря на происходивший среди них процесс оседания, сохраняют полуседлое ското-

водство и традиционный быт. На это указывает преобладание деревянных юрт в Кудинском ведомстве. В 1867 г. здесь числилось 6 145 (68,49 %) деревянных юрт и 2 828 (31,51 %) частных домов²⁵. К 1871 г. количество юрт увеличивается до 6 806 (69,14 %), домов – до 3 086 (30,86 %), а нежилых зданий было 2 542²⁶. К 1887 г. количество юрт сократилось до 6 044 (61,16 %), а количество домов увеличилось до 3 838 (38,84 %). В том же году в ведомстве значилось два селения и 71 улус²⁷. Сравнительный анализ обнаруживает, что количество жилых строений в ведомстве уменьшилось с 9 892 в 1871 г. до 9 882 в 1887 г. Количество улусов сократилось со 112 в 1843 г. до 72 в 1887 г., а селений – осталось неизменным. Уменьшение количества жилищ произошло из-за начавшегося в конце XIX в. оттока бурят в Забайкалье. Очевидно, что выбытие населения было вызвано недостатком хозяйственных земель в Предбайкалье.

Таким образом, под влиянием политики Российского государства, направленной на развитие сенокосения и земледелия среди «инородцев» Сибири, кудинские буряты расширили сенокосные и пахотные земли, что позволило им защитить свой скот от бескормицы. Причем количество скота у кудинских бурят зависело от состояния земледелия у них. Неурожаи зерновых культур заставляли кудинцев компенсировать недостаток зерна продуктами скотоводства. Скотоводство и к концу XIX в. оставалось у кудинских бурят основным средством существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963.
2. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М., 1970.
3. Маншеев Д.М. Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присяянья (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ, 2006.
4. Летописи хоринских бурят. Хроники Т. Тобоева и В. Юмсунова. М., Л., 1940. Т. 33.
5. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск, 1992.

¹⁸ Там же. Л. 14 об.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 96. Л. 7.

²⁰ Там же. Д. 181. Л. 16.

²¹ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1779. Л. 154.

²² Там же. Д. 1201. Л. 36.

²³ Там же. Д. 1779. Л. 156 об.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 96. Л. 14.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1599. Л. 14.

²⁶ Там же. Д. 1779. Л. 172.

²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 96. Л. 64.

УДК 908(09)(571.51)

Т.Г. ВЕРХОТУРОВА

ШТАТЫ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ (1822–1917 гг.)

Красноярский государственный
торгово-экономический институт,
г. Красноярск
e-mail: tatyana-verkhoturova@yandex.ru

В статье рассмотрены штаты и численность государственных служащих енисейской губернской администрации в 1822–1917 гг. На основе впервые представленных документов и архивных материалов выявлены особенности государственного управления Енисейской губернии, установлена реальная и относительная численность чиновников, занимавших высшие, штаб- и обер-офицерские должности. Кроме того, показана динамика количественного состава енисейской губернской администрации с выявлением тенденций его изменения во времени.

Ключевые слова: численность чиновничества, бюрократия, енисейская губернская администрация, Енисейская губерния, Сибирь.

Реформы, проводимые в современной России, четко обозначили круг нерешенных вопросов в политической жизни нашей страны. К их числу относится реформа государственной службы, одной из задач которой является сокращение бюрократии. В отечественной историографии преобладает мнение о неуклонном росте чиновничества дореволюционной России [1, с. 78; 2, с. 65–71; 3, с. 200–201]. Однако доказанным является тот факт, что Сибирь имела особенности в системе государственного управления [4, с. 3; 5, с. 12]. Это можно проследить и на примере численности чиновничества одной из сибирских губерний, а именно – Енисейской.

Цель статьи – выявить изменения численности служащих Енисейской губернской администрации и ее доли среди всего населения губернии, рассмотреть в динамике штатный состав государственных служащих, определить соотношение между региональным аппаратом управления и всероссийским. Хронологические рамки статьи – 1822–1917 гг.

Необходимо отметить крайне низкую степень изученности рассматриваемого вопроса. В законодательстве Российской империи XVIII–XIX вв. не было четкого представления о «государственной службе». Понятие «чиновничество» применялось и к служащим местного самоуправления, и к учителям, врачам, военным, оплачиваемым из государственной казны. Это порождало определенную путаницу в подсчетах численности чиновничества. Так, в «Статистическом обозрении Сибири» Ю.А. Гагемейстера уже указано количество чиновников четырех сибирских губерний (Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской) и

Якутской области за 1824, 1835 и 1851 г., но цифры являются общими и включают в себя «служащих по гражданскому, горному и другим ведомствам» [6, с. 109]. В исследовании Е.В. Болонкиной вопрос о численности чиновников Енисейской губернии рассмотрен на основе работы Ю.А. Гагемейстера [7, с. 160–165].

В настоящей статье анализ численности Енисейской губернской администрации охватывает три разряда должностей, что соответствует заложенной П.А. Зайончковским и С.М. Троицким традиции: высшие губернские должности (IV–V классы), штаб-офицерские (VI–VIII классы) и обер-офицерские (IX–XIV классы).

В группу высших чиновников вошли губернаторы, председатели губернского правления (с 1895 г. – вице-губернаторы), казенной палаты, губернского суда, управляющие государственных имуществ, контрольной палаты, акцизного управления, непременные члены по крестьянским делам, тюремные инспекторы; в группу штаб-офицерских чиновников – советники, начальники отделений, чиновники особых поручений, губернский прокурор и стряпчие, казначей, контролеры и пр.; в группу нижних обер-офицерских должностей – столоначальники, бухгалтеры, секретари, делопроизводители, журналисты, регистраторы, протоколисты, помощники перечисленных служащих и пр. Кроме того, в поле зрения оказались служащие, занимавшие внетабельные должности (писцы и канцелярские служители).

Информация о штатном количестве служебных мест взята из «штатного законодательства» государственных органов власти Енисейской губернии, определявшего структуру и численность губернской адми-

Таблица 1

Соотношение штатного расписания и выявленной численности Енисейской губернской администрации, 1823–1915 гг.*

Год	Старший административный корпус		Чиновники штаб-офицерских должностей		Чиновники обер-офицерских должностей		Итого		Внетабельные чиновники		Всего	
	штатное расписание	выявленная численность	штатное расписание	выявленная численность	штатное расписание	выявленная численность	штатное расписание	выявленная численность	штатное расписание	выявленная численность	штатное расписание	выявленная численность
1823	4	4	25	19	84	27	113	50	29	6	142	56
1831	4	4	25	24	84	34	113	62	29	18	142	80
1842	4	4	36	33	84	75	124	112	92	45	216	157
1851	4	4	36	31	84	66	124	101	92	75	216	176
1865	4	4	30	32	98	88	137	124	5	79	142	203
1882	6	6	49	45	85	71	140	122	6	86	146	208
1893	6	6	43	45	88	76	137	128	6	87	143	215
1905	9	9	69	71	51	88	129	168	–	136	129	304
1915	9	9	69	71	51	97	129	177	–	125	129	302

* Составлена по: Штатное расписание: ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 44, ч. 2. № 29125; Собр. 2. 1837. Т. 12, ч. 2. № 10812; 1856. Т. 31, ч. 2. № 31222; 1878. Т. 53, ч. 3. № 58596; 1873. Т. 48. № 52188; 1874. Т. 49, ч. 2. № 54030; 1865. Т. 40, ч. 2. № 42755; 1867. Т. 42, ч. 1. № 44192; Собр. 3. 1885. Т. 5. № 2918, 2770; 1895. Т. 15. № 11757; 1896. Т. 16, ч. 2. № 13582; 1898. Т. 18, ч. 2. № 15604; 1900. Т. 20, ч. 3. № 18803; 1902. Т. 22, ч. 2. № 21694; Выявленная численность: Формулярные списки чиновников гражданского ведомства Енисейской губернии // РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 108. Л. 1 об. – 238; 1831 г. Д. 102. Л. 2 об. – 305; Оп. 6. 1831 г. Д. 829. Л. 47–70; 1833 г. Д. 849. Л. 34 об.–64; Оп. 4. 1842 г. Д. 404. Л. 1–9; Оп. 6. 1853 г. Д. 1640. Л. 1–23; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи. СПб., 1824. Ч. 2. С. 309–310; 1830. С. 279–280; Личные составы чинов гражданского ведомства Енисейской губернии // Памятная книжка Енисейской губернии с Адрес-календарем, составленным в 1865 и 1866 годы. СПб., 1867. С. 279–280, 284–286, 295–296, 303–304, 317; Памятная книжка... за 1905 год. СПб., 1906. С. 19–20, 26–28; Памятная книжка... за 1915 год. СПб., 1916. С. 30–31, 55–56, 60–61; ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 717: «Дело о предоставлении генерал-губернатору Восточной Сибири списков чиновников и служащих в Енисейской губернии за 1882 год». Л. 5–74; Д. 4308. «Дело енисейского общего губернского правления о доставлении ... Иркутскому генерал-губернатору чиновников Енисейской губернии за 1893 год». Л. 2 об.–80.

нистрации по ведомствам, опубликованного в Полном собрании законов Российской империи (далее ПСЗ РИ).

Для подсчета реальной численности местного губернского аппарата управления за 1823–1853 гг. были использованы сводные послужные списки и составленные «Алфавиты» чиновников гражданского ведомства Енисейской губернии, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (далее РГИА); за 1882 и 1893 гг. – поименные списки служащих Енисейской губернии, предоставлявшиеся для отчета генерал-губернатору Восточной Сибири, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (далее ГАКК); за 1865, 1905 и 1915 гг. – «Памятные книжки Енисейской губернии», которые, по мнению А.И. Раздорского, достаточно репрезентативны [8, с. 13].

Динамика изменения численности классовых и внетабельных чиновников губернского звена управления отражена в табл. 1, где дано сопоставление штатной (в соответствии со штатными расписаниями) и реальной (выявленной на основе других источников) численности чиновничества.

Анализ данных позволяет говорить об увеличении общей численности чиновников, занимавших должности всех рангов, и о неоднозначном изменении численности служащих губернской администрации по разным категориям должностей. Так, устойчивый рост наблюдался по отношению к высшим администраторам (в 2,25 раза), что объяснялось введением новых высокопоставленных должностей и изменением рангов существовавших, а также учреждением новых органов государственной власти в губернии. С 1822 по 1865 г. высшими считались четыре должности: губернатор, председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда. С 1866 по 1874 г. – пять должностей: в 1866 г. добавился управляющий контрольной палаты. С 1874 по 1885 г. – шесть: по штату 1874 г. ранг должности инспектора врачебной управы был повышен до V класса. После ликвидации контрольной палаты в 1886 г. и до 1894 г. – снова пять должностей. С 1895 по 1897 г. – шесть постов: в рамках преобразований губернского управления в Сибири ранг должности тюремного инспектора был повышен

на один разряд – до V класса. С 1898 по 1901 г. – восемь должностей: в связи с преобразованием судебной системы выбыл председатель губернского суда, но были введены два неперемных члена по крестьянским делам и управляющий учрежденного управления государственных имуществ. С 1902 по 1917 г. – девять постов: с введением губернского акцизного управления к числу высших администраторов причислен его управляющий.

Неоднозначной оказалась динамика и классного чиновничества штаб- и обер-офицерских рангов. Данный процесс зависел от преобразований и реформ системы местного управления России и Сибири в целом (Енисейской губернии в частности), в соответствии с которыми учреждались, реорганизовывались и ликвидировались губернские «присутственные места». Количество чиновников, занимавших классные должности, зависело от штатного расписания, строго определявшего структуру ведомств, их кадровый состав, содержание служащих, канцелярские и хозяйственные расходы.

Число чиновников на штаб-офицерских должностях с 1823 по 1915 г. увеличилось примерно в 3,7 раза, по штатному расписанию – в 2,8 раза. В рассматриваемый период реальное количество штаб-офицерских служащих составляло в среднем 33,1 % от общего штатного числа классных чиновников и 30 % – от их выявленного количества, а от общей реальной численности табельных и внетабельных служащих губернской администрации – 19,7 %¹. Следует заметить, штаб-офицерские места – это руководящие должности, а наличие в 1823 г. вакантных мест объяснялось несоответствием претендентов служебным требованиям.

Выявленное число служащих, занимавших должности обер-офицерского разряда, за каждый обозначенный год в среднем составило 61,5 % от штатного числа всех классных чиновников, 62,3 % – от их реального количества, 37,2 % – от общей численности служащих, включая внетабельных². Рост численности чиновничества на обер-офицерских должностях с 1842 по 1915 г. составил 20 %. По штатным расписаниям, напротив, число мест сократилось в 1,6 раза, так как официально происходило повышение рангов уже существовавших должностей по ведомствам, а количество нижних мест в губернских учреждениях по штатным расписаниям с 1856 г. определялось министром соответствующей отрасли в рамках назначенной в штатах суммы на содержание. Однако последнее обстоятельство, наоборот, привело к увеличению чиновников, занимавших обер-офицерские должности.

Численность писцов и канцелярских служащих до середины XIX в. строго устанавливалась штатными расписаниями 1822 и 1837 г., она составляла примерно 20 и 40 % от штатного числа служащих, а по-

сле 1856 г. определялась председателями и управляющими местными учреждениями «по потребностям в рамках выделяемой суммы (кредита)». В связи с этим (как и в случае с обер-офицерскими служащими) происходил рост числа писцов в учреждениях Енисейской губернской администрации. Резко увеличилась численность внетабельных служащих в начале XX в.: с 1893 по 1916 г. – на 43,6 %. В связи с этим в конце XIX в. перед центральной властью встала проблема недостатка финансирования местных государственных служащих в Сибири. В этот период вышло два закона, предназначенных решить данную проблему: в 1894 г. закон «Об отнесении на земские средства с 1 июля 1894 года расходов по усилению личного состава и денежных средств местных установлений по четырем губерниям Сибири», в 1902 г. закон «Об усилении канцелярских и хозяйственных средств губернских присутствий и уездных съездов»³.

Таким образом, в связи с усложнением экономической, социальной и политической жизни региона с 1823 по 1915 г. численность старшего административного корпуса увеличилась в 2,25 раза, чиновников штаб-офицерских должностей – в 3,7 раза; с 1842 по 1915 г. численность служащих обер-офицерских должностей выросла в 1,3 раза, внетабельных – в 2,8, а всего находившихся на службе в Енисейской губернской администрации служащих – в 1,9 раза, или на 92,3 %.

Более наглядную картину дает сопоставление изменения численности чиновников Енисейской губернской администрации с ростом населения губернии, отраженное в приведенной ниже таблице, и сравнение полученных данных с общероссийскими показателями (без Польши и Финляндии), позволяющими выявить в этом региональные особенности (табл. 2).

Статистические данные свидетельствуют о том, что с 1823 по 1863 г. доля чиновников губернского звена администрации (число чиновников на 1 тыс. населения) увеличилась примерно в 1,8 раза – с 0,35 до 0,63, что было гораздо ниже общероссийской тенденции, правда, за более длительный период (1796–1857 гг.), составившей 3,7 раза⁴. До 1890-х гг. и в Енисейской губернии, и в России наблюдалось снижение относительной численности чиновничества. Для Енисейской губернии это объясняется быстрым ростом населения, а для России – ослаблением бюрократических методов управления в губерниях и уездах и усилением роли общественного самоуправления. В Енисейской губернии позже отрицательная динамика еще более усилилась, что было вызвано массовым переселением крестьян в Сибирь по реформе П.А. Столыпина: с 1905 по 1915 г. – в 1,6 раза, или на 64,3 %. В России в 1880–1913 гг., напротив, произошло резкое увели-

¹ Процентный показатель рассчитан с 1842 г., так как данные за 1823 и 1837 г. о количестве обер-офицерских и канцелярских служащих являются неполными.

² Так же.

³ ПСЗ РИ. Собр. 3. СПб., 1894. Т. 14. № 10571. С. 223; 1902. Т. 20, ч. 1. № 21138. С. 105.

⁴ Численность чиновничества на обер-офицерских должностях и внетабельных служащих за 1823 г., на наш взгляд, является неполной.

Т а б л и ц а 2

Соотношение численности губернской администрации и населения Енисейской губернии, 1823–1915 гг., чел.*

Год	Количество чиновников на 1 тыс. населения Енисейской губернии	Численность чиновничества Енисейской губернской администрации	Население Енисейской губернии	Год	Количество чиновников (вкл. учителей, врачей, военных) на 1 тыс. населения страны**
1823	56	158 748	0,35	1796	0,57
1831	80	–	–	–	–
1842	157	–	–	–	–
1851	176	–	–	1 857	2,1
1863	203	323 014	0,63	–	–
1882	208	427 347	0,49	1 880	1,4
1893	215	504 997	0,43	1 897	1,24
1905	304	726 315	0,42	–	–
1915	302	1 119 208	0,27	1 913	1,63

* Составлена по: Чиновничество губернии: см. табл. 1; Чиновничество России: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 200; Население губернии: Ведомость о числе жителей по сословиям на 20 декабря 1863 год // Памятная книжка Енисейской губернии с Адрес-календарем, составленным 1865 и 1866 годы. СПб., 1867. С. 183; Ведомость о числе жителей... на 1 января 1894 года // Памятная книжка... по 1 января 1896 года. Красноярск, 1897. С. 95; Ведомость о числе жителей... к 1 января 1906 г. // Памятная книжка... на 1907 г. С. 5; Движение населения к 1 января 1915 году // Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год. С. 30; Обзор Енисейской губернии за 1882 год // ГАКК. Ф. 31. Оп. 1 Д. 50. Л. 14.

** Без Польши и Финляндии.

чение численности чиновников по сравнению с предыдущим десятилетием, что было вызвано попытками Александра III и Николая II укрепить роль государства в управлении.

Согласно статистическим данным за вторую четверть XIX в., приведенным Ю.А. Гагемейстером, по количеству общего числа служащих мужского пола «в гражданском, горном и в других ведомствах» Енисейская губерния среди пяти территориально-административных единиц занимала предпоследнее, четвертое место (ей уступала только Якутская область). Так, в 1824 г. в Енисейской губернии на государственной службе находилось в 6,6 раза меньше «чиновников», чем в Томской губернии, и всего в 1,3 раза больше, чем в Якутской области. За 30 лет численность «чиновников» в Енисейской губернии увеличилась в 2,1 раза против 1,4 в Томской губернии. Но положение не изменилось: Енисейская губерния уступала губерниям Западной Сибири в 4 раза, а на 1835 г. Иркутской губернии – в 5,4 раза [6, табл. 1]. Данное обстоятельство объяснялось тем, что Енисейская губерния была создана только в 1822 г. и уступала по уровню своей включенности в экономические связи более «центральным» Томской, Тобольской и Иркутской губерниям.

Таким образом, анализ архивных материалов показал, что в Енисейской губернии за весь дореволю-

ционный период ее существования не произошло неконтролируемого разрастания административного аппарата губернского звена управления. Динамика роста численности служащих Енисейской губернской администрации имела существенные отличия от общероссийской тенденции. Однако, несмотря на стремление государства рационализировать и оптимизировать управление на местах, наибольшее увеличение численности чиновничества происходило в среде нижних обер-офицерских и внетабельных служащих, на деятельности которых и держалась работа учреждений. При этом в Енисейской губернии отмечался самый низкий рост численности чиновничества по сравнению с другими сибирскими губерниями; кроме того, в ней произошло существенное уменьшение относительной численности губернской администрации в связи с быстрым ростом населения губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубенцов Б.Б. Численность российского чиновничества в России XIX – начале XX в. // Россия в девятнадцатом веке: Политика, экономика, культура. СПб., 1994.
2. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Генезис личности, демократичес-

кой семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2003. Т. 2.

4. *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

5. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.

6. *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества по-

велению, при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером: В 3 ч. СПб., 1854. Ч. 2.

7. *Болонкина Е.В.* Изменения численности и личного состава чиновников в Енисейской губернии в 1820 – начале 1860-х гг. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: Материалы V краевед. чтений (ноябрь 2004 г.). Красноярск, 2005.

8. *Раздорский А.И.* Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908): Библиогр. указ. СПб., 1999.

УДК 726.5

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. КАК ЭЛЕМЕНТ КАРТИНЫ МИРА КАТОЛИКОВ

Сибирская академия государственной службы,
г. Новосибирск
e-mail: tatned@mail.ru

В статье предпринят анализ специально-архитектурной документации, каталогов музейных коллекций и неопубликованных архивных данных с целью создания такой модели, которая позволила бы выделить типические черты в архитектуре христианских церквей одного из западных инославных исповеданий Сибирского региона. Определена степень зависимости церковного канона в области строительства от установок государственной власти и администрации на местах.

Ключевые слова: христианские церкви инославных исповеданий, костел, проект, культовое строение.

Пониманию системы ценностей в разные исторические эпохи, определяющей модель поведения и способ организации жизненного пространства, способствует комплексное воспроизведение картины мира, ведущими категориями которой являются понятия «время» и «пространство». Статья посвящена способу организации, структурирования сакрального храмового пространства, жизненно важного для христиан-католиков, которые утратили связь с материнской культурой в силу ряда причин политического (восстания за независимость в Речи Посполитой, Первая мировая война) и экономического (заработная миграция, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали) характера.

Термином «инославие», или «инославные христианские исповедания» в России было принято именовать религиозные культы и конфессии, не являвшиеся православными. «Иноверцами», в отличие от них, следовало называть всех тех, кто, не являясь христианами, исповедовал буддизм, ислам и т. д. [1, с. 469].

Вопросы зодчества в аспекте этнокультурной адаптации применительно к русскому этносу были рассмотрены в диссертационном исследовании А.Ю. Майничевой. Продуктивным для нашего исследования оказался сделанный ею вывод: «Так как этнография изучает компоненты культуры этноса с точки зрения выполнения ими этнических функций, предметная область этнографических исследований может быть ори-

ентирована и на достаточно сложное культурное явление, такое как зодчество, обладающее, с одной стороны, этнодифференцирующими свойствами, а с другой стороны – чертами, интегрирующими его с другими этносами» [2, с. 10]. Мы полагаем, что храмовые строения (их внешний вид, внутреннее убранство, история сооружения, инициатива в строительстве, участие прихожан в процессе возведения) являются неотъемлемым элементом комплексного видения картины мира, видимым воплощением мировоззренческих установок.

Л.А. Ющук выделила три периода в западно-христианском культовом зодчестве Сибири имперского периода: ранний (1782–1857), неоготический (1858–1896), новый (1900–1917). Основанием для периодизации она приняла изменение типологических характеристик. Ранний период – время становления западно-христианского культового зодчества в Сибири – характеризовался «разнообразием стилистических решений, связанным со сменой регламентированных властью архитектурных стилей (переходный барочно-классицистический стиль, провинциальный классицизм, романтическая готика)» [3, с. 7]. В рамках данного периода на сибирской земле появились римско-католический приходской храм Успения Пресвятой Девы Марии в Иркутске (1825), церковь Покрова Пресвятой Девы Марии в Томске (1833), церкви Промысла Божьего в Тобольске (1847) и Красноярске (1853–1857).

Типологической особенностью второго периода явился утвердившийся в это время в русском зодчестве стиль «исторического выбора». Для церковных зданий инославных конфессий стало актуальным его неоготическое направление, сопряженное с национально-историческими корнями поляков, немцев и др. В рамках второго периода были сооружены римско-католическая церковь Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Омске (1861–1867), приходская церковь св. Апостолов Петра и Павла в Чите (1876), храм Успения Пресвятой Девы Марии в Иркутске (1881–1884), церковь Преображения Господня в Благовещенске (1896) [3, с. 9]. «Им отводилась функция рядовых элементов периметральной застройки главной площади, способствующих формированию единого ансамбля во главе с православным собором» [Там же, с. 10].

Последний период был отмечен разнообразием национально-исторических архитектурных решений в рамках ретроспективы неоготического стиля. Л.А. Ющук отмечает, что «по характеру художественного решения и качеству исполнения провинциальное культовое зодчество в начале XX в. практически не отличалось от столичных аналогов» [3, с. 12]. Причиной тому – приток высококвалифицированных специалистов, выпускников Императорской Академии художеств и Императорского Института гражданских инженеров, что положительным образом сказалось на качественном уровне проектирования и строительства неправославных христианских церквей [Там же, с. 14]. В этот период увеличилось количество прихожан, мигрантов-аграриев. Наиболее яркими и интересными, с точки зрения архитектурно-художественного решения, стали церкви Пресвятой Троицы в Тобольске (1900–1907), св. Иосифа Обручника в Тюмени (1904), св. Казимира в Новониколаевске (1905–1907), св. Апостолов Петра и Павла в Каинске (1906–1909), св. Сердца Девы Марии в Барнауле (1907–1909), Рождества Богородицы во Владивостоке (1907–1914).

По общему правилу, здания христианских церквей инославных исповеданий в Российской империи не должны были выделяться на общем фоне застройки и привлекать к себе внимания. С точки зрения архитектора, «доминирующими в вертикальной застройке объектами городских центров являлись православные храмы» [3, с. 7]. Государственная религия требовала уважительного к себе отношения. Тем не менее, неверно было бы говорить о притеснениях в отношении инославных христиан. «Иновечерские храмы занимали центральное место в городской структуре наряду с административными зданиями. Однако типологически выделить неправославное церковное здание в формирующейся застройке было достаточно сложно» [Там же]. Например, о церкви Божьего Промысла в Красноярске известно следующее:

Здание церкви по сохранившимся фотографиям и инвентарному описанию представляло собой одноэтажный деревянный объем на каменном фундаменте. Оно было

включено в единый фронт одно- и двухэтажных деревянных домов центральной магистрали города и являлось элементом рядовой застройки. Завершенный пологой двускатной кровлей объем, без башни звона, типологически слабо выразился в перспективе Благовещенской улицы¹.

Чтобы получить разрешение на возведение культового сооружения в уже застроенной части города, иногда приходилось жертвовать классическими правилами строительства культовых христианских зданий. «Костел расположен в нижней подгорной части города, у основания Троицкого мыса. Продольная ось костела вытянута в направлении северо-запад – юго-восток, причем паперть обращена на Ю-В, а апсида на С-З. Такое расположение противоречит традиционной ориентировке христианских храмов и вызвано уже сложившейся исторической застройкой улицы Богоявленской (ныне ул. Р. Люксембург)», – эти слова относятся к храмовому зданию в г. Тобольске².

Были, тем не менее, и исключения. Так, здание римско-католической приходской церкви св. Казимира в Новониколаевске «доминировало в деревянной одноэтажной застройке Вокзальной части города. Оно располагалось на пересечении Обского (Комсомольского) проспекта и Иркутской улицы. Церковный участок граничил с Михайловским логом. В двух кварталах от храма находилось здание магометанской мечети (1910–1912), в пяти – железнодорожный вокзал с привокзальной площадью во имя св. Пророка Даниила. Храм замыкал перспективу Обского проспекта со стороны привокзальной площади»³.

Возведению капитальных строений, кирпичных зданий почти во всех городах (Владивостоке, Иркутске, Новониколаевске, Красноярске, Тобольске) предшествовали деревянные строения, утраченные впоследствии, как правило, в результате пожара. Во время пожара 2 февраля 1902 г. сгорел первый деревянный костел во Владивостоке; в том же году на месте сгоревшего было выстроено новое деревянное здание⁴. Аналогичная судьба постигла и деревянное здание

¹ Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви Промысла Божьего (1853–1857) и Преображения Господня (1908–1915) в Красноярске // Архив курии Преображенской римско-католической епархии в г. Новосибирске. Ф. 1. Оп. 8. Д. 3. Л. 1.

² Научно-проектная документация. Комплексные научные изыскания. Памятник архитектуры начала XX века. Римско-католический костел в городе Тобольске / Кооператив «Реставратор». Начальник творческого коллектива Н.И. Харченко // Краеведческий музей г. Тобольска. Шифр 1. Арх. № 83. Т. 2, кн. 3. Л. 1–31.

³ Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви св. Казимира (1905–1907 гг.) в Ново-Николаевске (Новосибирске). Составлена архитектором, канд. архитектуры Л.А. Ющук // Архив курии Преображенской римско-католической епархии в г. Новосибирске. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1. Л. 1.

⁴ Из истории римско-католического костела в г. Владивостоке / Справка составлена зав. отделом научной информации, публикации и использования документов Госархива Приморского края Е. И. Таннуренко // Архив курии Преображенской римско-католической епархии в г. Новосибирске. Ф. 1. Оп. 8. Д. 5. Л. 1.

церкви Промысла Божьего в Красноярске. Случившийся внутри церкви 11 мая 1904 года пожар привел к полному разрушению здания и уничтожению всего церковного убранства и утвари [4]. Исключение составлял, пожалуй, только Барнаул, где строительство велось изначально по оригинальному проекту местного архитектора И.Ф. Носовича как капитального строения из кирпича⁵.

О том, что здание является культовым строением и принадлежит конкретному вероисповеданию, обыватель мог догадаться по «опознавательным знакам», характерным для той или иной конфессии. «Типологию здания как культовой постройки определяли латинские кресты над порталом и апсидой и “Всевидающее око” на фронте главного фасада» – о Новосибирске⁶. «Круглое большое окно на центральном фасаде костела соответствует положению окна-“розы” в романских и готических соборах и вписано в арочную нишу, охватывающую плоскость стены над порталом. Заполнение окна-“розы” было выполнено в виде четырехлопастного мальтийского креста в технике витража» – о Тобольске⁷.

Каким предстал костел в сибирском городе перед обывателями? Бесспорно, культовые здания вне зависимости от конфессии обладают специфическим пространственным и временным своеобразием, рождающим определенный мифологический ореол [5, с. 34–49]. В годы советской власти вовсе не случайно такие здания будут подвергаться если не сносу, то перепрофилированию, десакрализации [6].

Внешне костел представлял собой единый мощный замкнутый объем с высокой кровлей и щипцовыми завершениями торцовых стен. Центральный юго-западный фасад костела решен подчеркнуто декоративно: он разделен на три части находящимися в межколонных пространствах контрфорсами, сечение которых уступами увеличивается книзу. Вход в здание решен в виде монументального портала, акцентированного тремя перспективными арками и завершающегося выступающим раскрепованным вимпергом. Вимперг заканчивается квадратным постаментом, предназначенным для круглой скульптуры – статуи Мадонны, что подтверждается архивными фотографиями и свидетельствами очевидцев. На вимперге над аркой портала выложен аркатурный фриз (так называемые «ползучие» арки). Этот же декор повторяется в решении боковых карнизов центрального фасада и на вимперге над дверными проемами приделов⁸.

Безусловно, для повседневного мироощущения члена данной приходской общины либо вновь при-

ехавшего в город человека приведенное выше описание моделировало атмосферу идеологически-тождественной, рефлексивно-обращенной ситуации [7, с. 167–197].

Вне зависимости от места расположения, в Европе либо Сибири, стандарт в строительстве соблюдался. Современные реставраторы допускают, что по поручению МВД подготовительный этап проектирования мог быть выполнен специалистами из губерний Царства Польского. «Вероятнее всего, разработка проектно-сметной документации на костел была поручена варшавским архитекторам. Автором проекта был архитектор Войцеховский»⁹.

...Здание костела выполнено в стиле так называемой «неоготики», широко распространившейся в европейской части России на рубеже XIX–XX веков. В основу объемно-пространственной композиции храма положены традиции готического базиликального храма, а характер декора следует традициям т.н. «кирпичной» готики, что обусловлено материалом и временем постройки храма. В плане костел представлен в виде латинского креста, образованного расположенными вдоль продольной оси выступающей пятигранной апсиды, однефной храмовой части и паперти. Крылья креста образованы примыкающими к основному объему двумя симметричными приделами, заканчивающимися на северо-востоке пятигранными апсидами¹⁰.

Существовал строительный стандарт и для «малых храмов» в сельской местности, и для малых городов. Говоря о здании церкви в Мариинске, В.А. Ханевич замечает: «Проект храма был выполнен настолько профессионально, что впоследствии стал служить образцом для строительства других католических храмов в Томской губернии, в частности, в поселке Белостокском Томского уезда и поселке Тютетском Мариинского уезда» [8, с. 101]. Сохранились и делопроизводственные документы, свидетельствующие о выработке «образцового» варианта, универсального для сельских и малопритчтовых городских церквей.

Каковы бы ни были размеры храма, основная идея архитектурного решения и образ его восприятия оставались классическими. О том же Мариинском молитвенном доме замечено следующее:

Судя по изображению на открытке, здание храма состояло из трех нарастающих по ширине с запада на восток срубов. Высота алтарного прируба вдвое меньше основного объема храма. На его выступающей северной стене имелось окно, над которым возвышался фронтон, украшенный лучами. ...Несмотря на исполнение в дереве, костел был спроектирован на каменном фундаменте в неоготическом стиле с высокими стенами и высоким шпилем, у основания которого был закреплен колокол, а сам шпиль венчал католический крест [8, с. 101].

⁹ ГУТО ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 447. Л. 7. Акт приема строительных работ.

¹⁰ Там же. Л. 10.

⁵ ЦХАФАК. Ф. Д-65. Оп. 1. Д. 232. Л. 5.

⁶ Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви св. Казимира... Л. 2.

⁷ Научно-проектная документация. Комплексные научные изыскания. Памятник архитектуры начала XX века. Римско-католический костел в городе Тобольске... Л. 25.

⁸ Там же. Л. 25–26.

Тот же трехсрубный тип храма, выполненный в неоготическом стиле, был воспроизведен и в пос. Тайга. Размерами он уступал мариинскому образцу, однако в отношении изящества форм значительно его превосходил. Нарядность тайгинской башни-колокольни дополнял нижний ряд фронтонов, устроенных над основным и боковым входами в храм и чешуйчатое покрытие ее граней. Дополнительным акцентом храма являлся шпиль, устроенный над его алтарной частью [Там же, с. 116–117].

Постройка храма в Мариинске обошлась в 4,6 тыс. руб. (вместо запланированных сметой 3 тыс.). Церковное здание в с. Бороковском стоило еще дороже – 10 тыс. руб., однако известно, что построено оно было «на собственные средства»¹¹. Сбор денег по епархии для строительства не производился. В Тайге жители, избравшие «комитет по постройке каплицы», уполномочили его и правами сбора денежных средств¹².

В архитектуре храмовых зданий наряду со стандартом проявлялись национальные особенности. В Красноярске

...здание церкви, построенное по проекту архитектора В.А. Соколовского, решалось в лучших традициях польской неоготики: двухбашенная композиция объема храма акцентировалась треугольными формами – шипцами, вимпергами, венцами. Такое обилие треугольных форм способствовало формированию характерного облика готической церкви. Вытянутые парные башни звона, завершенные острыми шатрами с узкими люкарнами и фланкируемые башнями-фиалами, каскадный вимперг главного фасада со статуей Спасителя, роза, перспективный портал помогли создавать в сознании горожан образ западно-христианского храма¹³.

«Немецкий характер» был присущ храмовому зданию в Новониколаевске. Построенная по проекту инженера Венера церковь св. Казимира по стилистическому и объемно-пространственному решению характеризовалась как ретроспектива неоготики, проявившаяся ранее, во второй половине XIX в., в немецких колониях центральной части Российской империи. Укрупненный декор фриза, простая геометрия деталей фронтона и башни звона эффектно дополняли образ неоготической церкви, аналогами которому являлись колониальные церкви Поволжья¹⁴.

Специального внимания заслуживает рассмотрение участия светских лиц в строительстве церквей. В Новониколаевске «фундамент под каменный костел во

имя св. Казимира освящен томским настоятелем в присутствии инженера Коссовского, главных членов Комитета и других прихожан»¹⁵. В Красноярске деньги для начала строительства каменного здания пожертвованы дворянином Густавом Николаевичем Островским¹⁶, а окончательный, «чистовой» проект был выполнен гражданским инженером В.А. Соколовским (1874–1959). Он окончил Императорский институт гражданских инженеров, поступил на службу в МВД и был откомандирован в Красноярск. Помимо здания римско-католической церкви Преображения Господня (1908–1915) по его проектам в Красноярске были построены особняк Н.И. Гадалова (1904) и здание Общественного собрания (1910–1913) [9, с. 78]. Гражданский инженер А. Шокальский выполнил чертежи металлической ажурной ограды вокруг церкви и декоративных ворот в Тобольске¹⁷.

Семантический «инвентарь» культуры в рассмотренной нами ситуации способствовал формированию целостного мировидения и выполнял функцию адаптанта к условиям сибирской действительности. Активное участие членов религиозного сообщества в сохранении национально-конфессиональных традиций корректировало традиционную для них картину мира в сторону психологической толерантности к принимаемому сообществу, что выражалось в совместном освоении градостроительного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суворов Н.С. Учебник церковного права (Серия «Русское юридическое наследие») / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004.
2. Майничева А.Ю. Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации. XVII–XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005.
3. Ючук Л.А. Архитектура зданий Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем Востоке (1792–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2000.
4. Емельянов С.М. Из истории Красноярского костела // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001.
5. Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. Рациональная реконструкция генезиса пространственно-временной организации мифо-религиозной картины мира // Естествознание в борьбе с религиозным мировоззрением. М., 1988.
6. Эйнгорн И.Д. Реакционная роль духовенства и церковных организаций Западной Сибири накануне и в период массовой коллективизации (1925–1932 гг.). Томск, 1966.
7. Кругликов В.А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира: Сб. статей. М., 1987.
8. Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII–XX вв.): очерк истории, материалы и документы. Кемерово, 2009.
9. Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск, 1997. Вып. 4.
- 16 Там же. Л. 91–92.
- 17 ГУТО ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 447. Л. 8–9. Протокол утверждения эскизного проекта ворот и ограды костела.

¹¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 128. Л. 14 а.

¹² Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 495. Л. 25–25 об.

¹³ Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви Промысла Божьего... Л. 3.

¹⁴ Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви св. Казимира... Л. 3.

¹⁵ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1502. Л. 127.

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н. БЕЛЯНИН

**ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**Кузбасский государственный технический университет,
г. Кемерово
e-mail: kuzstu@kuzstu.ru

В статье исследуются некоторые аспекты переселенческой политики в Сибири в конце XIX – начале XX в. Рассматриваются основные мероприятия и противоречия в ней. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: переселенческая политика, Сибирь, Переселенческое управление.

В конце XIX – начале XX в. масштабы переселенческого движения в Сибирь значительно выросли. Одной из причин роста крестьянских переселений стал начавшийся в некоторых густонаселенных сельскохозяйственных губерниях Европейской России аграрный кризис, связанный с ростом численности населения и сокращением среднедушевых крестьянских земельных наделов. Некоторые государственные деятели и чиновники высокого ранга предложили развивать и поощрять переселение крестьян в Сибирь. За расширение и улучшение переселенческого дела в разное время выступали губернаторы сибирских губерний. Например, и. д. тобольского губернатора Н.М. Богданович охарактеризовал переселения как явление «желательное с точки зрения государственных интересов» [1, с. 98]. В этой ситуации актуальной стала выработка правительственного курса в отношении переселений в Сибирь.

На первый взгляд, в конце 1880-х – 1890-е гг. правительство однозначно перешло к практике поощрения переселенческой политики. 13 июля 1889 г. был издан закон «О добровольном переселении сельских обывателей»¹, согласно которому переселенцы могли получать казенную землю в Сибири в постоянное бессрочное пользование. Новоселы полностью освобождались от уплаты казенных сборов и арендной платы в первые три года, на 50 % – в последующие три года; кроме того, они получали и другие льготы. Правда, закон содержал и некоторые ограничения: переселение допускалось лишь с разрешения министра земледелия и министра внутренних дел, причем в местности по усмотрению правительства. 15 сентября 1890 г. учреждается система скидок на проезд переселенцев.

В 1891 г. МВД ввело в действие Правила о выдаче ссуд на первоначальное обзаведение. В 1894 г. Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) установил единый переселенческий тариф, в том же году вышли «Временные правила о пособиях» для переселенцев, которые в дальнейшем неоднократно дополнялись [2, с. 97–98].

Важным шагом стало также создание сначала КСЖД, а затем Переселенческого управления. Эти структуры в конце XIX – начале XX в. ведали различными аспектами переселенческого дела. Анализ данных из журналов заседаний Комитета, на первый взгляд, подтверждает тенденцию на государственное поощрение в переселенческой политике. Так, подготовительная комиссия предложила МВД «принять неотложно все зависящие меры по доставлению желающим переселиться в Сибирь возможно подробных сведений о действительных условиях и сущности переселения».

Правительство выделило средства для выдачи ссуд переселенцам, на содержание пунктов для переселенцев и оказание им врачебно-продовольственной помощи. Были увеличены ассигнования для Министерства земледелия и госимуществ (МЗиГИ) на 1897 г. для расширения заготовки переселенческих участков в Сибири и увеличения масштабов гидротехнических работ. Когда в 1896 г. усилившееся переселенческое движение потребовало экстренных расходов, государство сочло необходимым выделить дополнительные средства. Например, в распоряжение МЗиГИ было отпущено 55 тыс. руб. для землеотводных партий, занимавшихся водоснабжением переселенцев в Акмолинской области, для МВД – 900 тыс. руб. на ссудную и врачебно-продовольственную помощь переселенцам. Предоставлялись льготы для крестьян, приселяющихся по приемным приговорам к ста-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. СПб., 1891. Т. 9. Ст. 6198.

рожилческим обществам. Например, такие переселенцы могли получать ссуды и пользоваться льготами по отбыванию воинской повинности². Все эти меры явно свидетельствовали о поощрении государством переселенческого движения.

Между тем одновременно следует обратиться к фактам, свидетельствующим о стремлении государства ограничить масштабы миграций крестьян в Сибирь. Например, в 1892 г. вышел циркуляр, недвусмысленно ограничивавший переселение. Причина – недостаток заготовленных для переселенцев земель [3, с. 15]. По данным М.В. Дорофеева, в 1893 г. подготовительная комиссия КСЖД разработала правила по оказанию льгот переселенцам, но глава МВД, опасаясь усиления переселенческого движения, не отменил свое распоряжение от 1892 г. о приостановке переселения на казенные земли. Он также выступил против обнародования сведений о льготах переселенцам [4, с. 249–250]. Сложности возникали у крестьян и при получении официального разрешения на переселение. Так, 14 декабря 1896 г. вятский губернатор докладывал в земский отдел МВД, что из 100 семейств, подавших прошения о переселении в Сибирь, губернское присутствие признало подлежащим удовлетворению лишь 18. Впрочем, и этим 18 семействам объявили, что в текущем году они переселиться не смогут, так как запас земель, заготовленных для водворения переселенцев, заметно истощен³.

Явные противоречия можно обнаружить в отношении самовольных переселенцев. Для предупреждения самовольного их проезда по железной дороге были приняты соответствующие меры. Переселенческое управление, по согласованию с жандармами, выработало инструкцию о задержании таких переселенцев как в поездах, так и до посадки их в вагоны⁴. Одновременно МВД циркуляром от 20 января 1897 г. распорядилось не допускать переселения на казенные земли Западной Сибири и Иркутского генерал-губернаторства без предварительной посылки ходочков и закрепления участков за ходоками. Был приостановлен отвод казенных земель переселенцам, не имевшим установленного разрешения на переселение⁵. Последняя мера явно свидетельствует о том, что государство стремилось ограничить поток вольных (или «самовольных») переселенцев за Урал.

Количество таких вольных переселенцев в отдельные периоды было довольно значительным. По данным Н.П. Шевченко, в 1894 г. 78 % переселяющихся в Сибирь не имели официального разрешения [5,

с. 28]. Ясна и причина, по которой государство не поощряло вольное переселение. Как видно из «Предложений Земского отдела МВД по вопросам колонизации Сибири» (1893 г.), в составе самовольных переселенцев преобладали неимущие, а такой состав переселенцев не был способен к успешной колонизации Сибири [1, с. 78].

Несмотря на все запреты, к уже проживавшим в Сибири и продолжавшим прибывать вольным переселенцам отношение было снисходительным. Например, КСЖД признал нежелательным принудительное возвращение на родину самовольных переселенцев, уже прибывших в Сибирь или направлявшихся сюда [4, с. 250]. Тобольский губернатор Н.М. Богданович издал циркуляр, в котором предлагалось безотлагательно приступить к водворению на переселенческих участках всех самовольных переселенцев [6, с. 93]. Этот циркуляр, как и многие мероприятия правительства, носил секретный характер. Так, 9 января 1898 г. из канцелярии МЗиГИ на имя тобольского губернатора пришло письмо, в котором упоминалось о введении новых тарифов для перевозки переселенцев и их багажа. Старый тариф заменялся на новый, более дешевый – в 1/4 стоимости от пассажирского билета 3-го класса. Был понижен тариф также для перевозки багажа переселенцев. Но далее шла фраза: «...я рассчитываю, что при сообщении нового тарифа должностным лицам Ваше Превосходительство обратит особое внимание на необходимость устранить неправильное истолкование принятой меры в смысле поощрения переселенческого движения и в частности не допустите какого бы то ни было оповещения о ней населения... и т. п. распоряжений, могущих породить превертные толки и усилить это движение»⁶ (выделено нами. – Б. Д.).

По нашим данным, самовольные переселенцы согласно закону 12 апреля 1897 г. наравне с легальными переселенцами имели право получать ссуды на хозяйственное устройство. Видный чиновник Переселенческого управления Г.В. Глинка прокомментировал закон 1897 г. таким образом: переселившиеся без проходных свидетельств права на получения ссуды не лишены. Закон 12 апреля 1897 г. устраняет всякое сомнение в праве самовольных переселенцев на получение ссуд на хозяйственное устройство⁷.

Как видно из приведенных выше фактов, в отношении самовольного переселения правительственная политика также отличалась противоречивостью. С одной стороны, правительство стремилось уменьшить число таких переселенцев. Но на практике после прибытия самовольных переселенцев в Сибирь их, как правило, каким-то образом пытались обустроить. Например, тобольский губернатор в циркуляре чиновникам Переселенческого управления и крестьянским

² Государственное учреждение Тюменской области городской архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об., 11–11 об., 13–14, 44 об.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 20. Л. 35–35 об.

⁴ Там же. Л. 66–66 об.

⁵ ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 392. Л. 19–19 об.

⁶ ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393. Л. 12–12 об.

⁷ Там же. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 67–68.

начальникам распорядился при составлении сметы на 1905 г. принять во внимание самовольных переселенцев, которых эти чиновники признают необходимым водворить в пределах подведомственных им районов⁸.

Таким образом, правительственный курс в отношении переселений носил двойственный характер. С одной стороны, принимались реальные меры для облегчения переезда и обустройства переселенцев (в том числе самовольных). С другой стороны, правительство эти мероприятия не афишировало, придавало им секретный характер, дабы не появились «превратные толки» и не усилилось переселенческое движение. А.А. Кауфман попытался объяснить это противоречие в переселенческой политике 1890-х гг., выделив определенные этапы: до 1893 г. массовые переселения признавались нежелательными и даже опасными (речь идет, видимо, о циркуляре 1892 г.); затем последовал период поощрения переселений, а в 1897 г. – снова ограничения [7, с. 34–39].

На практике ситуация оказалась значительно сложнее. На каждом из обозначенных выше этапов можно выделить две тенденции: первая – стремление улучшить постановку переселенческого дела; вторая – желание ограничить численность переселенцев. Например, в 1892 г. приостанавливается выдача разрешений для крестьян на переселение [8, с. 23–24], и в том же году Высочайшими повелениями от 23 апреля и 22 октября разрешалось в Томской и Тобольской губерниях устраивать самовольных переселенцев. Причем это касалось прибывших и до 1 января 1892 г., и в течение 1892 г. [1, с. 46]. Получился парадокс: легальных крестьян правительство в Сибирь не пускало, но тех, кто прибыл нелегально (можно употребить термин «незаконно»), правительство устраивало в Сибирь.

Стремление сохранить в секрете все акты, касавшиеся льгот, было вызвано неготовностью правительственных структур к активизации вольного переселения. Открытое опубликование всех льгот для переселенцев могло привести к неконтролируемому росту мигрантов, для устройства которых у правительства не было ни средств, ни возможностей. Сам характер закона 1889 г. (переселение допускалось лишь с разрешения и в определенные районы) свидетельствует, что государство стремилось контролировать численность мигрантов и заселять строго определенные районы.

Это объясняет и двойственное отношение к самовольным переселенцам. С одной стороны, таких переселенцев предполагалось задерживать даже в вагонах по пути в Сибирь, а с другой – негласно таких переселенцев было приказано безотлагательно устраивать на переселенческих участках. Объясним и секретный характер циркуляра тобольского губернатора. Опубликование этого документа неизбежно привело

бы к подъему никем не контролируемого переселения, что при отсутствии у правительства средств и возможностей для устройства всех желающих неизбежно увеличивало бы численность неустroенных переселенцев. Опасение роста неконтролируемых переселений в Сибирь было настолько велико, что томский губернатор в рапорте за 1898 г. отмечал, что обратное переселение служит сдерживающим началом и разубеждает переселяющихся в преувеличенных надеждах на пособия⁹.

Еще одно объяснение указанному противоречию имеется в отчете А.Н. Куломзина, отмечавшего, что среди переселенцев много бедных и невежественных. Такие крестьяне переселялись по причине: «народ пошел, ну и мы пошли». А.Н. Куломзин рекомендовал принять меры «к очищению переселенческого движения от элементов случайно в него попадающих и увлекаемых им в полусознании» [3, с. 5–6, 14].

Стремление государства к контролю над переселенческим движением в конце XIX в. прослеживается и по данным журналов подготовительной комиссии при КСЖД. Например, на заседаниях 10 и 31 января, 14 и 21 февраля 1897 г. первым пунктом среди обсуждаемых проблем значилось «По вопросу о мерах, направленных к уменьшению случайных переселений». Одно из замечаний подготовительной комиссии состояло в следующем: «переселение требует от Правительства бдительного наблюдения и постоянного законодательного и административного воздействия». На это замечание последовала высочайшая резолюция «Несомненно». Кроме того, по мнению комиссии, необходимо допускать заселение постепенно, чтобы число прибывающих «не превышало известного процентного отношения к местному населению». На это предложение последовала резолюция «Верно»¹⁰.

Особенно интересным выглядит замечание о том, чтобы число переселенцев не превышало «известного» процентного отношения к местному населению. Очевидно, что правительство стремилось не допустить слишком большого наплыва переселенцев, чтобы среди местного старожилого населения не появились малоземельные. Это подтверждается замечаниями, связанными с устройством переселенцев в старожильческих обществах. Так, члены подготовительной комиссии отметили, что случаи причисления переселенцев к старожильческим деревням «нередки», особенно в Енисейской губернии, и в будущем «должны быть еще многочисленнее, так как запас свободных казенных земель в значительной степени истощился». И далее было приведено мнение вице-директора департамента окладных сборов Н.Н. Кутлера о том, что в некоторых местностях старожилами было допущено присе-

⁹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 70. Д. 37. Л. 249.

¹⁰ ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 25, 26 об., 27 об.

⁸ Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

ление новоселов «в слишком больших размерах». Это, по мысли того же чиновника, должно вызвать немалые затруднения при будущем поземельном устройстве сибирских старожилов. Кутлер предложил осуществлять приселение новоселов к старожильческим обществам «непрерывно под руководством крестьянских чиновников»¹¹.

Интересно содержание циркуляра № 1 Переселенческого управления от 20 февраля 1897 г.; его направленность – сокращать переселения. Согласно этому документу уменьшались ссуды для переселенцев, а местным учреждениям предписывалось «опровергать слухи», побуждавшие крестьян к переселениям. А.А. Кауфман в числе главных причин ограничения переселений в 1897 г. назвал «ограниченность земельного фонда Сибири» [7, С. 38–39]. На наш взгляд, нельзя не заметить связи между упомянутым циркуляром и численностью переселенцев в предыдущий период. В 1896 г. в Азиатскую Россию проследовало 178 276 переселенцев и 11 886 ходяков [9, с. 62–63]. Такой поток, с позиции правительства, был слишком большим, и циркуляр 1897 г. являлся реакцией на увеличение численности переселяющихся. Фактически на рост числа переселенцев правительство отреагировало еще в 1896 г., когда вышел циркуляр от 14 июля о приостановке переселения в Сибирь. В нем глава МВД предложил губернаторам принять меры по прекращению выдачи проходных свидетельств (для легальных переселенцев) и паспортов (для вольных переселенцев). Обоснование: истощение заготовленных для переселенцев земельных участков. Исключение делалось для тех, кто получил приемные приговоры либо закрепил за собой землю, а также для «заслуживающих доверия ходяков» [1, с. 135–136].

Непоследовательность правительственного курса в данном случае подчеркивается декларированием жестких ограничений и одновременно конкретными примерами отступления от буквы закона в сторону смягчения. Так, несколько переселенцев, приселившихся к старожилам дер. Жаргино (Ишимский окр. Тобольской губ.), ходатайствовали о ссудах «на домообзаводство». Они были причислены до издания закона 12 апреля 1897 г., поэтому губернское управление в выдаче ссуд отказало. Однако Переселенческое управление сочло необходимым заметить в особом циркуляре, что со стороны МВД нет препятствий для выдачи ссуд¹².

Таким образом, приведенные данные показывают стремление правительства установить контроль над процессом водворения переселенцев. Отчасти стрем-

ление к бюрократическому контролю поясняется патернализмом по отношению к крестьянству и нежеланием допустить каких-либо негативных последствий (например, малоземелья среди старожилов или бродяжничества и массовой люмпенизации переселенцев). На практике такая опека положительного результата не дала. Меры против неконтролируемого самовольного переселения либо не исполнялись, либо не были эффективными.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Правительственная политика в отношении переселений в Сибирь в 1890-х гг. носила противоречивый характер. Государство опубликовало несколько законодательных актов, явно стимулировавших переселенческое движение. Но одновременно издавались циркуляры и указы, ограничивавшие переселения. Непоследовательной была политика и в отношении самовольных мигрантов.

2. Причинами таких противоречий и непоследовательности было стремление государства контролировать процесс переселений и понимание важности их в государственном масштабе. Попытка сочетать эти два фактора приводила к появлению льгот и поощрительных мер, которые носили секретный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирские переселения: Сб. документов. Новосибирск, 2006. Вып. 2: Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений.
2. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
3. Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896.
4. Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. Томск, 2009.
5. Шевченко Н.П. К вопросу о переселенческой политике государства во второй половине XIX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: История. 2009. № 4 (8).
6. Сибирские переселения: Документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1.
7. Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М., 1898.
8. Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912.
9. Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб., 1910.

¹¹ ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393.Л. 43–43 об.

¹² Там же Л. 13–13 об.

УДК 947.084.3(571)

Д.Л. ШЕРЕМЕТЬЕВА

**ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА СИБИРИ В ПЕРИОД «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»
(КОНЕЦ МАЯ – СЕРЕДИНА НОЯБРЯ 1918 г.)**Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: dalas83@yandex.ru

В статье рассматривается газетная периодика, выходившая в конце мая – середине ноября 1918 г. на территории Сибири, подвластной антибольшевистским органам управления. Изучены условия функционирования, выявлены динамика численности и состав газетной прессы. Установлено, что ликвидации советской власти в Сибири привела к восстановлению свободы печати и радикальному обновлению сети изданий. Несмотря на эскалацию Гражданской войны и эволюцию политического режима «демократической контрреволюции» в сторону авторитаризма, газетная пресса оставалась независимым от власти общественным институтом.

Ключевые слова: газеты, периодическая печать, Гражданская война, антибольшевистское движение, Сибирь.

В период Гражданской войны в России основным средством массовой информации и неотъемлемой частью жизни общества была газетная пресса. В условиях дезинтеграции социума и крайне идеологизированной борьбы за власть она приобрела исключительное значение, являясь одновременно «фронтом» Гражданской войны, «инструментом поиска истины» и «разящим оружием».

Изучению прессы этого периода в отечественной историографии уделено немало внимания [1]. Однако наблюдается неравномерность в освещении периодики различных регионов и этапов Гражданской войны. Историей прессы Сибири занимались А.П. Волгин, А.Н. Никитин, Н.М. Семенова и др. [2–4]. Однако газетная периодика начального этапа широкомасштабной Гражданской войны, когда в Сибири складывался антибольшевистский политический режим так называемой демократической контрреволюции, изучена недостаточно глубоко. До сих пор не выявлены основные характеристики прессы Сибири лета – осени 1918 г.: количество и динамика численности газет, сведения о принадлежности, длительности существования и тиражах изданий.

Объектом данного исследования являются русскоязычные издания, которые выпускались на территории Сибири, находившейся под управлением сначала Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК), затем – Временного Сибирского правительства (ВСП) и, наконец, Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории). По мере движения с запада на восток это Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская и Иркутская губернии, Акмолинская, Семипалатинская, Забайкальская и Якутская области.

Изучение характера функционирования газетной прессы в Сибири в рассматриваемый период ослож-

нено состоянием источников. Нестабильная, постоянно менявшаяся общественно-политическая ситуация негативно влияла на издание периодических органов, а также на их комплектацию и учет. Поэтому ни одна, даже самая крупная, библиотека не располагает ни всеми наименованиями, ни тем более – полными комплектами газет периода Гражданской войны. Выявление сибирских повременных изданий облегчают составленные в разное время библиографические указатели и каталоги¹. Но они имеют пробелы и различия. В процессе сбора материала для исследования были изучены комплекты сибирских газет за 1918 г., хранящиеся в крупнейших фондах прессы периода Гражданской войны – в Библиотеке федеральных архивов, Российской национальной библиотеке, Российской государственной библиотеке, библиотеках Томского и Иркутского университетов, а также в библиотеке Государственного архива Новосибирской области. В результате основную массу сибирских газет, выходивших летом-осенью 1918 г., удалось выявить, а недостающие сведения частично восстановлены нами по косвенным данным.

В период революций и Гражданской войны сибирская периодическая печать претерпела ряд значительных метаморфоз. В начале 1917 г. на территории края

¹ Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919; Периодическая печать Сибири в годы Гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 г.). Указатель газет и журналов: пособие для студентов / сост. Е.Н. Косых, С.Ф. Фоминых. Томск, 1991; Газеты 1917–1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиогр. кат. / Сост. И.В. Баландина, А.И. Бардеева и др. М., 1994; Несоветские газеты (1918–1922 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки / отв. сост. И.А. Снегирева. СПб., 2003.

издавалось 33 газеты, которые находились под контролем местных администраций. Февральская революция дала России, и Сибири в том числе, свободу слова, печати и собраний. Следствием этого стал лавинообразный рост количества газет: март – 72 наименования, апрель – 81, май – 88, июнь – 93, а в сентябре – 101 издание. Возможностью открыто выступать в публичной сфере не преминули широко воспользоваться политические партии, общественные организации и частные лица. Приход к власти в конце 1917 – начале 1918 г. большевиков ознаменовался формированием дискриминационно-репрессивной политики по отношению к оппозиционной прессе. Вследствие этого количество газет в Сибири стало уменьшаться: декабрь 1917 г. – 86 наименований, январь 1918 г. – 76, февраль – 69, март – 70, апрель – 60, май – 64. Сокращение числа периодических изданий происходило за счет уменьшения количества кадетских, меньшевистских, эсеровских и частных газет, быстро прекращался выпуск возникавших земских и кооперативных изданий. При этом наблюдался рост числа и тиражей советско-большевистских (коммунистических) повременных органов [5].

Вооруженное выступление Чехословацкого корпуса в конце весны – летом 1918 г. положило начало широкомасштабной Гражданской войне на востоке России. Советская власть на территории Сибири к концу лета была ликвидирована, что кардинально изменило ситуацию в крае, в том числе для периодической печати.

По мере оставления городов большевиками прекращался выпуск повременных изданий органов советской власти и коммунистических организаций. В результате советско-большевистский блок сибирских газет, который в мае 1918 г. насчитывал 28 газет общим тиражом около 2 млн экз. [5, с. 130, 229], перестал существовать. Прекращение изданий коммунистических и прокоммунистических газет оценивалось советскими историками как свидетельство ограничения свободы печати контрреволюционными правительствами [6, с. 285]. Однако антибольшевистские органы власти, действовавшие на территории Сибири во второй половине 1918 г., формально коммунистическую прессу не запрещали. Эти газеты переставали выходить в силу изменившейся военно-политической обстановки.

В конце мая – июне 1918 г. большинство крупных городов края перешло под управление ЗСК, который функционировал с 26 мая по 30 июня 1918 г. Его члены, известные эсеры-максималисты, провозгласили высшими целями «спасение завоеваний революции» и «восстановление национальной независимости» страны [7, с. 12]. В сложной военно-политической обстановке конца мая – июня 1918 г. на подконтрольной ЗСК территории не действовало никаких правил, регламентировавших выпуск прессы. Только 25 июня 1918 г. было принято постановление «О печати», потребовавшее точного и неуклонного соблюдения закона «О печати» Всероссийского Временного прави-

тельства от 27 апреля 1917 г. В законе декларировалось: «Печать и торговля произведениями печати свободны», «применение к ним административных взысканий не допускается» [8, с. 47].

30 июня 1918 г. произошла передача власти от ЗСК министрам ВСП, избранным Сибирской областной думой в конце января 1918 г. По политическим позициям они были значительно «правее» членов ЗСК и в качестве приоритетной задачи власти выдвинули укрепление законности и порядка. В отношении прессы продолжало действовать постановление «О печати» от 25 июня 1918 г. Однако 15 июля 1918 г. были изданы Временные правила к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, согласно которым министр внутренних дел, командующий армией или командиры корпусов могли «приостанавливать периодические издания» [9, с. 158]. Правила закладывали предпосылки для установления административного и военного контроля над прессой, но приоритет принципа свободы слова сохранялся. Предварительная военная цензура как чрезвычайная мера была временно введена лишь в отдельных городах: 22 сентября 1918 г. – в Томске из-за острого политического кризиса 19–24 сентября 1918 г.²; 17 октября 1918 г. – в Чите по произволу местных военных³, а в конце октября 1918 г. – в уездном Мариинске из-за вспыхнувшего в его окрестностях Чумайского восстания⁴.

В чрезвычайных условиях Гражданской войны политический режим контрреволюции быстро эволюционировал от первоначально декларированного народоправства с его ставкой на Всероссийское Учредительное собрание и органы самоуправления к авторитаризму [10, с. 346]. Даже передача властных полномочий образованному на Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г. ВВП, которое намеревалось остановить «сползание» политического режима «вправо», не привела к изменению этой тенденции.

В таких условиях в конце мая – середине ноября 1918 г. на территории Сибири, подчиненной антибольшевистским органам власти, одновременно печаталось не менее 123 наименований газет. Из них только 12 изданий выходило без перерыва до и после свержения советской власти, 48 газет, ранее закрытых большевиками, были восстановлены, 63 повременных органа учреждены и реорганизованы в течение лета – осени 1918 г. Подавляющее большинство продолжавших выходить и восстановленных газет было учреждено в конце 1917 – начале 1918 г., а длительное время выпускались только издания «Жизнь Алтая», «Омский вестник», «Приишимье», «Сибирская жизнь» и «Сибирь». То есть летом-осенью 1918 г. в сфере газетной прессы наблюдалось колоссальное обновление. По сути дела, сеть периодики складывалась заново.

² Новый алтайский луч (Барнаул) 1918. 2 окт.

³ Русский Восток (Чита). 1918. 18 окт.

⁴ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 29 окт.

Динамика численности периодической печати в Сибири летом-осенью 1918 г. была следующей: в июне на той территории края, где советская власть была свергнута, выходило 46 газет, в июле – 75, в августе – 89, в сентябре – 91, в октябре – 83, а в первой половине ноября – 74. Стремительный рост числа газет в Сибири в июне – июле 1918 г., порожденный сменой власти, сравним с ситуацией марта – мая 1917 г., когда в месяц возникало по три десятка изданий. Однако темп роста числа газет в Сибири начал снижаться уже в августе 1918 г., так как к этому времени перестал действовать военно-политический фактор, вызывавший восстановление закрытых ранее большевиками изданий и появление новых газет. Вместе с тем на количестве периодической печати начало сказываться ужесточение политического режима. Произошли первые случаи принудительной приостановки изданий. Единственная пробольшевистская газета «Рабочее знамя», печатавшаяся в Томске, была приостановлена 4 августа 1918 г. из-за откровенно враждебной позиции редакции по отношению к ВСП. Уполномоченный командира II Степного Сибирского корпуса по охране государственного порядка в Алтайской губернии полковник Караев 10 августа 1918 г. приостановил издание меньшевистской газеты «Алтайский луч» и эсеровского органа «Наш путь». Однако значительные политические ресурсы позволили барнаульским меньшевикам продолжить издание партийной газеты.

Осенью 1918 г. динамика численности сибирских газет изменилась в отрицательную сторону. Это было вызвано ужесточением политического режима, которое сопровождалось усилением вмешательства военных в сферу гражданского управления. Облеченные властью в качестве уполномоченных по охране государственного порядка и общественного спокойствия, а в некоторых случаях – по личному произволу, они приостановили социалистические издания за критические выступления в адрес представителей власти. В Омске были закрыты «Дело Сибири» и «Рабочий путь», в Татарске – «Крестьянская жизнь», в Чите – «Забайкальский луч» и «Трудовая Сибирь». Однако преследования социалистической прессы не были централизованными и систематичными. Эсеры и меньшевики продолжали легально вести идейно-пропагандистскую работу, выпускать газеты.

Негативное влияние на издание газет в Сибири осенью 1918 г. оказывала и так называемая пролетарская цензура – организованное политическое давление на прессу со стороны рабочих при помощи забастовок [11, с. 282]. Несмотря на то, что воздействие на средства массовой информации не являлось целью забастовок, а лишь сопутствовало выступлениям рабочих-печатников, в Новониколаевске, Омске, Томске и Иркутске на продолжительное время был приостановлен выход крупных либеральных газет «Сибирская жизнь», «Сибирская речь», «Свободный край», демократической «Народной Сибири», и даже два дня не издавалась правительственная газета «Сибирский вестник».

Состав сибирской газетной периодики под влиянием политических событий претерпевал существенные изменения. В июне – июле 1918 г. число изданий росло главным образом за счет восстановления и создания новых партийных эсеровских, кадетских и меньшевистских изданий. Стремительно увеличивалось количество частных и кооперативных газет, появлялись издания органов местного самоуправления и профсоюзные газеты. Кроме того, в июне – июле 1918 г. складывалась сеть изданий административных органов управления сибирской контрреволюции.

К концу августа – сентябрю 1918 г. в крае стабилизировалась военно-политическая ситуация, и количество газет достигло наибольшего для периода «демократической контрреволюции» показателя. Основным видом прессы в это время являлись массовые общественно-политические газеты, решавшие широкий круг социальных и политических задач. Они удовлетворяли потребность населения в социально значимой информации, ориентировали читателя в сложной, быстро менявшейся общественно-политической обстановке и осуществляли идейно-пропагандистскую деятельность.

Наибольшую активность в сфере массовой информации проявили политические партии, которые стремились максимально использовать информационно-пропагандистские ресурсы для мобилизации сторонников в борьбе за власть. По количеству, периодичности, широте распространения изданий и качеству подачи материала лидировала газетная пресса партии народной свободы, издававшаяся во всех крупных городах Сибири (не менее 11 наименований общим тиражом 15–20 тыс. экз. в день⁵). Периодике кадетов по количественным и качественным параметрам уступала пресса эсеров (не менее 13 наименований общим тиражом 10–12 тыс. экз. в день). Периодическая печать меньшевиков составляла меньшую группу сибирской партийной прессы (семь наименований общим тиражом 7–10 тыс. экз. в день). При этом партии распространяли свои идеи не только посредством собственных газет. Социалисты имели сильные позиции в профсоюзной, кооперативной и земской прессе, а значительное количество частных органов печати разделяли либеральные позиции кадетов. Относительный паритет партий в информационно-пропагандистской сфере, существовавший в конце августа – сентябре 1918 г., вскоре нарушился из-за сокращения числа социалистических изданий. К середине ноября 1918 г. продолжался выпуск всего шести эсеровских и двух меньшевистских газет. При этом число либеральных

⁵ Все газеты летом – осенью 1918 г. выходили без указания количества выпущенных экземпляров. Поэтому для подсчета тиражей использованы сведения, содержащиеся в августовских отчетах информационного бюро при Совете министров Временного Сибирского правительства (ГА РФ. Ф. Р-1700. Оп. 5. Д. 58) и документах МВД (ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 6. Д. 75). В них обычно указывался количественный диапазон тиражей изданий. То есть оперировать имеющимися данными можно лишь условно.

изданий оставалось на прежнем уровне, хотя из-за забастовок печатников происходили длительные перемены в их выпуске.

Широкое распространение в Сибири летом-осенью 1918 г. получили общественно-политические газеты кооперации (не менее 15 наименований общим тиражом 20–25 тыс. экз. в день). Они отличались стабильностью функционирования и широким охватом аудитории. Осенью 1918 г. кооперативная пресса наращивала объемы, усиливая влияние на население края.

Органы местного самоуправления в Сибири, действовавшие в период Гражданской войны как независимые от государства представительные учреждения, также стремились влиять на массовое сознание с помощью прессы (не менее 12 наименований газет общим тиражом 4–6 тыс. экз. в день). В сентябре – ноябре 1918 г. положение земской печати оставалось прочным, что было связано с поддержкой прессы органов самоуправления со стороны кооперации, общественных организаций и социалистических партий.

Профсоюзная периодическая печать (семь наименований общим тиражом около 1 тыс. экз. в день) издавалась только в Иркутске, Омске, Томске и Тобольске. Пережив короткий расцвет в августе – сентябре 1918 г., профсоюзная периодика из-за политического давления и финансовых проблем к середине ноября 1918 г. сократилась до двух наименований газет.

Летом – осенью 1918 г. в Сибири функционировали многочисленные газеты, принадлежавшие издательским товариществам и частным лицам (не менее 18 наименований). Они, как правило, позиционировали себя в качестве независимых изданий и из-за различных редакционных задач и идейно-политических установок представляли пеструю картину. Крупнейшей газетой края была томская «Сибирская жизнь», издававшаяся Сибирским товариществом печатного дела. Определял направление издания редактор – член «потанинского кружка», депутат Сибирской областной думы, народный социалист А.В. Адрианов. Частные газеты были в основном небольшими по формату и размерам тиражей. Как правило, их издатели придерживались либеральных взглядов. Частными лицами выпускались редкие ультраправые издания и «спекулятивные» газеты, подобные «Омскому вестнику» и томскому «Понедельнику».

Помимо массовых общественно-политических изданий в Сибири летом-осенью 1918 г. существовали специализированные газеты, ориентированные на предметно заданную тематику и выполнявшие четко обозначенные функции. К этому виду прессы можно отнести официальные, военные и религиозно-просветительские издания. Задачи официальных газет (не менее 12 наименований тиражом около 10–12 тыс. экз. в день) сводились к информированию населения о действиях

власти, а пропагандистские возможности ими практически не использовались. Единичные военные и религиозно-просветительские издания в Сибири летом – осенью 1918 г. вышли всего несколькими номерами, не составив сколько-нибудь значительного явления.

Смена политического режима в Сибири летом 1918 г. отразилась на характере функционирования газетной прессы. Ликвидация начинавшей доминировать советско-большевистской системы массовой информации и отказ власти от монополии в информационно-пропагандистской сфере способствовали демократизации условий выпуска повременных изданий. Реакцией на это стало быстрое и масштабное обновление состава газетной прессы. Процесс шел стихийно, реализовывался высвобожденный издательский потенциал разрозненных общественно-политических сил. Постепенное ужесточение политического режима в Сибири летом – осенью 1918 г. привело к ограничению свободы слова для социалистов, но организованной идейно-пропагандистской системы контрреволюции создано не было. Пресса продолжала функционировать в качестве независимого от власти многоликого общественного института.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 г.). М., 2002.
2. Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как исторический источник по истории «демократической» контрреволюции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977.
3. Волгин А.П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990.
4. Никитин А.Н. Периодическая печать как исторический источник по истории Гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.
5. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994.
6. Семенова Н.М. Положение сибирской печати в период «демократической» контрреволюции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 278–286.
7. Журавлев В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.): Сб. науч. статей. Новосибирск, 2009. С. 3–20.
8. История отечественной журналистики (1917–1945): Хрестоматия / Сост. И.В. Кузнецов. М., 2002.
9. Временное Сибирское правительство. 26 мая – 3 ноября 1918 г.: Сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2007.
10. Шишкин В.И. Временное Сибирское правительство // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 345–347.
11. Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.

УДК 94(47)

Е.П. АНТОНОВ

**ДИСКУССИИ 1920-х гг. О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ
ЯКУТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(ОБЩЕСТВО «САХА ОМУК»)**

ИГИИПМНС СО РАН
г. Якутск
e-mail: antonegor@gmail.com

В статье анализируются дискуссии 1920-х гг. в Якутской АССР между членами культурно-просветительного общества «Саха омук» и партийно-советскими органами, в ходе которых обсуждались главным образом вопросы о взаимоотношениях власти и интеллигенции, о деятельности национальных объединений в период нэпа и другие.

Ключевые слова: Якутия, интеллигенция, дискуссии, национальная политика, нэп, общество «Саха омук».

Взаимодействие властей и национальной интеллигенции в период нэпа в Якутской АССР можно проанализировать на основе изучения динамики отношения партийно-советских органов к культурно-просветительному обществу «Саха омук» (Якутская нация). В это объединение (до 1 500 чел.) вошла практически вся интеллигенция и молодежь, среди которых – такие выдающиеся деятели, как А.Е. Кулаковский, П.А. Ойунский, М.К. Аммосов, А.И. Софронов и др.

В советской историографии общество «Саха омук» оценивалось как центр контрреволюционеров и националистов. В своей монографии 1969 г. А.И. Новгородов писал: «Формально общество называлось культурно-просветительным, в действительности же это была политическая организация якутского тойдната. На протяжении многих лет (1920–1928 гг.) все нити антисоветских заговоров и мятежей в Якутии тянулись к обществу “Саха омук”» [1, с. 226]. В 1980–начале 1990-х гг. В.А. [2, с. 21, 204, 221] и В.В. Демидовы, В.С. Познанский [3, с. 33, 93] обвиняли руководство «Саха омук» в стремлении подорвать влияние и руководящую роль компартии в политической жизни, хозяйственном и культурном строительстве, а также в том, что оно «вплоть до 1928 г. снабжало контрреволюционные шайки кадрами руководителей». В настоящей статье предпринят анализ взаимоотношений между беспартийными членами общества «Саха омук» и партийно-советскими работниками в контексте современных исторических оценок отношения власти и интеллигенции в эпоху нэпа.

Февральская революция способствовала зарождению элементов гражданского общества в Якутской области. Так, в 1917 г. возникло первое самостоятельное организованное национальной интеллигенцией

культурно-просветительное общество «Саха аймах» («Якутское племя»). В 1920 г. органы ЧК ликвидировали это объединение, обвинив некоторых его представителей в участии в так называемом контрреволюционном августовском заговоре. Взамен появилось новое культурно-просветительное общество «Саха омук» практически с тем же составом участников. Но и его закрыли чекисты, обвинив ряд членов в участии теперь уже в так называемом контрреволюционном февральском 1921 г. заговоре.

Восстановление в 1922 г. деятельности общества «Саха омук», обусловленное переходом от политики военного коммунизма к нэпу, провозглашением новой гуманной военно-политической линии и автономной республики, вызвало среди интеллигенции надежду на мирное развитие страны. К примеру, один из активистов общества Г.И. Готовцев считал, что «Саха омук» «выведет нацию на путь свободного развития» и «национального раскрепощения». Данную позицию разделяли вошедшие в состав общества многие члены бывших оппозиционных советской власти политических объединений – А.И. Софронов, И.Н. Прядезников, С.Н. Донской-младший из «Союза федералистов», Г.И. Шадрин, М.Ф. Слепцов из Якутского национального комитета, председатель Якутского земского собрания А.Д. Широких, кадет В.Н. Леонтьев, эсеры А.Ф. Бояров, Н.Н. Окоемов и др.¹

В ноябре 1922 – начале 1923 г. комиссия ГПУ – НКВД произвела перерегистрацию и «фильтрацию» руководящего состава всех общественных объедине-

¹Национальный архив Республики Саха (Якутия)(НА РС (Я)). Ф. 357. Оп. 1. Д. 407. Л. 3–5; Архив Управления федеральной службы безопасности РФ по РС (Я) УФСБ РФ по РС (Я). Д. 2580р. Л. 7; Д. 2334р. Л. 20.

ний (научных, религиозных, академических) по стране [4, с. 40]. Тем самым с момента организации деятельность «Саха омук» происходила с санкции и под контролем административных и политических органов.

12 января 1924 г. бюро Якутского обкома РКП (б) обязало сформированную внутри общества фракцию коммунистов еженедельно отчитываться перед партийным органом, что явилось первым шагом к установлению партийного контроля над общественной деятельностью беспартийной интеллигенции².

Свою оценку роли «Саха омук» дал первый секретарь Якутского обкома РКП (б) Е. Г. Пестун, доложивший 21 января 1924 г. в Сиббюро, что общество перестало быть политической организацией национальной интеллигенции и выступает теперь в качестве придатка Наркомата просвещения ЯАССР и Политпросвета, ограничиваясь лишь культурно-просветительной деятельностью³.

В тот же период в якутской печати развернулась дискуссия об объединении культурно-просветительных обществ «Саха омук» и «Аннях». Последнее из них функционировало в Олекминском улусе. 25 марта 1924 г. Пестун подчеркнул в своем обращении к пленуму Якутского обкома РКП (б), что следует говорить не о слиянии двух объединений, а в целом об отношении РКП (б) к национальной интеллигенции. В 1920-е гг. в Якутской партийной организации заметно укрепилось «левацкое» течение, стремившееся оторгнуть национальную интеллигенцию от сотрудничества с советской властью, а это в корне противоречило принципам национальной политики эпохи нэпа. Попытки сохранить самостоятельность «Аннях» вызывались преобладанием в его составе радикально настроенных партийцев, сконцентрировавших свою деятельность исключительно среди бедноты и бывших красных партизан. Переход к такого рода деятельности в «Саха омук», по мнению Пестуна, мог привести к разрыву взаимоотношений власти с патриархально настроенным населением, находившимся под значительным влиянием интеллигенции⁴.

28 марта 1924 г. пленум Якутского обкома РКП (б) с участием Пестуна, Барахова, И.Н. Винокурова, А.Ф. Боярова, А.Г. Габышева и других обсудил вопрос о слиянии обществ «Саха омук» и «Аннях». Бояров заявил, что устав «Аннях» больше отвечает «духу советской власти», нежели устав «Саха омук». Выступавший привел данные об активной деятельности членов «Аннях», которые организовали семь филиалов, провели три съезда, открыли национальный клуб, кроме того, составляли рукописи на якутском языке, устраивали спектакли, выступали с научно-популярными и просветительскими лекциями и т.д. Председатель «Саха омук» Леонтьев предлагал объединиться, но

созванный по данному поводу окружной съезд отказался от этой идеи после двухдневных дебатов. В ходе дискуссии выяснилось, что из 600 членов «Саха омук» лишь 9 чел. были членами РКП (б). Причиной неучастия партийцев в деятельности культурно-просветительного общества являлось их предвзятое мнение о контрреволюционности «Саха омук»⁵.

Однако в результате обсуждения пленум оценил «Саха омук» «как вполне советское культурно-просветительное общество, вовлекающее нацинтеллигенцию в крайне полезную работу по распространению грамотности и просвещения на якутском языке». Нигилистические настроения среди части коммунистов к обществу были расценены как вредный пережиток «обостренного недоверия, порожденного в период Гражданской войны». При этом всех членов РКП (б) и комсомола, владеющих якутским языком, обязали записаться в члены «Саха омук». Признавалось «принципиально необходимым слияние общества «Аннях» и «Саха омук». Решительно осуждались взгляды левацки настроенных лиц, недооценивающих роль национальной интеллигенции и ориентирующихся исключительно на бедноту⁶.

В 1925 г. начавшаяся дискуссия продолжилась в связи с вопросом о реорганизации общества «Саха омук» в научно-исследовательское общество «Саха Кэскилэ». Пестун выступил с инициативой превратить «Саха омук» в своеобразный зародыш будущей Якутской академии наук. В состав реорганизованного научно-исследовательского объединения предполагалось включить городской музей, республиканский архив и Совет по якутской письменности⁷.

Такой вариант организационных преобразований в целом совпадал с видением беспартийного руководства общества своих перспектив. Так, еще в 1923 г. общество «Саха омук» наметило пути и способы изучения Якутского края и формирования научных кадров. Предусматривалось проведение изысканий под руководством местного отделения РГО⁸. Значение развития науки понимали и рядовые члены общества. Так, в 1924 г. сотрудник Западно-Кангаласского филиала Афанасьев заявил на митинге, что комплексное изучение мира позволяет людям пользоваться силами природы, а научные изыскания – развивают и обогащают человеческий разум⁹.

Идею Пестуна об организации якутского научно-исследовательского объединения члены общества в 1924 г. признали «вполне своевременной и правильной», однако выразили свое особое мнение. Поддержав идею слияния своего общества с местным отделением РГО, они вы-

⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 230. Л. 4.

⁶ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 230. Л. 4–5.

⁷ НА РС (Я). Ф. 459. Оп. 1. Д. 18. Л. 52; Пестун Е. «Саха омук» и якутская нацинтеллигенция // По заветам Ильича. 1925. март. С. 45.

⁸ НА РС (Я). Ф. 459. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 10; Д. 83. Л. 5.

² Филиал Национального архива РС (Я) (ФНА РС (Я)). Ф. 3. Оп. 3. Д. 237. Л. 2.

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 381. Л. 24.

⁴ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 230. Л. 31.

ступили за сохранение в новой организации культурно-просветительных и общественно-политических функций.

В январе 1925 г. Пестун направил в Секретариат ЦК РКП (б) закрытое письмо, в котором говорилось, что обком начал массовую кампанию по ликвидации «Саха омука». Одновременно организовывалось научно-исследовательское общество. Констатировалось, что «все творческие силы выпотрошены» из «Саха омука» и закрытие его городского клуба неминуемо¹⁰. Ефим Григорьевич указывал, что для членов «Саха омука» «буфет и танцулька, подкрашенная мелкобуржуазным националистическим налетом», важнее, чем все культурные задачи якутской нации. В его трактовке «все клубы охватила какая-то танцевальная горячка. Лекции побеждены танцульками», «большинство ударились в танцульки, постановку никому не нужных пьес и забыли про клубную работу»¹¹.

В свою очередь лидеры и активисты организации Софронов, Г.Г. Колесов, Г.Ф. Сивцев, В.Г. Николаев, А.Д. Пинигин обосновывали сохранение «Саха омука» тем, что оно является символом внешнего проявления национального самосознания якутов, а, по мнению Леонтьева, в обществе отражается проявление культурной автономии якутского народа¹².

Член «Саха омука», учитель П.А. Слепцов аргументировал идею сохранения общества в прежнем виде тем, что оно является массовой общественной организацией якутского народа. Реорганизация «Саха омука» в замкнутое исследовательское общество, по его мнению, негативно отразится на задачах культурного строительства. М.Н. Тимофеев-Терешкин напомнил, что в республике очень мало коммунистов, поскольку отсутствовал пролетариат, преобладали мелкие и средние собственники; именно их и предстояло советизировать посредством «Саха омука»¹³.

Следует учитывать также, что ОГПУ систематически отслеживало состояние умонастроений интеллигентов. Особый интерес у органов вызывали: стремление к политическому самоопределению, изучение теорий небольшевистского характера, увлечение идеями национального самосознания и др. [5, с. 73].

¹⁰ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 46. Л. 13.

¹¹ Пестун Е.Г. «Саха омука» и якутская интеллигенция // По заветам Ильича. 1925. март. С. 39.

¹² НА РС (Я). Ф. 459. Оп. 1. Д. 18. Л. 56; *Нужно ли культурно-просветительное общество «Саха омука»? // Автономная Якутия. 1925. 15 янв.; Леонтьев В.Н. Еще о задачах «Саха омука» // Там же. 1925. 25 янв.; Архив УФСБ РФ по РС (Я). Д. 2580р. Л. 24.*

Впервые теорию о культурно-национальной автономии разработали австрийские социал-демократы Карл Реннер и Отто Бауэр в начале XX столетия. При культурно-национальной автономии «все нации, – писал Бауэр, – где бы они ни жили, всегда составляли бы корпорации, самостоятельно заведующие своими национальными делами» // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 13. С. 599.

¹³ Слепцов П.А. Еще раз о «Саха омука» // Автономная Якутия. 1925. 14 фев.; НА РС (Я). Ф. 459. Оп. 1. Д. 18. Л. 53.

В ходе диспута отдельные партийцы допускали необоснованные выпады в адрес беспартийной интеллигенции. Так, П.А. Ойунский говорил о наличии в «Саха омука» богачей и бедняков, большевиков и бандитов и представил это общество, как «организацию политиканствующих националов». В его трактовке члены общества рассматривали себя как основную политическую силу общества, а свою организацию – национально-политическим объединением. Он предупреждал, что под вывеской «Саха омука» окажется «гнездо антисоветских лиц», которые вовлекут новых членов и развернут борьбу против компартии¹⁴.

В зарубежной историографии существует мнение, что общество «Саха омука» являлось центром националистических настроений, а статьи в его органе печати – «Чолбон» – выражали исключительно интересы якутов. В период нэпа на фоне быстрого роста частных издательств возникла «группа журналов, выражавших во многом антисоветскую позицию». В этом издании, в частности, публиковался Г.В. Баишев – Алтан Сарын с пропагандой идеи пантюркизма. Но такого рода обвинения оказались беспочвенными, так как отсутствовали факты о деятельности якутских пантюркистов [6, с. 260].

Необоснованные обвинения национальной интеллигенции со стороны отдельных представителей руководства Якутии вызвали нарекания со стороны общественности республики. 22 февраля 1925 г. было созвано совещание ряда партийных и беспартийных деятелей. На нем Пестун высказал свое несогласие с позицией М.Н. Тимофеева-Терешкина, который увлекся выдвиганием политической значимости «Саха омука» как единственного представителя народа саха. Вместе с тем, совещание вынесло постановление о том, что высказывания А.П. Ойунского порочат советскую национальную интеллигенцию и необходимо освещать в печати ошибки автора¹⁵. 15 марта 1925 г. восемь членов общества «Саха омука» выступили в газете в защиту общества, доказывая, что через него осуществляется самодеятельность якутского народа¹⁶.

Позиция партийно-государственного руководства республики в отношении современного состояния и перспектив общества транслировалась наверх и по своим каналам. В частности, уполномоченный ОГПУ Барков писал в госсводке, что руководство «Саха омука» принадлежит группе «видных шовинистов-националистов», выступающих против реорганизации общества в научно-исследовательское объединение. Доводы в пользу открытия авторитетного центра для подготовки научных кадров были отвергнуты узконационалистическими, ограниченными мещанами, оза-

¹⁴ НА РС (Я), ф. 459, оп. 1, д. 140, л. 6–7; ФНА РС (Я). Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 13.

¹⁵ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 362. Л. 1–3.

¹⁶ К дискуссии о «Саха омука» // Автономная Якутия. 1925. 15 марта.

¹⁷ ФНА РС (Я). Ф. 1. Оп. 3. Д. 265. Л. 78, 83.

боченными лишь «танцульками и саха-омуковским буфетом»¹⁷.

22 июня 1925 г. бюро Якутского обкома ВКП (б) с участием П.А. Ойунского, С.М. Аржакова и других утвердило «твердый список» добровольных обществ: Авиахим, МОПР, Общество «Долой неграмотность!», Пролетарская студия, «Саха омук» и «шефские комиссии». Агитационно-политический отдел получил право «установить постоянное и систематическое руководство работой» правлений добровольных обществ Якутии¹⁸. «Саха омук» хотя и значилось при этом, но оказалось в одиночестве среди новых советских обществ.

26–28 января 1926 г. на пленуме Якутского обкома и Областной контрольной комиссии встал вопрос об усилении партийного руководства обществом¹⁹. Необходимость существования «Саха омук» признавало большинство партийно-советских работников, за исключением отдельных лиц. Со стороны национальной интеллигенции более заметно стремление к деловому сотрудничеству. «Не всякий критикующий является контрреволюционером. Идеологически национальные тенденции населения выражает национальная интеллигенция». С.В. Васильев заявил, что попытка ликвидации «Саха омук» в 1925 г. продемонстрировала переоценку сил партийных ячеек и недооценку жизненности культурно-просветительного общества. Закрытие этого общества приведет к политическому осложнению, и поэтому его «лучше взять под свое руководство»²⁰.

Как это руководство осуществлялось, показали последующие действия власти. 27 июля 1926 г. бюро Якутского обкома ВКП (б) приняло постановление об общественно-литературном журнале «Якутские зарницы». В нем переход «Якутских зарниц» к «Саха омук» расценивался как нежелательный²¹.

1 ноября 1926 г. состоялось совещание членов общества коммунистов-якутов (71 чел.), которое постановило изъять общественно-политическую функцию у «Саха омук» и оставить ему лишь решение культурно-просветительных задач²². При этом обществе действовал философский кружок, о котором в 1926 г. в госсводке ОГПУ сообщалось, что его руководитель Леонтьев проводил антисоветскую пропаганду, выступая перед молодежью с критикой диалектического материализма и проповедью идеализма и анархизма. Годом позднее С.Г. Потапов обвинил членов философского кружка во главе с Леонтьевым в участии в «ксенофонтовском» заговоре. Однако другой видный в рес-

публике деятель Барахов заявил, что хотя с философским кружком левацки настроенные партийцы носятся давно и вспоминают о нем при всяком удобном случае, но никаких данных об антисоветской деятельности его членов они не приводят²³.

25 октября 1927 г. бюро Якутского обкома ВКП (б) обсудило вопрос о статье Потапова «Алхимия тов. Леонтьева в вопросах литературных». Автор выступил с резкими нападками на «Саха омук», что послужило причиной считать его работу программной статьей против национальной интеллигенции, а факт ее публикации – изменением политики компартии по отношению к интеллигенции. Бюро обкома отметило, что статья Потапова противоречит постановлениям Якутского обкома и V областной партийной конференции, в частности решению о необходимости сохранения «Саха омук». Партийное руководство официально отмежевалось от этой публикации как выражающей точку зрения не редакции газеты, а автора²⁴.

Таким образом, дискуссии вокруг культурно-просветительного общества «Саха омук» выявили позиции интеллигенции, направленные на сохранение самостоятельной национальной организации с приданием ей научно-исследовательских функций. Напротив, партийно-советские органы апеллировали к идее преобразования данного объединения в научное, с изъятием из его деятельности общественно-политических и культурно-просветительских функций. Автономное, но жестко регламентированное со стороны власти и карательных органов существование «Саха омук» вплоть до 1928 г. вызывало многочисленные, но беспочвенные по сути обвинения в национализме и контрреволюционности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новгородов А.И.* Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969.
2. *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири 1917–1923 гг. Новосибирск, 1983.
3. *Демидов В.А., Демидов В.В., Познанский В.С.* Народы Сибири на путях интернационализма. Новосибирск, 1990.
4. *Пыстина Л.И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999.
5. *Красильников С.А.* Политические настроения послереволюционной интеллигенции в обзоре ОГПУ (Лето 1926 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №2.
6. *Forsyth J.* History of the Peoples of Siberia. Russian's North Asian Colony. 1581–1990. Cambridge University Press, 1992.

¹⁸ТФНА РС (Я). Ф. 1. Оп. 3. Д. 392. Л. 91.

¹⁹ Там же. д. 535. Л. 20.

²⁰ Там же. д. 535. Л. 48, 63, 89.

²¹ Там же. д. 535. Л. 126.

²² Там же. д. 540а. Л. 87; Д. 562. Л. 9.

²³НА РС (Я). Ф. 459. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁴ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 648. Л. 147.

УДК 94(47)091

Н.Д. ТРОЦЕНКО

**ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ФУНКЦИЙ
(1930–1931 гг.)**Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: orlova@history.nsc.ru

В статье на основе материалов делопроизводства партийных органов Западной Сибири анализируется деятельность двадцатипяти-тысячников – рабочих, прибывших в регион из индустриальных центров для форсированного создания колхозной системы. Выявлены факторы позитивного и негативного воздействия на адаптацию рабочих к новым социальным функциям. Сделан вывод о том, что около четверти мобилизованных рабочих не справились с управленческой деятельностью.

Ключевые слова: двадцатипяти-тысячники, кадровая мобилизация, форсированная коллективизация, адаптационные факторы.

Принимая решение о форсированной коллективизации сельскохозяйственного производства, в органах партийного и советского руководства понимали, что это потребует привлечения огромного количества организаторских и партийных кадров. Несмотря на дефицит постоянных кадров в промышленности, ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о «переключении» около 25 тыс. рабочих в сельскохозяйственный сектор [1, с. 408]. Ставка была сделана на то, что только из представителей рабочего класса можно в максимально сжатые сроки подготовить политически надежных грамотных организаторов. Во исполнение данной директивы профсоюзы под руководством партийных комитетов провели кадровую мобилизацию в промышленных центрах. Группу рабочих, направленную в ходе этой кампании в деревню, принято называть 25-тысячниками.

В советской историографии роль 25-тысячников в коллективизации оценивалась очень высоко, их успехи широко освещались. Научному изучению истории 25-тысячников как самостоятельной темы положила статья Е.Б. Зомбе (1947 г.) [2]. Исследователь высоко оценивает роль рабочих в организации труда в колхозах и довольно подробно рассматривает их общественно-политическую деятельность в деревне.

Интерес к истории 25-тысячников возрос с середины 1950-х гг. в связи с решением об отправке из городов в села около 30 тыс. организаторов и руководителей колхозов (1955 г.). Стали появляться публикации документов, исторические очерки о 25-тысячниках, специальные разделы в книгах. Их деятельности в Сибири посвящена одна из глав монографии Н.Я. Гушина (1965 г.) [3]. За рубежом о 25-тысячниках вышла книга канадской исследовательницы Линн Виолы (1987 г.), в которой рассматриваются их со-

циальные корни, убеждения и повседневная деятельность [4].

Современные авторы, такие как А.Н. Сахаров и А.С. Левакин, показали низкую профессиональную пригодность промышленных рабочих в деревне [5; 6]. В.И. Носач и Н.Д. Зверева обращают внимание на то, что при помощи рабочих Сталин пытался придать вид революционной законности насилию, которому подвергались крестьяне: «рабочий класс – гегемон вел за собою в социализм отсталый класс – крестьянство» [7, с. 88–94].

Таким образом, в историографии накоплен обширный материал о 25-тысячниках. Однако задача объективной оценки участия рабочих в коллективизации деревни остается еще не решенной. Кроме того, крайне слабо изучена реализация рассматриваемой кампании в Сибири.

На 25-тысячников возлагались две достаточно самостоятельные функции – организационно-производственная и идеолого-политическая. Рабочие должны были не только сами реализовывать политику партии, но и создавать опору большевиков в деревне. Их распределение колхозными организациями производилось заочно, еще до прибытия в села. Более того, на колхозных собраниях заранее принимались решения о принятии 25-тысячников в члены правления и т. п. Как и следовало ожидать, значительная часть рабочих не могла соответствовать выделенным им должностям. Такое несоответствие и стало одной из причин их слабой работы, неспособности адаптироваться и, как результат, перемещений с должности на должность.

По сведениям краевого комитета ВКП(б), в Сибири весной 1930 г. на руководящей колхозной работе было использовано 66,3 % 25-тысячников (43,9 % –

председателями коммун и колхозов, 22,4 % – членами правления), в то время как по СССР на соответствующую работу попало, по неполным данным, всего 53 %. Кроме того, 2,4 % 25-тысячников заведовали отдельными отраслями хозяйства в колхозах. В качестве инструкторов и членов правления районных колхозных объединений было задействовано 2,3 %. В машинно-тракторных и машинно-конных станциях работало 12,6 % (по другим данным, – 10,2 %)¹. Это очень весомая доля, если учитывать, что в 1930 г. в Сибири насчитывалось лишь 9 МТС (данных о количестве МКС у нас не имеется) [3, с. 53]. Около 15 % 25-тысячников использовались на партийной работе в деревне; 4 % занимали руководящие должности на маслозаводах². Таким образом, в Сибирском крае больший, чем в среднем по стране, процент 25-тысячников был назначен на ответственные руководящие должности. Кроме того, в крае сделали ставку на использование политического опыта рабочих. Это можно объяснить более острым (по сравнению с центральными регионами) дефицитом в Сибири административных и партийных кадров.

Краевые органы, в целом положительно оценивая деятельность 25-тысячников в деревне, отмечали и наличие недостатков. Во-первых, «небольшая часть» из них испугалась трудностей, «сложила мирным путем оружие перед классовым врагом и сбежала с колхозного трудового фронта». Во-вторых, отмечались «ненормальности» в распределении 25-тысячников, в использовании их на работе и в обеспечении рабочих и их семей [8, с. 50]³. Во многих районах 25-тысячники использовали не по назначению. Так, в Ижморском районе 25-тысячник Масальский работал по линии потребкооперации; 25-тысячник Артемов из Яминского района сообщал, что его используют чернорабочим на производстве. Подобные прецеденты встречались по всей стране. Уже весной 1930 г. ВЦСПС требовал привлечения к ответственности, вплоть до судебной, местных органов, допустивших неправильное использование 25-тысячников. Однако подобные примеры можно найти даже в документах весны 1931 г.⁴

Центральные руководящие органы планировали для реализации целей кампании установить с мобилизованными рабочими систематическую связь, которая должна была не только обеспечивать руководство посланцами партии, но и непосредственно информировать центральные органы о ситуации в деревне. Однако фактически связь рабочих с направившими их предприятиями порой совершенно отсутствовала.

¹ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 15.

² При сложении приведенных процентов получается не 100 %, а 102,6 %. Возможно, это связано с тем, что фактически некоторые 25-тысячники использовались на нескольких должностях, что подтверждается документами.

³ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 48.

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1099; ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 28.

Многие фабрично-заводские комитеты не отвечали на письма 25-тысячников, не присылали литературу даже по специальным запросам. Добиться помощи было сложно и от сибирских организаций, направлявших 25-тысячников на места. При крайкоме работала комиссия по рассмотрению заявлений 25-тысячников, однако постоянных работников по связи с ними не было, и переписка велась не систематически [1, с. 465]⁵.

Одной из важных задач 25-тысячников являлось разоблачение так называемых извращений политики партии. Центральные и краевые партийные органы высоко оценивали их работу по борьбе с «правым оппортунизмом» и «левыми извращениями» линии партии. Многие из рабочих сигнализировали о вскрываемых на местах недостатках, которые считали оппортунистическими, сообщали о деятельности «классовых врагов»⁶.

Рабочие нередко входили в положение крестьян, пытались сигнализировать о том, что «округ накануне восстания», «деревня стонет» от проводимой округом политики, деревню «совсем ободрали», крестьяне «сидят голодом». В ряде районов 25-тысячники выступали против явно завышенных планов сева, скотозаготовок и т. п.⁷ Подобные настроения могли восприниматься в крае и в качестве сигнала к проверке работы местных руководящих органов, и как свидетельство непонимания рабочими политики партии. В результате 25-тысячники сами нередко попадали под обвинения в оппортунизме. Так, рабочему Денисову в конце 1930 г. был приписан «правый уклон». Произошло это вследствие того, что он высказал несогласие с десятикратным увеличением районного хлебозаготовительного плана. Рабочую с «Красного Треугольника» Н. Фомину, считавшую, что крестьян Бердского района «дают» и «обдирают», а план хлебозаготовок для них непосилен, райком исключил из кандидатов в ВКП(б) за «проведение правого уклона на практике, спасование перед трудностями и дискредитацию партийной организации». Крайком ВКП(б) отменил это решение, ограничившись выговором 25-тысячнице и последующим увольнением. Ленинградец Федоров (Коченевский район) был обвинен в «левом уклоне» за то, что добивался снятия середняка с поста председателя сельскохозяйственного товарищества⁸.

Случалось, что 25-тысячники проявляли такое «усердие» в «раскулачивании» и коллективизации, что обвинения их в «перегибах» выглядят совершенно естественными. Так, в Чумышском районе председатель коммуны «Красный шквал» Богданов (ленинградский рабочий, член ВКП(б)) организовал группу из пяти коммунаров и предпринял экспедицию по району. Членам группы он говорил, что их задача – «идти

⁵ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 120.

⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4215. Л. 3–16; Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1095.

⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 38. Л. 56–57; Д. 419. Л. 224.

⁸ Там же. Д. 38. Л. 56; Д. 418. Л. 741; Сов. Сибирь. 1930. 15 июня.

в тайгу и искать у кулаков мясо, сено и вообще все, что найдется», не называя, кого они представляют. Для своей группы Богданов сумел добыть оружие. 18 марта 1930 г. этот отряд явился на пасеку к «кулаку» Ивашину, «терроризировал» его, произвел обыск и отобрал обнаруженный горох и хлеб. Ивашин принял коммунаров за бандитов, и по району стали распространяться слухи о появлении банды⁹.

Несмотря на то, что в документах краевого комитета ВКП(б) не раз говорилось об успехе работы 25-тысячников «под руководством сибирских партийно-общественных организаций», отношения рабочих с местными партийно-государственными органами зачастую складывались сложно. Это было обусловлено уже самой целью кампании – обеспечить надежную опору партии на местном уровне за счет представителей пролетариата. Тем самым мобилизация «двадцати пяти тысяч» демонстрировала партийным и руководящим работникам на селе потенциальное недоверие к ним со стороны центрального руководства.

Среди 130 проанализированных нами писем и заявлений¹⁰ 25-тысячников в краевые и центральные руководящие органы (1930–1933 гг.) примерно треть содержит жалобы на создавшиеся в районе плохие условия работы. Причем в половине из этих обращений рабочие выражают недовольство не только и не столько плохим снабжением и материально-бытовыми условиями, сколько противоречиями и конфликтами с местными органами власти. В «преступно бюрократическом отношении к нуждам 25-тысячников со стороны районных организаций» крайком видел одну из основных причин возвращения значительного числа рабочих на производство¹¹.

Осенью 1930 г. в западносибирских райкомах партии по заданию крайкома ВКП(б) был проведен учет 25-тысячников для отбора на дальнейшую работу в сельском хозяйстве. В районах были составлены списки рабочих-25-тысячников¹² (далее «Списки»). На их основе нами создана электронная база данных. В Списках содержатся характеристики деятельности рабочих. Для их анализа мы ввели коэффициенты качества работы (-2; -1; 0; 1; 2). Коэффициент 2 присваивался характеристикам, которые могут быть оценены как очень хорошие, 1 – хорошие, 0 – нейтральные, -1 – отрицательные, -2 – резко отрицательные, т. е. показывающие, что их обладатели совершенно не справились с работой в деревне. Сложность оценки заключается в том, что многие характеристики, данные 25-тысячникам, весьма противоречивы. Если в характеристике невозможно было выделить преобладание положительных или отрицательных моментов, ей присваивался коэффициент 0.

Выявлено, что положительную оценку со стороны районных парторганизаций получили около 60 %

рабочих. Причем 16 % мы условно присвоили коэффициент +2. Рассмотрим в качестве примера положительную характеристику, которая дана Н.Ф. Яшину, сверловщику с ленинградской 3-й пробочной фабрики: «С работой справляется. Хозяйственно-организационными способностями обладает. Идеологически выдержан. Политически развит. Авторитетом среди колхозников и единоличников пользуется»¹³. Из подобных формулировок видно, какие качества ценились в 25-тысячниках районными партийными органами. 45 % характеристик мы присвоили коэффициент 1. Так, 39-летнему столяру А.В. Викторову, работавшему секретарем ячейки ВКП(б) в коммуне «Новый шаг» Покровского района, райком дал следующую оценку: «В окружающем ориентируется правильно. Недостаточно инициативен, но с помощью ячейки с работой справляется»¹⁴.

Если судить по характеристикам, данным райкомами, к осени 1930 г. 10 % 25-тысячников, работавших в Западной Сибири, абсолютно не справились с возложенными на них задачами (коэффициент -2; здесь не учтены те рабочие, которые выбыли задолго до составления Списков и не упоминаются в них). Помимо того, около 13 % заслужили отрицательную оценку работы (коэффициент -1).

Основной причиной недостатков в работе, как правило, являлось незнание сельского хозяйства или отсутствие опыта организаторской работы. Некоторые 25-тысячники страдали также из-за своей малограмотности. Так, 41-летний кочегар Федор Тимофеевич Дивеев с фабрики «Работница», будучи секретарем ячейки ВКП(б) в коммуне «Новый рассвет» Яминского района, получил от райкома такую характеристику: «Политически и технически неграмотный, в условиях деревенской работы ориентируется плохо. В силу политической отсталости в практической работе извращает директивы партии. Целесообразно использовать на работе в производстве, где он может принести больше пользы, чем в деревне. Как руководящий партийный работник слаб. Надо учиться» (характеристике присвоен коэффициент -2). Как уже было отмечено, некоторые 25-тысячники не только не выполняли функции проведения политики партии на селе, но и, по мнению районных парторганизаций, эту политику извращали. Так, П. Юрьев не справился с работой директора Лебяжинского МКС, после чего был послан секретарем партячейки в с. Сrostы. Но и с этой работой он «справился слабо» вследствие недостаточного опыта организационной работы и «сложности работы в данный период». Юрьев был назначен «культурником» в коммуну «Сибирский пахарь», однако и здесь Рубцовский райком ВКП(б) счел его использование нецелесообразным и предложил крайкому перевести его в другой район. В результате краевой комитет, в свою очередь, не посчитал возможным использовать столь слабо проявившего себя работника в колхозной

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 50. Л. 88.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304; Оп. 4. Д. 416, 418–420.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 1099.

¹² Там же. Оп. 3–4.

¹³ Там же. Л. 159.

¹⁴ Там же. Л. 149.

системе и предложил откомандировать его на производство (при анализе характеристике Юрьева присвоен коэффициент –1)¹⁵.

Были и 25-тысячники, которые не справлялись со своими должностными обязанностями в связи с нежеланием работать в сельском хозяйстве. Надо отметить случаи, когда ленинградцы даже не пытались справиться с работой. Так, в Белоярском районе из 9 чел. трое уже в марте 1930 г. вернулись в Ленинград, не договорившись с партийными и колхозными организациями¹⁶. Некоторые 25-тысячники пытались добиться откомандирования вызывающим поведением: халатным отношением к работе, пьянством и т. п.

Еще одной причиной того, что некоторые 25-тысячники заслуживали отрицательной оценки своей работы, являлось разочарование, неверие в саму возможность успеха коллективизации. В Списке Павловского района о 26-летнем ленинградце Арнольде Булине, председателе артели «Беднота, вперед!», сказано: «Потерял всякие надежды в колхозном строительстве (не верит в строительство социализма). Грубый. Не имеет надлежащего подхода к колхозникам, да и не старался подходить. За период работы неоднократно был замечен в пьянке и дебоше. Женился на дочери псаломщика и подпал под ее влияние. Своим поведением, грубостью и неверием в строительство довел колхоз до состояния развала»¹⁷.

Значительная часть 25-тысячников, получивших отрицательную оценку, обвинялась райкомами в пьянстве, которое в той или иной мере отмечено районными органами почти у 20 % рабочих. Распространение этого порока вызывало у руководства районов серьезное беспокойство. В случае, когда пьянство не принимало особо злостные формы, райкомы и крайком ВКП(б) считали возможным оставить 25-тысячника на колхозной работе. Однако если при этом его авторитет был окончательно подорван в глазах колхозников («занимается выпивкой, в связи с чем потерял авторитет, ослабляется колхоз»), могла применяться переброска в другой колхоз или район, в отдельных случаях – откомандирование на производство¹⁸.

Около 17 % 25-тысячников получили от районных комитетов ВКП(б) характеристики, которые трудно отнести к отрицательным или положительным. Это нейтральные характеристики, а также такие, где недостатки компенсированы положительными моментами. Среди характеристик с нейтральной оценкой немало таких, в которых главным препятствием для работы в деревне названо слабое здоровье 25-тысячника.

Значительная роль 25-тысячников в коренном переустройстве сельского хозяйства (о которой так много говорилось в историографии) была обеспечена за

счет того, что в первый год форсированного наступления на деревню основная их часть находилась на ответственных должностях в селе. И более половины из них, как показано выше, справлялись с поставленными партией задачами. Выгодным отличием 25-тысячников от местных сельских работников зачастую было применение методов убеждения, демонстрация хорошей работы, умелая организация. Благодаря этому они добивались повышения производительности труда, завоевывали авторитет среди крестьян и в результате привлекали в колхозы новых членов. В строительстве, организации и работе первых МТС Сибири участие 25-тысячников (хотя и небольшой их группы) имело принципиальное значение в связи с использованием их технических знаний при отсутствии соответствующих кадров среди местного населения.

Вместе с тем 23 % 25-тысячников (от оставшихся осенью 1930 г.) не справились со своими задачами в деревне. Причинами этого послужили незнание сельского хозяйства, неготовность к организаторской работе, отсутствие помощи, тяжелые материально-бытовые и климатические условия и т. п. Часть рабочих была откомандирована крайкомом ВКП(б) обратно на производство уже зимой 1930/31 г. К весне 1931 г. в западносибирской деревне осталось не более 61,5 % от изначального состава 25-тысячников. При досрочном возвращении на предприятие, особенно с отрицательной характеристикой от сельских районов, рабочих ожидали разбирательства, выговоры, а порой публичное презрение и окончательное крушение карьеры.

Таким образом, исследуемая нами кампания демонстрирует, как государство использовало мобилизационные методы для переброски кадровых ресурсов на проблемные участки своей системы. Эти методы способствовали решению определенных хозяйственно-политических задач, хотя и не повсеместно. В то же время мы видим, какова была цена кампании, организаторы которой не придавали значения тяготам, уготованным ее непосредственным участникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 1.
2. Зомбе Е.Б. Двадцатипятидесятники // *Вопр. истории*. 1947. № 5.
3. Гуцин Н.Я. Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя. Новосибирск, 1965.
4. Viola Lynne. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. Toronto, 1987.
5. Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала «большого террора» // *Вопр. истории*. М., 2008. № 9.
6. Левакин А.С. Рабочие-двадцатипятидесятники в составе колхозной администрации на юге России: бытовые и профессиональные аспекты // *Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена*. 2008. № 33 (73).
7. Носач В.И., Зверева Н.Д. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. СПб., 2007.
8. Белбей Р. За или против. М., 1930.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 693.

¹⁶ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 14.

¹⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 416. Л. 320–321; Д. 420. Л. 62.

УДК 347.9(571.1)

В.И. ИСАЕВ, Д.Ю. МИХЕЕВ

**ЗАКОННОСТЬ ПО-СТАЛИНСКИ:
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦИК И СНК СССР ОТ 7 АВГУСТА 1932 г.
И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Институт истории СО РАН
e-mail: history49@mail.ru;
Новосибирский военный институт ВВ МВД РФ
e-mail: dimamix@list.ru

В статье рассмотрены правовые коллизии, связанные с принятием в 1932 г. печально знаменитого «закона о колосках». Показаны масштабы репрессий по этому закону в Западной Сибири, названы причины его постепенного вытеснения из судебной практики.

Ключевые слова: социалистическая собственность, право, репрессии, судебные органы, Западная Сибирь.

В истории создания в нашей стране в 1930-х гг. тоталитарного государства и административно-командной системы управления экономикой рубежным и символическим законодательным актом можно назвать постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹. В нем говорилось, что граждане, хотя бы в малой степени посягнувшие на общественную социалистическую собственность, объявляются врагами народа. Главной мерой наказания за такие преступления будет расстрел, и только при наличии смягчающих обстоятельств высшая мера может быть заменена лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества.

Разумеется, преступления, названные в постановлении, рассматривались как уголовно наказуемые деяния и до его издания, но теперь степень их общественной опасности стала оцениваться в качественно ином диапазоне. Государство признавало их тягчайшими преступлениями, направленными против основ советского строя. Таким образом, постановление резко повышало моральную и уголовную ответственность за имущественные преступления, доводя ее до высшей меры наказания.

Важно подчеркнуть, что с правовой точки зрения постановление выглядело абсурдным, потому что не соизмеряло степень тяжести преступления и наказания. За все мелкие или крупные хищения предусматривалось по существу только две меры – расстрел или 10 лет лишения свободы. Еще одним противоправным моментом было нарушение принципа: закон обратной силы не имеет. В секретной инструкции Верховного суда, разосланной на места в связи с кампанией во-

круг нового закона, предписывалось применять постановление к преступлениям, совершенным до его принятия, «в случае, когда преступления имеют общественно-политическое значение» [1, с. 103.]

В народной памяти постановление получило свое название и осталось печально известным как «закон о пяти колосках». Удивительно, как метко запечатлел несоответствие преступления и наказания народный юмор! Действительно, за сорванные с колхозного поля пять колосков человек мог получить расстрел или 10 лет лагерей – по два года за каждый колосок.

Для понимания причин принятия такого драконовского закона необходимо вспомнить и представить тот общественно-политический контекст, в котором стал возможным этот «беспредел». Следует отметить, что с переходом к форсированному строительству социализма изменение существовавшего законодательства в сторону ужесточения наказаний довольно широко практиковалось сталинским руководством. Суровая, а по существу карательная политика советского государства стала одним из основных рычагов, призванных заставить население подчиниться принятому большевистской партией курсу развития страны.

Появление чрезвычайных репрессивных мер в советском законодательстве было тесно связано с развертыванием масштабных мероприятий по индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. В ходе их осуществления основной удар наносился по крестьянству: многомиллионные массы народа были сорваны со своих привычных мест обитания, лишались собственных источников существования. В городах не хватало продуктов питания и других товаров народного потребления, была введена карточная система их распределения. В такой тяжелой ситуации мелкие хищения колхозного или государственного

¹ Известия. 1932. 8 авг.

имущества стали для многих людей одним из вынужденных способов выживания.

Инициатором введения высшей меры наказания за хищения колхозного или государственного имущества выступил сам И.В. Сталин, предложивший в июле 1932 г. членам Политбюро ЦК ВКП(б) в срочном порядке принять составленный им проект постановления. При этом Сталин, конечно, осознавал, что предлагаемые решения являются неоправданно жестокими и могут вызвать недоумение и критику. В письме В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу, написанном не позднее 24 июля 1932 г., он излагает свои аргументы против возможных противников введения смертной казни за хищения общественного имущества: если частная собственность при капитализме считается священной и неприкосновенной, то и общественная собственность в условиях социализма должна рассматриваться подобным же образом. «Социализм не сможет добить и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной», – писал Сталин [2, с. 240–241].

Однако схоластически подводя теоретическую базу под введение смертной казни за хищения «священной» общественной собственности, Сталин не желает замечать, что таким образом отбрасывается современный принцип соразмерности наказания тяжести преступления и по существу восстанавливается средневековая практика, когда для правящего класса целью наказания было прежде всего устрашение и подчинение зависимого населения.

Авторитет вождя к тому времени был уже непрекращаем, постановление было принято в сталинской редакции. Вокруг нового закона сразу же была организована шумная пропагандистская кампания, на его выполнение брошены все силы правоохранительных органов СССР. Отчетность по реализации постановления заняла видное место в материалах партийных и государственных органов. Только с 7 августа 1932 г. по 1 января 1933 г. в РСФСР по новому закону осудили 76 961 чел., из них к высшей мере приговорено 2 588, к 10-летнему заключению – 49 360 чел. (остальные были осуждены по ч. 3 постановления, включавшей иные преступления, кроме хищений собственности, и предусматривавшей другие меры наказания). В период с 1 января 1933 г. по 1 мая 1933 г. было осуждено 81 253 чел., из них к высшей мере приговорено 4 183, к 10-летнему сроку – 68 329 чел.; с 1 мая по 1 июля 1933 г. соответственно 49 689, 1392 и 41 219 чел. [3, с. 300–301]. Отметим, что данная статистика учитывает только вступившие в законную силу судебные приговоры; часть репрессированных проходила через органы ОГПУ.

Приведенные цифры показывают довольно широкие масштабы репрессий, развернувшихся в ходе реализации нового закона. Кроме того, они опровер-

гают утверждения некоторых современных авторов, что применение высшей меры по данному закону было крайне редким, поскольку судьи старались смягчить приговоры, исходя из ранее существовавшей практики относительно мягких наказаний по имущественным преступлениям. Вместе с тем появлявшиеся в период «перестройки» утверждения о миллионах крестьян, ставших жертвами данного закона, тоже представляются преувеличенными².

В Западно-Сибирском крае менее чем за месяц после принятия нового закона (по состоянию на 1 сентября 1932 г.) было осуждено 245 чел.; из них к расстрелу приговорено 14 чел. На 1 октября 1932 г. насчитывалось уже 2 895 осужденных, к расстрелу приговорено 101 чел. (3,5 %), а к лишению свободы на срок свыше 10 лет – 1 891 (65,1 %)³. При этом большинство осужденных поплатилось жизнью или свободой за мелкие хищения. Например, в Тальменском районе в 1933 г. были осуждены на 10 лет лишения свободы колхозники Демьяненко и Журавлев, первый – за то, что набрал в карманы зерна с колхозного тока, а второй – за то, что видел и не донес⁴.

Партийные органы Западной Сибири строго контролировали внедрение закона от 7 августа 1932 г. в судебную практику. Краевой суд получил предписание ежемесячно представлять сведения об осужденных по данному закону в крайком ВКП(б). Руководство Западно-Сибирского края рапортовало в Москву, что только за первые четыре месяца применения нового закона было осуждено 13 237 чел., при этом 85 % осужденных составили крестьяне [4, с. 61; 1, с. 103].

Приговоры к высшей мере наказания по данному закону в Западной Сибири, как и в других регионах, были далеко не редкостью. Так, только за июль – сентябрь 1933 г. из 481 дела по закону от 7 августа, содержащего приговоры к высшей мере наказания и поступившего на кассационное рассмотрение в Верховный суд СССР, 61 дело (12,7 %) было из Западно-Сибирского краевого суда. Больше число смертных приговоров отмечено только в Северо-Кавказском (26,7 %), Восточно-Сибирском (15,6 %) и Средне-Волжском (14,3 %) краях⁵. В целом на Западную и Восточную Сибирь пришлось 28,3 % кассационных рассмотрений по данным видам приговоров.

Вопреки пропагандистским заявлениям органов печати и партийных агитаторов о том, что закон направлен против так называемых врагов народа, под которыми понимались представители «социально чуждых» слоев населения, на самом деле перед судом представляли в основном простые люди, как правило, не являвшиеся противниками существовавшей власти. Так, в 1933 г. в Западно-Сибирском крае за преступления, подпадающие под данный закон, по данным на 1 августа было осуждено 6 117 чел., из них

² См., напр.: Аргументы и факты. 1989. № 5. С. 6.

³ ГАНО. Ф. П-32. Оп. 2. Д. 376. Л. 54.

⁴ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 23. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 37–38.

колхозники составили 74,9 % (4 580 чел.), работники совхозов – 9,9, промышленности – 4,3, торговли – 2,2, работники других учреждений и предприятий – 0,5–1,7 %⁶.

Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. на 10 лет лишения свободы было осуждено 78,9 %. По социальному составу среди таких осужденных единоличники-кулаки составили 8,8 %, середняки – 17, бедняки – 14,4, колхозники – 32, служащие – 1 %⁷. Таким образом, все социальные группы населения оказывались представленными в делах о подобных преступлениях, что, скорее всего, свидетельствует только о том, что тяжело жилось всем. Но партийно-советский аппарат по сложившейся уже привычке пытался доказать наличие злого умысла, прежде всего у представителей «социально чуждых» групп.

А если уж в хищениях социалистической собственности оказывались замешаны бывшие кулаки, то пощады им не было. Заместитель председателя Западно-Сибирского краевого суда Вежан в марте 1934 г. направил в Славгородский народный суд следующую телеграмму: «Посылаем вам дело Деревянных и др. в числе 20 человек по Закону от 7 августа 1932 г. для рассмотрения от имени Краевого Суда. Учитывая социальное положение подсудимых, судимость их в прошлом... считаем возможным... подвергнуть расстрелу». Вскоре Славгородский нарсуд послушно вынес трем из подсудимых смертный приговор, остальные получили различные сроки лишения свободы⁸.

В составе рассмотренных судами дел преступления, связанные с хищениями социалистической собственности, резко выросли и заняли одно из первых мест. Например, в Новосибирске в 1933 г. количество таких преступлений по сравнению с 1932 г. выросло более чем в 5,2 раза⁹. В целом в Западно-Сибирском крае по данному закону, начиная с момента его принятия и до начала 1937 г., было осуждено 23 630 чел., или 37,7 % от всех осужденных¹⁰.

Под каток репрессий попадали не только несознательные трудящиеся, но иногда даже и рядовые члены правившей партии. Однако к ним отношение было несколько иное, чем к другим гражданам. Всем судебным и правоохранительным органам Сибири был разослан секретный циркуляр из Москвы, в котором говорилось следующее: «ЦКК ВКП(б) обращает особое внимание на формальный подход к возбуждению дел против членов ВКП(б), исключению из партии и т. п. Поэтому в соответствии с решениями ЦКК от 8.09.1931 и 4.01.1922, 14.11.1927 руководствоваться следующим: 1. Участковые прокуроры и народные суды, прежде чем возбудить уголовное дело против

членов ВКП(б), обязаны провести предварительную проверку, возбуждать только в тех случаях, когда это обосновано. 2. Народным судьям при рассмотрении дел учитывать личность обвиняемого, личные заслуги и т. п. 3. Участковым прокурорам в течение 24 часов сообщать в крайком партии о делах, возбужденных против коммунистов»¹¹.

Такого рода указания наглядно показывали особый правовой статус коммунистов в сложившемся государственно-политическом механизме. Правда, к тому времени для большинства советских людей уже не являлось секретом, что партия большевиков изначально считала себя стоящей над законом. Тем не менее, партия не забывала напоминать об этом работникам судов и других правоохранительных органов на случай, если кто-либо попытается бы исходить из принципа равенства всех граждан перед законом.

Жертвами уголовного преследования в борьбе за сохранность социалистической собственности часто становились даже дети и незрелая молодежь. Так, молодой крестьянин Шпицын из Тальменского района, которому едва исполнилось 18 лет, в 1934 г. получил 10 лет за кражу с маслозавода 1,5 кг масла¹².

В материалах судебных процессов отмечалось, что колхозники и единоличники, чтобы избежать наказания, часто не идут сами на преступление, а посылают детей собирать колоски на колхозных полях¹³. Как правило, 10-летний срок все же получали родители, а детей передавали в детские учреждения. Так, в колхозе «Знамя Труда» Уч-Пристанского района 13 августа 1934 г. были задержаны дети бывшего кулака Мордвинова, у которых изъяли полмешка колосьев и картофеля с колхозного поля. Был организован показательный процесс, освещавшийся в газетах, в результате глава семейства получил 10 лет лишения свободы¹⁴.

Следует отметить, что чрезмерная суровость закона от 7 августа 1932 г., его явное несоответствие тяжести совершавшихся преступлений понимались большинством судей. Это подтверждается и данными судебной статистики: если в первые годы после принятия нового законодательства количество привлеченных к уголовной ответственности по данному закону было высоким и наказания являлись очень суровыми, то в последующие годы число привлеченных и суровость наказания последовательно снижались.

Абсурдность применения смертной казни или 10-летнего лишения свободы за любые хищения социалистической собственности вынуждены были признать и высшие органы власти. В частности, 27 марта 1933 г. Президиум ЦИК СССР издал постановление, в котором запрещалось применять закон от 7 августа 1932 г. к рабочим и крестьянам, в первый раз совершившим мелкую кражу общественной собственности и пошед-

⁶ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175. Л. 99.

⁷ Там же. Л. 124.

⁸ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 22. Л. 32–34.

⁹ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175. Л. 2.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 116.

¹¹ Там же. Д. 16. Л. 16.

¹² Там же. Д. 23. Л. 3.

¹³ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175. Л. 101.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 23. Л. 96 об.

шим на это в состоянии крайней нужды. Используя директивные указания центральных партийных органов, в частности, известное постановление ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г., направленное на смягчение карательной политики, суды постепенно меняли практику привлечения к уголовной ответственности за хищение общественной и государственной собственности, по возможности смягчая ее.

По мере спада пропагандистской кампании, связанной с борьбой за сохранность социалистической собственности, происходило сокращение доли и численности осужденных по закону от 7 августа 1932 г. Это подтверждают сводные данные по Западной Сибири, обобщенные отделом судебной статистики краевого суда. Всего судами края в 1933 г. было осуждено 15 960 чел., из них по закону от 7 августа 1932 г. – 8 238 чел., что составило 51,6 % от всех осужденных; в 1934 г. соответственно 11 972 и 3 281 чел. (27,4 %); в 1935 г. – 7 972 и 601 чел. (7,5 %); в 1936 г. – 6 337 и 224 чел. (3,5 %) ¹⁵. Налицо убывающая динамика применения «закона о колосках», а это говорит о том, что судьи старались без нужды не прибегать к его использованию, применяя при рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности имевшиеся в УК РСФСР другие соответствующие статьи.

Как свидетельствует судебная практика, в отчетах Западно-Сибирского краевого суда, например за 1935 г., по преступности данного вида учитывались преступления, предусмотренные пунктами «г» и «д» ст. 162 УК РСФСР (кража из государственных хранилищ). В 1935 г. по этим пунктам ст. 162 было осуждено 5367 чел., в 1936 г. – 4897 чел., что составляло 14,3 % от общего числа осужденных ¹⁶.

В 1936 г. государство предприняло запоздалую попытку восстановления справедливости по отношению к людям, неправомерно осужденным по закону от 7 августа 1932 г. В январе 1936 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление, в котором ставилась задача проверить все вынесенные за предыдущие годы приговоры по данному закону в плане их соответствия постановлению Президиума ЦИК СССР от 27 марта 1933 г.

Суды на местах получили указание Верховного суда СССР о пересмотре уголовных дел, возбужденных по закону от 7 августа 1932 г. Около 80 % всех принятых приговоров было изменено и только 20 % оставлено в силе. В июле 1936 г. пересмотр дел был завершен. В результате более 91 тыс. приговоров из 115 тыс. проверенных дел признано неправомерными. В связи с пересмотром приговоров было освобождено 37 425 заключенных, что составляло около 32 % всех осужденных, попавших под проверку [5, с. 243].

Во второй половине 1930-х гг. применение закона от 7 августа 1932 г. носило уже ограниченный характер: он применялся в основном в случаях крупных хищений, реже выносилась высшая мера. Так, за хи-

щения социалистической собственности в первой половине 1936 г. народные суды г. Новосибирска осудили 129 чел. (45,1 % от общего количества приговоренных к лишению свободы), из них только 16 чел. были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. Все они получили по 10 лет лишения свободы ¹⁷.

Итак, приведенные материалы показывают, что постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. являлось одним из наиболее мрачных образцов большевистского террора и насилия по отношению к собственному народу, примером неправовых действий партийных и государственных органов под формальным прикрытием закона. Суды в Западной Сибири, как и в целом по стране, в данной ситуации вынуждены были следовать в русле партийно-государственной политики, несмотря на явную абсурдность принятого закона с правовой точки зрения.

Вместе с тем в карательно-судебной политике советского государства, связанной с борьбой против хищений социалистической собственности, наблюдались разнонаправленные тенденции. С одной стороны, большевистское руководство пыталось жестокими карательными мерами запугать население, заставить его накрепко усвоить сталинский тезис о священности и неприкосновенности социалистической собственности. В этом плане постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., по замыслу Сталина, должно было оказывать в большей степени пропагандистское и воспитательное влияние. Но это вовсе не отменяло развертывания широких репрессий, которые тоже должны были дать пропагандистский и воспитательный эффект.

Таким образом, вырабатывался типично сталинский стиль управления: массовые незаконные репрессии прикрывались флером законности. Весьма красноречиво в этом плане письмо Сталина Кагановичу от 26 июля 1932 г., в котором он пишет: «Я думаю, что по всем этим трем пунктам (проекта постановления от 7 августа 1932 г. – *В. И., Д. М.*) нужно действовать на основании закона (“мужик любит законность”), а не на базе лишь практики ОГПУ, при этом, понятно, что роль ОГПУ здесь не только не будет умалена, а – наоборот – будет усилена и “облагорожена” (“на законном основании”, а не “по произволу” будут орудовать органы ОГПУ)» [2, с. 245–246]. Циничное пренебрежение Сталина к мужику и готовность под прикрытием мнимой законности еще шире использовать репрессивный аппарат ОГПУ для подавления недовольства народа выражены здесь вполне отчетливо.

Но, с другой стороны, нельзя не видеть, что государство в это время действительно столкнулось с проблемой защиты общественной собственности от хищений. Реальные обстоятельства, прежде всего бедственное положение населения, вынуждали людей в массовом порядке совершать подобные преступления в целях элементарного выживания. Признавая и понимая это, значительная часть работников судебных и

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 116. Расчеты авторов.

¹⁶ Там же. Оп. 7. Д. 83. Л. 39.

¹⁷ Там же. Л. 40.

других государственных органов старалась все же смягчать наказания, прибегая к переквалификации обвинения или вынесению приговоров, не предусматривавших смертную казнь. В конце концов, абсурдность закона «о пяти колосках» была признана и верхними эшелонами власти, о чем, собственно, и свидетельствуют последовательное сокращение к 1937 г. количества дел и практика пересмотра приговоров осужденных по данному закону.

Тем не менее, закону «о пяти колосках» суждено было еще на протяжении многих лет играть роль оградного сторожа, который, хотя и дремлет на окраине колхозного поля, но может по собственной прихоти или по приказу председателя вдруг проснуться и выстрелить. Фактически окончательная отмена данного законодательного акта произошла только в результате принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имуще-

ства». Правда, в нем были названы тоже достаточно суровые (до 20–25 лет лишения свободы), но все же более дифференцированные и соразмерные меры наказания, а расстрел как высшая мера за такие преступления уже не предусматривался. Однако память о законе «о пяти колосках» еще долго жила в народном сознании; пожалуй, она до сих пор сохраняется как нерукотворный «памятник» сталинскому произволу и государственному террору в 1930-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись Новосибирского областного суда (1923–2003). Новосибирск, 2003.
2. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001.
3. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2.
4. Панков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997.
5. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

УДК 93 (470.4) 297

Н.Н. АБЛАЖЕЙ

ДЕПОРТАЦИЯ АРМЯН В АЛТАЙСКИЙ КРАЙ В 1949 г.

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
Новосибирский государственный университет
e-mail: ablazhey@academ.org

Статья посвящена депортации армянского населения из южных регионов СССР в Алтайский край в 1949 г. На материалах архива Главного управления внутренних дел по Алтайскому краю и рассекреченных документов из Государственно архива Алтайского края впервые уточняется численность данной категории спецпереселенцев, анализируется структура их расселения, деятельность краевых властей по приему и распределению.

Ключевые слова: армяне, репатриация, депортация, «дашнаки», спецпереселенцы.

В конце 1940-х гг. в СССР прокатилась новая волна этнических депортаций по типу тех, что были осуществлены в годы войны в отношении так называемых наказанных народов. Однако послевоенные этнические депортации уже не имели всеобъемлющего характера. В середине июня 1949 г. локальное принудительное переселение коснулось и армян, частичные депортации которых в СССР проводились в июле 1937 г. из приграничных районов Армении и Азербайджана и в июне 1944 г. из Крыма. К марту 1949 г. на спецпоселении находилось 3 678 армян из числа «влазовцев», что составляло 3 % от общей численности этой категории спецконтингента [1, с. 134]. Незначительные армянские группы имелись в составе и других спецконтингентов.

В середине 1949 г. ряды армян-спецпереселенцев вновь пополнились. Постановление Совета министров СССР № 2214-356 сс от 29 мая 1949 г. «Об обеспече-

нии перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря» специально оговаривало существование особой категории «дашнаков», к которым были причислены все лица армянской национальности. Депортированные относились к категории выселенных навечно и квалифицировались как «выселенцы». Днем ранее датирован приказ МГБ СССР № 00183. 2 июня 1949 г. был издан приказ МВД СССР № 00525 «О порядке направления на спецпоселение выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря», на основании которого и осуществлялась сама депортация. Из общего числа выселенных по данному постановлению (57,7 тыс. чел.) армяне составили чуть больше четверти [1, с. 167; 2, с. 241]. В дополнение к вышеперечисленным решениям 5 июня 1949 г. принимается осо-

бое решение о депортации армян, имевших турецкое, греческое и советское гражданство или без гражданства.

Депортация армян осуществлялась на основании приказа МВД СССР № 00525 и внутренней инструкции от того же числа, адресованной конвойным войскам и Отделу спецпоселений МВД СССР. Главными управлениями МВД и МГБ СССР были приняты меры к усилению охраны государственной границы в районах выселения. Основные мероприятия по выселению осуществлялись в ночь на 14 июня 1949 г. Распоряжением Совета министров СССР № 11897 рс от 30 июня 1949 г. спустился план размещения и устройства данной категории спецпереселенцев в районах вселения. Еще одно специальное решение по дополнительной высылке армян было принято МВД СССР 21 сентября 1949 г.¹

Эшелоны с разными национальными контингентами в соответствии с постановлением Совета министров СССР № 2214-356 сс направлялись: с выселенцами-«дашнаками» – в Алтайский край, греками – в Джамбульскую и Южно-Казахстанскую области Казахской ССР, турками – в Томскую область. Приказ МВД СССР № 00525 об обеспечении перевозок выселенцев регламентировал посадку выселенцев в вагоны строго по национальным контингентам.

На территории Алтайского края, куда летом 1949 г. направлялись одновременно два национальных спецконтингента – из Молдавии и Армении, в это время в 69 районах размещалось 162 спецкомендатуры для обеспечения учета, режима и надзора за спецпоселенцами, численность которых превышала 100 тыс. чел.²

Для размещения прибывающего в Алтайский край армянского спецконтингента распоряжением Алтайского крайисполкома № 501 сс от 21 июня создавалась краевая комиссия под руководством начальника УМВД Д. Федорова³. Непосредственно вопросами размещения занимался аппарат отдела спецпоселений УМВД края. Работа проводилась совместно с окружным управлением военного снабжения и переселенческим отделом крайисполкома при участии отдела сельхозуправления, здравотдела, крайпотребсоюза. Алтайский крайисполком своим распоряжением № 512 сс от 23 июня 1949 г. утвердил предоставленный УМВД список населенных пунктов для размещения «выселенцев»⁴. Однако окончательный план размещения и устройства спецпереселенцев был утвержден распоряжением крайисполкома № 713 с только 25 августа 1949 г.

14 июня 1949 г. 13 эшелонов с армянским спецконтингентом были одновременно отправлены с нескольких узловых станций Закавказской железной дороги. «Загрузкой» контингента занимались представи-

тели МВД и МГБ той республики, откуда осуществлялась высылка. Стандартным эшелонам образца 1949 г., в среднем перевозившим 1 330 чел., присваивался пятизначный номер, который сохранялся на все время пути. Первые две цифры были одинаковыми – 97. Эшелон формировался в основном из 60 вагонов, примерно треть из них составляли «хозяйственные» вагоны, предназначенные для перевозки имущества выселенцев, и вагоны, относившиеся к «охранной» инфраструктуре. Лишь восемь эшелонов, прибывших на Алтай с контингентом группы «Д», были укомплектованы с учетом максимальной загрузки. Приказ МВД СССР предусматривал расчеты за перевозку выселяемых производить по тарифу, установленному для перевозки заключенных. Выселенцев этапировали в двух- и четырехосных вагонах; в первых нередко ехало более 20 чел., во вторых – 44–48 чел. Эшелон охранялся солдатами конвойного полка, из расчета один охранник на два вагона. Спецэшелон возглавлял начальник, у которого было два заместителя – по оперативной работе и по снабжению.

Всего в Алтайский край прибыло 13 основных и три дополнительных эшелона с выселенцами-армянами: эшелоны № 97109–97113 – в период с 28 июня по 2 июля 1949 г., № 97248–97250 – 7 октября⁵. Согласно эшелонным спискам и актам сдачи-приема спецконтингента на территорию края было перемещено 15 103 чел. (табл. 1).

Выгрузка спецэшелонов проводилась либо на сортировочных станциях, обозначенных для приема, либо на близлежащих к ним. Так, эшелоны, прибывшие на ст. Алтайская Томской ж. д., частично разгрузили в 70 км от нее – на ст. Зоринская. Обычно эшелоны прибывали поздно вечером, и разгрузка производилась в темное время суток. Прием спецконтингента осуществлялся уполномоченным УМВД и начальниками районных отделов МВД, куда распределялись депортируемые. Вагоны с прибывшими на воссоединение с родственниками сопровождали уже сотрудники УМВД по Алтайскому краю. «Переброска» к местам вселения осуществлялась сотрудниками районных отделов МВД и советско-партийным активом. В отличие от этапов 1930-х гг., практически отсутствовали пешие переходы. Автомобильным и гужевым транспортом выселенцев транспортировали к местам назначения – спецпоселкам.

Документация по отделам спецпоселений, отложившаяся в государственных и региональных архивах МВД, лишь фрагментарно позволяет восстановить историю спецпоселений и спецкомендатур, режим пребывания, учет и оперативное обслуживание спецконтингента. Массив текущей делопроизводственной документации поселковых и районных спецкомендатур уничтожался во время ликвидации системы спецпоселений. Отчетная документация более высокого иерархического уровня – отчеты отдела спецпоселений МВД Алтайского края – отложились в материалах об-

¹ Архив ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Д. 4 (позшелонные списки). Л. 2.

² ГА РФ. Ф. 9479 сч. Оп. 1. Д. 488. Л. 134.

³ ГААК. Ф. Р-1 сч. Оп. 1 с. Д. 64. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Архив ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Д. 1–2, 4.

Т а б л и ц а 1

«Армянские эшелоны» в 1949 г.*

№ эшелона	Начальник эшелона	Откуда	Куда	«Дашнаков»				
				семей	чел.	муж.	жен.	детей
97103	Гагин, подполковник	ст. Навтлуги ГрузССР; ГрузССР; Краснодарский край	ст. Кулунда	Нет св.	1026	392	379	255
97104	Павленко, подполковник	ст. Нарошен АрмССР; Краснодарский край	ст. Славгород	321	1480	413	501	556
97105	Игнатов, майор	ст. Нарошен АрмССР	ст. Славгород	284	1267	404	379	484
97106	Болдырев, майор	АрмССР	ст. Бурла	303	1313	370	438	505
97107	Акинъшин, майор	ст. Кафан, Минджевань АрмССР	ст. Славгород	Нет св.	1039	307	342	390
97108	Севастьянов, ст. лейтенант	ст. Улуханлы АрмССР	ст. Зоринская, Алтайская	424	1488	512	534	442
97109	Смирнов, капитан	ст. Эчмиадзин АрмССР	ст. Бийск	327	1258	375	442	441
97110	Сапаев, майор	ст. Улуханлы АрмССР	ст. Алтайская	198	825	264	278	283
97111	Крикунов, капитан	ст. Джаджур АрмССР, НКАО АзССР	ст. Алейск	314	1276	364	443	469
97112	Рогинин, ст. лейтенант	ст. Кировакан АрмССР	ст. Рубцовка	318	1325	354	428	543
97113	Саладыкин, майор	ст. Октемберян АрмССР	ст. Алейск	176	739	215	243	281
97114	Копрос, майор	Нет св.	ст. Алтайская	62	526	226	199	101
97140	Колесов, майор	ГрузССР	ст. Рубцовск	84	1304	403	477	424
97248	Навасардян, капитан	АрмССР, ГрузССР	ст. Алтайская, Барнаул, Бийск	Нет св.	99	55	13	4
97249	Навасардян, капитан	АрмССР	ст. Алтайская, Рубцовка, Неверовская, Бийск	41	51	34	13	4
97250	Навасардян, капитан	АрмССР	ст. Бурла, 63 Славгород, Татарская	87	48	23	16	
<i>Итого:</i>					1503	4736	5153	5198

* Составлена по: Архив ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Д. 1–4 (эшелонные списки).

шесоюзного отдела, в ведении которого находились спецпоселенцы⁶, и частично представлены в фонде Алтайского облисполкома (Ф. Р-1 сч). В архиве ГУВД по Алтайскому краю хранятся преимущественно учетно-статистические материалы и личные дела спецпоселенцев. В совокупности они дают возможность восстановить систему учета и переучета спецконтингента. Первичная документация формировалась МГБ и

МВД Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР. Эшелонная документация включала посемейные справки МГБ, эшелонные и повагонные списки, обобщенные посемейные справки на контингент. На основании этих документов УМВД Алтайского края и райотделы оформляли акты приема и передачи, составляли справки по принятому спецконтингенту.

Депортированных армян ставили на спецучет в районные и поселковые спецкомендатуры в начале июля 1949 г. Сама процедура осуществлялась согласно инструкциям, введенным приказом МВД от 19 февраля 1949 г. В ходе учета необходимо было установить

⁶ В 1944–1959 гг. – Отдел спецпоселений НКВД–МВД СССР, в 1950–1953 гг. – 9-е управление МГБ СССР, в 1953–1954 гг. – Отдел «П» МВД СССР, в 1954–1949 гг. – 4-й отдел МВД СССР.

численность семей, количественный, национальный и половозрастной состав спецпоселенцев, выявить трудоспособных, в том числе специалистов. Аппаратом спецкомендатур осуществлялся посемейный и персональный учет; эти данные фиксировались в специальных учетных книгах. В посемейные книги не вносились члены семей выселенцев, прибывшие добровольно и не являвшиеся выселенцами. Наряду с учетом и в ходе его проведения создавалась система гласного и негласного контроля спецконтингента. Агентурно-осведомительная сеть охватывала все пункты их расселения. На основании данных учета районных отделов осуществлялся персональный и посемейный карточный учет по формам 5 и 6 (краткая и подробная). Карточки заполнялись на основании эшелонных списков, актов приема спецпереселенцев, справок о выселении, документов, удостоверяющих личность, и путем опроса спецпереселенцев.

В армянском спецконтингенте выделялись следующие учетные категории: «легионеры», «дашнаки-националисты», репатрианты и члены их семей. По данным Комиссии по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления Армянской ССР, в Алтайский край было депортировано 1 860 семей «дашнаков» и 888 членов армянского легиона. За принадлежность к партии дашнакцутюн было сослано 350 семей (1 454 чел.) репатриантов [2, с. 247]. Согласно сводной картотеке спецпереселенцев УМВД по Алтайскому краю 5 597 из 12 662 учтенных лиц армянской национальности квалифицировались как «дашнаки».

По данным 4-го отдела спецпоселений УМВД Алтайского края, после размещения в июле 1949 г. в крае сразу двух спецконтингентов («дашнаков» и молдаван) численность спецпоселенцев возросла на 4 998 семей, или 19 773 чел., в том числе «дашнаков» – 3 837 семей, или 15 700 чел.⁷ Армянский спецконтингент оказался расселен в 27 районах края (табл. 2), лидерами по приему стали Бурлинский, Славгородский, Сорокинский и Угловский районы, в спецкомендатуры которых было завезено более трети спецпереселенцев-армян. Армяне распределялись преимущественно в колхозы, куда первоначально было отправлено 2 353 семьи, в совхозы – 1 877, в леспромхозы – 707, на золотые прииски – 61 семья⁸. К концу 1949 г. половина спецпереселенцев была расселена в колхозах, почти четверть – в совхозах, на предприятиях лесной промышленности – каждый 12-й спецпереселенец⁹.

Территория Алтайского края была покрыта сетью спецпоселков, где проживали депортированные. Увеличение на Алтае на треть числа спецпоселков в 1943 г. было связано с ростом этнической ссылки. Депортированных в 1949 г. армян расселяли преимущественно в уже существующие поселки, либо дисперс-

Т а б л и ц а 2

Расселение депортированных армян в районах Алтайского края в июле 1949 г.*

Район	Кол-во семей	Человек
Алейский	144	633
Баевский	236	991
Благовещенский	124	441
Бурлинский	302	1 313
Залесовский	145	493
Змеиногорский	59	297
Знаменский	223	1 041
Зональный	125	490
Калманский	187	608
Косихинский	63	211
Краюшкинский	98	315
Локтевский	54	271
Павловский	29	135
Парфеновский	16	50
Поспелихинский	155	703
Родинский	174	585
Рубцовский	151	605
Славгородский	321	1 479
Сорокинский	359	1 470
Суетский	61	274
Топчихинский	47	168
Третьяковский	24	129
Троицкий	122	487
Угловский	305	1 325
Усть-Калманский	172	668
Шипуновский	62	233
Яминское	70	280
<i>Итого:</i>	3 897	15 700

* Составлена по: ГААК. Ф. Р-1 сч. Оп. 1 с. Д. 64. Л. 86–86 об.

но среди местного населения. Нами предпринята попытка показать географию расселения армян в местах высылки (табл. 3, 4).

На территории спецпоселков предписывалось в суточный срок обеспечить временное проживание людей. Выселенцев-армян размещали в жилых и нежилых помещениях, под жилье использовались школы, телятники и амбары. Наиболее тяжелая ситуация с размещением сложилась в Каменском леспромхозе Залесовского района (спецкомендатура № 46), где выселенцев разместили в палатках¹⁰. Правила, которы-

⁷ ГААК. Ф. Р-1 сч. Оп. 1 с. Д. 64. Л. 86–86 об.

⁸ Там же. Л. 134.

⁹ ГА РФ. Ф. 9479 сч. Оп. 1. Д. 479. Л. 261; Д. 480. Л. 274.

¹⁰ Архив ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Д. 3. Л. 85.

Т а б л и ц а 3

Расселение армянского спецконтингента по спецкомендатурам на июль 1949 г.*

Спецкомендатура	Номер эшелона	«Дашнаки»				
		семей	чел.	муж.	жен.	детей
1	2	3	4	5	6	7
<i>Алейский р-н</i>						
№ 19	97111	83	376	99	116	161
№ 21	97113	61	257	67	86	104
<i>Итого:</i>		144	633	166	202	265
<i>Баевский р-н</i>						
В.-Пайвинская	97104	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
№ 25	97105		542	165	167	210
<i>Итого:</i>		236	991	310/317	299/305	369
<i>Благовещенский р-н</i>						
№ **	97103	124	441	163	163	115
<i>Бурлинский р-н</i>						
№ **	97106	302	1313	370	438	505
<i>Залесовский р-н</i>						
№ 46	97108	Нет св.	433	Нет св.	Нет св.	Нет св.
№ 47	97110	Нет св.	60	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Итого:</i>		145	493	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Змеиногорский р-н</i>						
№ **	97140	59	297	86	117	94
<i>Знаменский р-н</i>						
№ 40	97104	Нет св.	437	123	143	171
№ 41	97105	Нет св.	604	182	200	222
<i>Итого:</i>		223	1041	305	343	393
<i>Зональный р-н</i>						
№ 43	97109	Нет св.	197	62	73	62
№ 44		Нет св.	293	93	106	97
<i>Итого:</i>		124	490	155	179	159
<i>Калманский р-н</i>						
№ **	97140	187	608	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Косихинский р-н</i>						
№ 52	97108	Нет св.	58	Нет св.	Нет св.	Нет св.
№ 55	97114	Нет св.	153	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Итого:</i>		63	211	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Краюшкинский р-н</i>						
№ 58	97114	81	279	110	109	60
№ 59		16	36	19	12	6
<i>Итого:</i>		98	315	119	121	66
<i>Локтевский р-н</i>						
№ 68	97140	54	271	79	94	98
<i>Павловский р-н</i>						
№ 78 и 79	97113	29	135 (48; 87)	42	45	48
<i>Парфеновский р-н</i>						
№ 81	97111 97113	16	50	20	17	13

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
<i>Поспелихинский р-н</i>						
№ 84	97140	88	397	99	139	159
№ **		67	306	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Итого:</i>		155	703	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Родинский р-н</i>						
	97103	174	585	Нет св.	Нет св.	155
<i>Рубцовский р-н</i>						
№ 10	97140	Нет св.	275	105	101	69
№ 11		Нет св.	162	48	54	60
№ 12		Нет св.	168	49	63	56
<i>Итого:</i>		151	605	202	218	185
<i>Славгородский р-н</i>						
№ **	97104	90	439	Нет св.	Нет св.	Нет св.
№ 14	97105	140	642	170	203	269
№ 15	97107	91	398	108	134	156
<i>Итого:</i>		321	1479	н/д	н/д	н/д
<i>Сорокинский р-н</i>						
№ **	97108	Нет св.	825	246	278	283
№ **	97110	Нет св.	585	210	232	227
<i>Итого:</i>		359	1470	456	510	510
<i>Суетский р-н</i>						
№ **	97105	61	274	82	88	104
<i>Топчихинский р-н</i>						
№ **	97111	Нет св.	39	17	12	10
№ **	97113	Нет св.	129	36	43	50
<i>Итого:</i>		47	168	53	55	60
<i>Третьяковский р-н</i>						
Змеиногорский свеклосовхоз	97140	24	129	36	43	50
<i>Троицкий р-н</i>						
№ 117	97109	31	115	33	39	43
№ 119		46	197	55	69	73
№ 121		45	175	56	69	50
<i>Итого:</i>		122	487	144	177	166
<i>Угловский р-н</i>						
№ **	97111	Нет св.	708	Нет св.	Нет св.	Нет св.
№ **	97112	Нет св.	617	Нет св.	Нет св.	Нет св.
<i>Итого:</i>		305	1325	363	423	539
<i>Усть-Калманский р-н</i>						
№ 125	97111	Нет св.	570	164	193	213
№ 126		Нет св.	98	29	32	37
<i>Итого:</i>		177	668	193	225	250
<i>Шипуновский р-н</i>						
№ 131	97113	Нет св.	189	55	65	69
№ 133		Нет св.	44	18	15	11
<i>Итого:</i>		62	233	73	80	80
№ 136 (с. Яминское)	97109	70	280	79	102	99

* Составлена по: Архив ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Д. 1–4 (эшелонные списки).

** Здесь и далее номера комендатур не указаны.

Т а б л и ц а 4

Расселение армян по хозяйствам спецкомендатур № 117–119 Троицкого р-на

Наименование хозяйства	Кол-во семей	Численность, чел.			
		всего	муж.	жен.	детей
Троицкий свеклосовхоз (спецкомендатура № 117)	31	115	33	39	43
2-й участок Южаковского леспромхоза (спецкомендатура № 117)	11	45	20	13	12
5-й участок Южаковского леспромхоза (спецкомендатура № 119)	19	83	20	27	36
Участок Варламира Южаковского леспромхоза (спецкомендатура № 119)	16	69	15	29	25
Еременский сельсовет (спецкомендатура № 121)					
Колхоз «Великий Октябрь»	27	96	33	38	25
Колхоз «Памяти Ильича»	8	37	10	13	14
Колхоз «1 мая»	10	42	13	18	11
<i>Итого:</i>	127	487	144	177	166

* Составлена по: Архив ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Д. 3. Л. 302–303.

ми следовало руководствоваться представителям местных органов власти при вселении, трудовом и хозяйственном устройстве прибывавшего контингента, разрабатывались в спешке и рассылались на места накануне вселения. В августе 1949 г. Алтайским крайисполкомом были утверждены разработанные мероприятия по хозяйственному устройству спецпереселенцев в соответствии с новыми директивами, призванными уравнивать хозяйственное положение спецпоселенцев с добровольно прибывшими сельскохозяйственными переселенцами¹¹. Распоряжение № 10793 и постановление № 3229-1341с Совета министров СССР, принятые в июле 1949 г., оговаривали вопросы хозяйственного устройства данной категории спецпереселенцев¹². Райисполкомам, принимавшим депортированных армян, предписывалось выделить каждой семье приусадебный участок, ссуду на жилищное строительство и приобретение скота, а колхозам рекомендовалось расчет со спецпереселенцами производить наравне с колхозниками. Общая сумма затрат оценивалась руководством края в 35 млн руб.¹³ Кредитование спецпереселенцев предусматривалось осуществлять за счет кредитов, открытых Алтайскому краю на 1949 г. для переселенческих мероприятий.

В 1953–1954 гг. начались процессы массового освобождения депортантов, снятия их со спецучета, ликвидации комендатур и спецпоселений. Для армян

это происходило в 1954–1956 гг. На 1 января 1953 г. численность армянского спецконтингента в Алтайском крае оценивалась в следующих показателях: состояло на учете 15 486 чел., находилось в наличии 15 395, в том числе 4 879 мужчин, 5 326 женщин, 5 190 детей, 3 чел. числилось в розыске, 88 чел. были арестованы. Армяне составляли 11 % от общей численности спецконтингента, размещенного на территории края. Спустя год цифры почти не изменились: на учете состояло 15 590 чел., находилось в наличии – 15 508, в розыске – 2, под арестом – 80 чел. Затем численность спецпереселенцев стала стремительно сокращаться. На 1 января 1956 г. на учете состояло 355 «дашнаков». На начало 1958 г. численность спецпоселенцев этой категории составила 121 чел., а в июне – 42 чел. [1, с. 210–211, 226, 256, 263, 270]. Оставшиеся спецпоселенцы-армяне были освобождены в августе 1958 г. Большинство армян, депортированных в Алтайский край, вернулось в Армянскую ССР. По переписи 1959 г., в Алтайском крае проживало 1,6 тыс. армян. Надежды региональных властей на оседание рассматриваемого спецконтингента в местах бывшей высылки оказались несостоятельными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.
2. Бугай Н.Ф. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995.

¹¹ ГААК. Ф. Р-1 сч. Оп. 1 с. Д. 64. Л. 126.

¹² Там же. Л. 127.

¹³ Там же. Л. 134.

УДК 621.039(571.6)

И.М. САВИЦКИЙ

**СОЗДАНИЕ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ АТОМНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1946–1965 гг.)**Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: boss@history.nsc.ru

В статье рассматривается деятельность правительственных структур, геологоразведочных организаций по поиску и освоению урана, тория и других руд на Дальнем Востоке, необходимых для производства ядерного и термоядерного оружия. Раскрывается финансовая и материально-техническая обеспеченность геологоразведочных, горно-металлургических предприятий и результаты их трудовых усилий.

Ключевые слова: атомная промышленность, геологоразведка, уран, торий, Дальний Восток.

Создаваемая в СССР атомная промышленность требовала минерально-сырьевых ресурсов и прежде всего открытия рудных месторождений урана, тория и других редкоземельных металлов, их подготовки для производства плутония, чистейшего урана и других компонентов ядерных зарядов и боеприпасов. Государственный Комитет Обороны СССР в труднейшее для страны время поставил перед Академией наук СССР задачу решения урановой проблемы и 27 ноября 1942 г. принял постановление «О добыче урана», в котором рекомендовал наркому цветной металлургии СССР организовать геологоразведку месторождений, переработку урановой руды и получение урановых солей в количестве 4 т в год [1, с. 4; 2, с. 4; 3, с. 34–39]. А постановлением ГКО СССР от 16 августа 1943 г. наркому цветной металлургии СССР и Комитету по делам геологии при СНК СССР вменялось в обязанность к 15 сентября 1943 г. представить план мероприятий, обеспечивающих получение не менее 100 т урана [1, с. 4; 2, с. 45; 3, с. 34–39].

В конце 1945 г. на одной из первых встреч с видным металлургом В.П. Емельяновым И.В. Курчатов сказал: «Сегодня мы пытаемся выявить то, что надо проделать в первую очередь. Уран, графит, тяжелая вода – без них нельзя начинать строительство атомных каналов». Для того чтобы запустить экспериментальный реактор, требовалось около 50 т природного урана в виде металлических блоков диаметром 32 и 35 мм и общей массой 36 т, кроме того, 9 т шаров диаметром 80 мм из диоксида урана и 400 т абсолютно чистого графита. А с 1950 г. в качестве замедлителя нейтронов в ядерных реакторах наряду с графитом стали использовать тяжелую воду [2, с. 62, 68; 4, кн. 4, с. 388–390].

В связи с тем, что месторождения природного урана малоизвестны, а обстановка требовала быстрейшего создания производства, правительство принима-

ло экстренные меры по совершенствованию организации геологоразведочных работ, особенно в восточных районах страны. 13 октября 1945 г. СНК СССР принял постановление «О развитии геологоразведочных работ на А-9 (уран) и Б-9 (торий)» в четвертом квартале 1945 и 1946 гг. Совнарком обязал Комитет по делам геологии направить в 1946 г. основные геологоразведочные кадры на изыскание этих руд. К 1 апреля 1946 г. рекомендовалось создать 270 геологических партий [4, кн. 2, с. 46–47].

В данной статье предпринята попытка раскрыть деятельность геологических и производственных организаций на Дальнем Востоке, их финансовую и материально-техническую обеспеченность, показать результаты труда геологов, а также горно-металлургических предприятий во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг.

Все геологические партии и созданная при АН СССР комплексная экспедиция работали в Средней Азии, Прибалтике, Азербайджане и восточных районах России, причем 12 из них круглосуточно. В Восточную Сибирь и Якутию было направлено 28 партий для исследования Верхне-Зейского, Алданского, Витимо-Олекминского и Прибайкальского районов; на Дальний Восток – 13 для изучения Сихотэ-Алинского хребта, Хангано-Буриенского района. Кроме того, в 1946 г. принято распоряжение Совета министров СССР, которое обязало МВД СССР и трест «Дальстрой» исследовать бассейны Яны, верхнего течения Колымы, Индигирки, Чаун-Чукотского и Магаданского разведочных районов. Поиск урановых месторождений велся с самолета.

В отчете И.В. Курчатова, Б.Л. Ванникова и М.Г. Первухина на имя И.В. Сталина «О состоянии работ по проблеме использования атомной энергии за 1945–1946 гг.» от 23 декабря 1946 г. отмечается, что на всей

территории СССР работали 254 геологические партии. Геологоразведочные работы наряду с геологами Министерства геологии СССР вели также Министерство цветной металлургии СССР, МВД СССР, организации промышленных строительных материалов, нефтяной промышленности и Главсевморпути (60 партий).

На 1947 г. правительство определило более конкретно основные объекты для геологоразведочных работ по обеспечению прироста новых промышленных запасов руды урана и тория. Планировалась разведка Бутыгычагского месторождения в районе Дальстроя с приростом урановых руд 100 т, Министерству геологии СССР поручалась предварительная разведка моноцитовых россыпей в районе Алдана по рекам Керак, Хатыми, Анамджак с приростом промышленных запасов руд тория 100 т. Главсевморпути поручалось вести разведку моноцитовых россыпей в Алданском районе и на участках рек Охур и Кенады в районе Анабарского массива Якутской АССР с приростом промышленных запасов 350 т. МВД СССР рекомендовалось проведение предварительной разведки моноцитовых россыпей в бассейне Селигдара в Алданском районе Якутской АССР.

Распоряжением Совета министров СССР предлагалось МВД СССР, Министерству цветной металлургии СССР, Министерству геологии СССР направить в августе 1947 г. в Алданский район специальную комиссию для определения масштаба добычи моноцитов в 1948–1950 гг. и условий организации работ. Министерству геологии СССР также предлагалось в месячный срок утвердить запасы Б-9 в Алданском районе. В этом районе предполагалось провести поисково-разведочные работы, обеспечив прирост запасов Б-9 в количестве 100 т, а также наметить участки для первоочередной отработки.

Всего на геологическую разведку урана в 1946–1947 гг. было израсходовано 608 млн руб. В 1947 г. в геологии урана работало 15 тыс. чел. В результате на территории страны разведано столько запасов, сколько имелось во всем остальном мире. Богатых залежей урана в природе не существует. Промышленное значение имеют руды, содержащие 0,1–0,5 % урана. Среднее содержание урана составляет 0,31 % [4, кн. 3, с. 701–708, 250–253, 709–710; 2. с. 142]. Однако в постановлении Совета министров СССР «О геологоразведочных и поисковых работах А-9 и Б-9 в 1948 г.» от 22 февраля 1948 г. отмечалось, что результаты работы Министерства геологии СССР за 1946–1947 гг. по разведке А-9 являются неудовлетворительными, несмотря на выделенные министерству ассигнования и материальные ресурсы. План прироста запасов А-9 в 1947 г. министерство выполнило лишь на 60 %, не были выявлены месторождения богатых руд А-9, а найденные представлены в основном бедными и сложными по составу рудами, для переработки которых еще не разработаны экономически выгодные технологии [4, кн. 3, с. 404–411].

Министерство цветной металлургии СССР выполнило план 1947 г. прироста запасов Б-9 на 14 %, А-9 – на 50 %.

В МВД СССР план прироста запасов А-9 составил 30 %. В результате разведки в 1947 г. на территории Дальстроя было выявлено два перспективных района с жильными месторождениями Б-9 (Сугун и Певек), а также в границах Тиманского кряжа.

МВД СССР планировалось развернуть подземные геологические работы на обнаруженных в 1947 г. месторождениях А-9 – Бутыгычагском, Сугунском, Певекском, Индигирском – и выявить в 1948 г. запасы, достаточные для организации добычи. Для активизации работ по разведке и подготовке к добыче руды А-9 из разведанных выработок Дальстрою разрешалось направить в феврале 1948 г. необходимое количество рабочих и оборудование на Бутыгычагский рудник для разведки и добычи руды А-9. Кроме того, Чаун-Чукотское горное управление с прииском «Красноармейский» должно было получить 1 тыс. рабочих, три бульдозера и один экскаватор с целью ускорить разведку и добычу руд А-9 на месторождении Северном. Всего к разведке и подготовке к добыче А-9 в 1948 г. планировалось привлечь не менее 5 тыс. чел.

Для поиска руд А-9 и Б-9 в других районах Дальстроя организовать в 1948 г. не менее 30 геологических партий. Министерству финансов СССР предлагалось выделить Дальстрою МВД в 1948 г. из госбюджета на финансирование геологоразведочных работ 40 млн руб., из них 25 млн дополнительно за счет резервного фонда Совета министров СССР.

Для более оперативного руководства организовать в Дальстрое специальное управление, возложить на него проведение всего комплекса работ по поиску, разведке и подготовке к эксплуатации месторождений А-9 и Б-9. Направить Дальстрою из числа окончивших вузы и техникумы весной 1948 г. 20 инженеров-геологов, 20 техников-геологов, двух инженеров-радиофизиков; за счет перераспределения из кадров министерств – 15 инженеров-геологов для работы в качестве начальников спецпартий, 15 техников-геологов и четырех инженеров-геофизиков; Министерству геологии СССР из других министерств – 20 горных инженеров и техников. Дальстрою разрешалось использовать бесплатное спецпитание лицам, занятым на вредных работах, по нормам, установленным законом в соответствии с утвержденным списком особо вредных профессий.

Постановление Совета министров СССР «Об организации добычи Б-9 в Алданском районе» от 20 апреля 1948 г. обязывало МВД СССР организовать в 1948 г. разработку моноцитовых россыпей в Алданском районе, для чего провести промышленную разведку, необходимые горно-подготовительные и капитальные работы для организации в этом районе предприятий по добыче Б-9 мощностью в 1949 г. – 10 т, в 1950 г. – 30, в 1951 г. – 40 т в год в виде моноцитового концентрата. Кроме того, требовалось обеспечить в 1948 г. попутную добычу Б-9 в количестве 1 т, в том числе 0,5 т – на приисках «Ленинский» и «Открытый», 0,5 т – в южных районах Алдана (реки Васильевка, Хатыми и др.) [4, кн. 3, с. 467–468].

Совет министров СССР обязал Министерство цветной металлургии СССР предоставить в 1948–1949 гг. МВД три комплекса промышленных обогатительных фабрик. Для обеспечения разработки Б-9 МВД разрешалось организовать в составе центрального аппарата министерства специальный отдел № 6, а в Алданском районе – Строительно-эксплуатационное управление (СЭУ) с лагерем заключенных. Правительство потребовало отобрать из числа окончивших в 1948 г. вузы и техникумы молодых специалистов двух горных инженеров, двух геологов, четырех инженеров-обогащателей, шесть техников-горняков и геологов, минеролога и маркшейдера и направить их на работу в Якутскую АССР. Министерству внутренних дел был установлен на 1948 г. общий объем капиталовложений для организации добычи моноцита в Алданском районе в сумме 20 млн руб. По определению комиссии, обследовавшей эти месторождения, геологические запасы тория в Алданском районе достигли 1 тыс. т в пересчете на металл.

В письме в Совет министров СССР 17 июня 1948 г. сообщалось, что добыча А-9 в пересчете на металл в концентратах на всех предприятиях, находящихся в ведении Первого главного управления при Совете министров СССР, составит в 1948 г. 480 т, в 1949 г. – 900 т, в 1950 г. – 1,5 тыс. т. Кроме того, на 1 января 1948 г. имелось в наличии 450 т металла в концентратах. Всего до 1 января 1950 г. ресурсы металла в концентратах должны составить 3,4 тыс. т, что позволит получить 3 тыс. т металла [4, кн. 3, с. 341, 404–406, 408–411, 437, 468, 464, 834].

По данным Первого главного управления, наша страна располагала пятью ураноносными районами, имеющими промышленные запасы руды. Среди этих районов была и территория Дальстроя, на которой летом 1948 г. было обнаружено четыре месторождения урана жильного типа – Бутыгычагское, Сугунское, Певекское и Сеймканское с ожидаемыми запасами в 200 т каждое.

Среди десяти месторождений тория на Дальнем Востоке было обнаружено одно – Алданское, с россыпями моноцита с запасами на 1 января 1948 г. 300 т, а ожидаемое на 1 января 1949 г. – 600 т. Содержание тория в руде на 1 января 1948 г. составляло 400–500 г/м³ моноцита в песках. На этом месторождении продолжалась детальная разведка. В 1949 г. намечалось организовать добычу тория на Алдане. В целом по стране в 1949 г. планировалась добыча 50 т металла и солей тория, в 1950 г. – 76 т, в 1951 г. – 133 т.

Деятельность, направленная на создание сырьевой базы по добыче урана, позволяла полностью обеспечить металлом строящиеся заводы по производству плутония и урана-235. В 1945 г. было добыто 6,97 т металла в концентратах, в 1946 г. – 78,8, в 1947 г. – 268,3, в 1948 г. планировалось добыть 561 т металла. Кроме того, в 1948 г. из Германии было вывезено 220 т металла в концентратах. Всего на 1 января 1949 г. ресурсы урана в концентратах и богатой руде составляли 1 128 т. В 1949 г. намечалась добыча 1 190 т, а в

1950 г. – 1 760 т урана в концентратах и богатой руде. Из этого количества на территории Дальстроя в 1948 г. планировалось добыть 15 т, в 1949 г. – 50, в 1950 г. – 100 т [4, кн. 4, с. 488–489, 499.]

В письме И.В. Сталину «Об открытии нового месторождения урана» от 6 января 1949 г. Л.П. Берия отмечал, что для разведки урана по заданию Специального комитета в 1948 г. Министерство геологии СССР организовало свыше 200 специализированных геологоразведочных партий и экспедиций с 12 отрядами самолетов, оснащенных сконструированными в 1948 г. новыми чувствительными радиометрическими приборами, позволяющими производить поиски радиоактивных руд с высоты 100–300 м.

Совет министров СССР потребовал организовать в 1949 г. на заводах МВД производство обогатительных фабрик и электромагнитных сепараторов в количестве, обеспечивающем нужды СЭУ и ИТЛ № 11 по разработке месторождений Б-9 в Алданском районе; построить и ввести в эксплуатацию в 1949 г. восемь обогатительных фабрик мощностью 500 м³ песка в сутки каждая, одну шлиходоводочную фабрику производительностью 12 тыс. т черного металла в год, 5 тыс. м³ жилой площади и выполнить 150 тыс. м³ горно-подготовительных работ; ввести в строй в 1949–1950 гг. в составе СЭУ и ИТЛ № 11 МВД СССР на месторождениях Б-9 Васильевском и Михайловском объекты № 5 и № 3. Постановлением предусматривались капиталовложения на 1949 г. по статье «специальные расходы» в сумме 20 млн руб.

Совет министров СССР обязал Министерство геологии СССР провести в 1949 г. разведочные работы на месторождениях Михайловка, Каменка, Николкин, Джекталачи и Ковахта, обеспечить на них перевод запасов Б-9 в более высокую категорию в количестве 200 условных единиц (тонн) и прирост новых запасов Б-9 300 условных единиц (тонн). Исходя из данных разведки 1948 г. обеспечить к 1 мая 1949 г. утверждение запасов Б-9 по месторождениям Васильевка, Михайловка, Каменка, Николкин и дать промышленную оценку месторождениям Джекталачи и Ковахта. Не позднее 1 июня 1949 г. передать МВД СССР Васильевское месторождение руд Б-9 со всеми материалами, касающимися характеристики россыпей и подсчета запасов; провести в 1950 г. разведку новых месторождений урановых руд Б-9 в Неричи, Керак, Леглиер, Нимныр, Анамжик и Хатими с приростом запасов Б-9 400 условных единиц. Предусматривалось также распространить на заключенных, занятых на основных горных и строительных работах СЭУ и ИТЛ № 11 МВД, зачеты рабочих дней, утвержденные Советом министров СССР 22 мая 1948 г. по Дальстрою МВД СССР.

Правительство обязало Министерство высшего образования СССР предусмотреть направление в распоряжение СЭУ и ИТЛ № 11 МВД СССР в 1949 г. 100 молодых специалистов, из них 60 – с высшим и 40 – со средне-техническим образованием. МВД СССР разрешалось завербовать в 1949 г. на территории СССР 300 ИТР и квалифицированных рабочих для

СЭУ и ИТЛ № 11. Министерству здравоохранения СССР рекомендовалось откомандировать в 1949 г. шесть врачей из числа молодых специалистов, а Центросоюзу поставить СЭУ и ИТЛ № 11 в 1-м квартале 1949 г. 100 т сушеного картофеля и 50 т сухих овощей, Минпищепрому – 25 т яблок зимних сортов и 10 т сухофруктов.

За выслугу лет рабочим, мастерам и ИТР, непосредственно работавшим на производственных объектах СЭУ и ИТЛ № 11, устанавливались единовременные вознаграждения за выслугу лет: от одного до трех лет – 10 %, от трех до пяти лет – 15, от пяти до десяти лет – 20, от 10 до 15 лет – 25, свыше 15 лет – 30 % годового оклада или тарифной сетки. Отдельным рабочим ведущих профессий, руководящим и инженерно-техническим работникам вспомогательных предприятий, аппарата СЭУ и ИТЛ № 11: от пяти до десяти лет – 10 %, от 10 до 15 лет – 15, свыше 15 лет – 20 % годового оклада или тарифной сетки.

Дополнительные отпуска устанавливались работникам СЭУ и ИТЛ № 11 МВД СССР с нормированными полностью рабочими днями – 18 дней и с ненормированными – 30 дней. Определялся следующий порядок начисления пенсий по старости лет: для работников СЭУ и ИТЛ № 11 пенсии по старости лет начислялись в размере 50 % оклада по достижении 50-летнего возраста при наличии трудового стажа работы свыше 20 лет и более; размер предельного заработка при начислении пенсии 1,5 тыс. руб.; при исчислении стажа и определении права на пенсию год работы в СЭУ и ИТЛ № 11 считался за два года [4, кн. 4, с. 583–584, 234–239, 706, 230–233].

Большая работа в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 15 января 1949 г. проводилась по дальнейшему развитию геологоразведки и организации добычи А-9 на территории Дальстроя. Совет министров обязал МВД обеспечить в 1949 г. на территории Дальстроя прирост запасов А-9 в недрах в количестве 150 условных единиц в год, в том числе 80 условных единиц на Северном месторождении [4, кн. 4, с. 228–229].

Предлагалось организовать в 1949 г. на территории деятельности Дальстроя 20 геологоразведочных партий с целью поиска А-9, в том числе один аэроадиометрический отряд. Построить для энергообеспечения Северного рудника центральную электростанцию в пос. Певек мощностью 2 тыс. кВт с вводом ее в действие в 4-м квартале 1949 г. и линию электропередачи пос. Певек – месторождение Северное длиной 75 км.

На объектах Первого управления Дальстроя МВД СССР планировалось возвести в 1949 г. 6 тыс. м² жилья и служебной площади, в том числе 2,5 тыс. м² – на месторождении Северное и 2 тыс. м² – на Бутыгычаге. На 1949 г. устанавливался общий объем капиталовложений Первому управлению Дальстроя в размере 80 млн руб., в том числе на строительство и приобретение оборудования – 30 млн руб. по статье «спецработы», а на геологоразведку – 50 млн руб. за счет средств госбюджета на геологоразведочные работы по Дальстрою.

Совет министров СССР обязал Первое главное управление разработать к 1 марта 1950 г. силами НИИ-9 технологию обогащения и извлечения урановых руд А-9 из руд Северного и Бутыгычагского месторождений в ползаводском масштабе. Министерству высшего образования СССР предлагалось направить в 1949 г. в распоряжение Первого управления Дальстроя 30 инженеров и 30 техников из числа, предусмотренного планом межведомственного распределения молодых специалистов для МВД СССР и Первого главного управления. МВД СССР разрешалось организовать в январе 1949 г. в составе ВНИИ золота и редких металлов (ВНИИ-1 МВД СССР, г. Магадан) сектор научно-исследовательских работ по обогащению и химической технологии руд А-9.

Министерству обороны СССР предлагалось выделить в 1949 г. МВД СССР для Первого управления Дальстроя два самолета «Ли-2», а Главному управлению Северного морского пути при Совете министров СССР передать Первому управлению Дальстроя в 1-м квартале 1949 г. два морских катера с мотором З-Дб мощностью 150 л. с. каждый. Многие другие министерства обязывались поставлять оборудование, металл,

Планы добычи и прироста запасов урановой руды на 1950–1954 гг. в СССР и на Дальнем Востоке, т*

Наименование предприятий и месторождений	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	Итого за 1950–1954 гг.
<i>Добыча руды</i>						
Всего в СССР	1685	2115	2666	3151	3576	13 193
В том числе:						
Северное рудоуправление	–	5	10	15	20	50
В Дальстрое МВД СССР и на Дальнем Востоке	30	60	150	250	300	790
<i>Прирост запасов руды</i>						
Всего	3 980	4615	5495	5710	5590	25 390
В том числе: месторождения Дальстроя	200	250	250	300	300	1300
МВД СССР						

* Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. М.; Саров, 2003. Т. 2, кн. 4. С. 349, 350–351.

нефтепродукты, промышленные товары и материалы Дальстрою для специальных работ в определенные сроки и в нужном количестве [4, кн. 4, с. 228–229].

Постановлением Совета министров СССР «О развитии атомной промышленности в 1950–1954 гг.» от 29 октября 1949 г. были утверждены планы добычи и прироста запасов урановой руды на 1950–1954 гг.

Из таблицы видно, что в планах по добыче и приросту запасов урановой руды Дальневосточный регион занимал скромное место. Однако в последующие годы на Дальнем Востоке было открыто несколько месторождений урана: Алданский щит – Витимский, Эльконский районы; Зейско-Бурейская площадь; Ханковская площадь – юг Приморского края; Охотская-Юдомайская площадь на севере Магаданской области; Чукотская площадь.

В России в 1960-е гг. имелось около 500 тыс. т разведанных, забалансированных и предварительно оцененных запасов урановых руд, относящихся к так называемым резервным месторождениям. При определенных условиях они могли бы быть введены в эксплуатацию для обеспечения атомной промышленности урановым сырьем. В первую очередь в переоценке нуждались месторождения урана Эльконского уранового района на юге Якутии с крупнейшими в России запасами урана, а также золота, серебра, молибдена и других металлов.

Технология добычи урана уже в те годы была настолько отработана, что даже при низкой его концен-

трации в руде на предприятиях использовался метод подземного выщелочения, который обеспечивал высокий уровень производительности труда. Например, 75 чел. за год могли добывать 1,0 тыс. т природного урана [5, с. 266, 365–366, 268–269; 2, с. 74, 144; 3, с. 360–361, 365–367].

Таким образом, правительство СССР принимало экстренные меры по созданию минерально-сырьевой базы для предприятий вновь развивающейся атомной промышленности, производивших оружейный плутоний, высокой чистоты уран, торий и другие компоненты для ядерного оружия. Большое внимание уделялось геологоразведке на Дальнем Востоке, где работали специалисты различных ведомств и были открыты месторождения урана, тория и других редкоземельных металлов, а также осуществлялась первоначальная переработка сырья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестн. РАН. 1998. Т. 68, № 1.
2. Атомная отрасль России. События. Взгляд в будущее. М., 1998.
3. Ядерный оружейный комплекс: Энциклопедия. XXI век. Оружие и технологии России. М., 2007. Т. 14.
4. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / под ред. Л.Д. Рябева. М.; Саров, 2003. Т. 2: Атомная бомба. Кн 1–4.
5. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1994.

УДК 94(57).084.9

Е.Н. ВОЛОСОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В 1960–1980-х гг.

Усть-Илимский филиал
Восточно-Сибирской государственной академии образования,
г. Усть-Илимск
e-mail: volosov@rambler.ru

В статье исследуются некоторые социальные характеристики технократической элиты Ангаро-Енисейского региона в 1960–1980-х гг. Выявлены причины социально-демографических трендов технократической элиты второй половины XX в. Показаны потенциальные возможности советской системы для обеспечения карьерного роста руководящих хозяйственных кадров.

Ключевые слова: технократическая элита, Ангаро-Енисейский регион, социальное происхождение, возраст, типы и география профессионального образования.

Технократическая элита – один из отрядов политической элиты Советского Союза, игравший заметную роль в формировании экономической политики КПСС. Из технократии рекрутировалась значительная часть кадров профессиональной партийной бюрократии. Технократическая элита являлась частью партийной номенклатуры, оставаясь вместе с тем вполне са-

мостоятельной социальной группой. Признаками, объединяющими членов этого «цеха», следует считать: управленческую деятельность в индустриально-техническом секторе народного хозяйства; высшее техническое, естественнонаучное или экономическое образование; специфический менталитет, связанный с особенностями профессиональной деятельности; нефор-

мальные корпоративные связи, обусловленные как общностью производственной деятельности, так и плано-дефицитной экономикой; рекрутирование из массовой группы руководителей среднего и низшего звена и широкого круга инженерно-технических работников.

Исторический портрет данной социальной группы был бы неполным без ее тщательной социальной характеристики. В статье ставится задача рассмотреть такие базовые показатели региональной технократической элиты, как социальное происхождение, типы и география профессионального образования. По нашему мнению, систематизация и анализ этих характеристик вкупе с другими показателями позволяют очертить ее демографические границы, выявить общее и особенное в сравнении с другими социальными группами, понять роль и значение доминирующих трендов социально-экономической политики правящего режима 1920–1980-х гг. в формировании именно такого типа региональной технократической элиты¹.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Анализ происхождения значительной части технократической элиты Ангаро-Енисейского региона показывает достоинства и возможности советской системы по подготовке новых профессиональных кадров, их карьерному росту, повышению реального, а не декларируемого социального статуса независимо от места жительства и социального происхождения.

Молодые люди из самых отдаленных уголков страны, маленьких провинциальных городков, глухих таежных или степных деревень и хуторов, обладая определенными способностями, желанием и трудолюбием, могли достигнуть многого без протекции, кумовства или коррупционных связей. Об этом периоде величайшего социального эксперимента ярко сказано А. Зиновьевым:

До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд от рассвета до заката. А какие перспективы были у одиннадцати детей (семья А. Зиновьева)? Стать крестьянами, в лучшем случае – мастеровыми. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой – директором завода, третий – полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. В эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъем многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, ученые, писатели, директора и т. д. [1, с. 18].

Из 113 представителей региональной технократической элиты, о которых нам удалось найти свиде-

¹ В основу настоящей статьи положены сведения из Государственного архива Красноярского края, Государственного архива новейшей истории Иркутской области, материалы газет «Красноярский рабочий», «Восточно-Сибирская правда», мемуаров, интервью и других источников.

ния о месте рождения, 56 чел. являлись выходцами из сельской местности – станиц, сел, деревень. Сюда мы причислили и жителей железнодорожных станций, поскольку их хозяйственный уклад мало отличался от уклада сельчан, за исключением вида основной деятельности.

Другая половина представителей технократической элиты родилась в городах. Можно предположить, что изначально они имели лучшие стартовые условия для обучения и поступления в высшие учебные заведения. Но все обстояло гораздо сложнее. Выходцев из города нужно разделить на три категории: жители Москвы и Ленинграда, жители столиц союзных республик и областных центров, жители средних и малых городов (хозяйственный и бытовой уклад в которых практически не отличался от сельского). Однако столичных жителей в нашем списке всего 3 чел.; 21 чел. являлся выходцем из областных центров и столиц союзных республик.

Но даже столичное или городское происхождение не предполагало однозначно материального благополучия и высокого социального статуса. Например, детство директора Иркутского авиационного завода Г.Н. Горбунова прошло в полусельском районе Иркутска – на ст. Иннокентьевской. Геннадий Николаевич, отвечая на вопрос журналиста о том, как он стал директором, рассказывал:

С малолетства вел трудовую жизнь. Пять классов обычной школы. А потом пришлось работать. Отец умер, мать одна, с тремя детьми. Оставил школу, пошел в пастухи. Здесь в Ново-Ленино коров пас. Началась зима, устроился учеником жестянщика. Мне тогда 15 лет было. Через год стал уже мастером...²

Начальник Братскгэстроя Ю.А. Ножиков родился в Ленинграде, его отец был арестован и исчез в застенках ГУЛАГа. Чтобы выжить, семья переехала в Иваново. Здесь жизнь также была чрезвычайно тяжелой. Ю.А. Ножиков вспоминал:

Из детства и юности я вынес убеждение: все достается своими руками и головой, никто, как говорится, не принесет тебе на тарелочке, готовое. Я давно уже дома хозяйствовал один. Хочешь тепла – принеси дров, затопи. Хочешь есть – работай в огороде, вари. Не хочешь быть бедным – учись, опережай других знаниями, прояви себя, чтобы уважали и ценили, чтобы не кланяться за кусок хлеба [2, с. 34].

В детских домах накануне и во время Великой Отечественной войны воспитывались генеральный директор ПО «Востсибуголь» А.К. Барредо (сын испанского антифашиста), родившийся в крупном испанском городе Хихон), и В.К. Яковенко – первый заместитель начальника Братскгэстроя, уроженец г. Саратова.

Из семей рабочих и простых служащих вышли такие руководители, как управляющий «Красноярскэнерго» М.П. Сморгун, директор Красноярского

² Ланкина Л. Разговор с директором // Восточно-Сибирская правда. 1985. 29 дек.

комбайнового завода А.А. Кокарев, начальник комбината «Востсибуголь» М.Н. Маркелов, начальники управления ВСЖД Б.К. Саламбеков и А.Т. Головатый, директор Иркутского авиационного завода А.И. Федоров.

Тридцать руководителей родились в маленьких городках областного и районного подчинения, таких как сибирские Тулун, Канск и Черемхово, краснодарский Темрюк, ростовский Сальск и др. Несмотря на это, качество образования в провинциальных школах, интеллектуальный и волевой потенциал обучающихся способствовали успешному обучению в вузах и продвижению по карьерной лестнице.

Из городов областного и районного подчинения вышли шесть министров, работавших в Восточной Сибири после Великой Отечественной войны: строительства в восточных районах СССР А.А. Бабенко, химического и нефтяного машиностроения К.И. Брехов, сельскохозяйственного и тракторного машиностроения А.А. Ежевский, цветной металлургии П.Ф. Ломако, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности Н.В. Тимофеев, путей сообщения Г.М. Фадеев.

Уроженцы маленьких городов Европейской России также были целеустремленными в стремлении достигнуть успеха на просторах Сибири. Та же тенденция проявляется и в отношении жителей провинциальных городов Украины. В абсолютном выражении среди хозяйственных руководителей Красноярского края и Иркутской области их больше, чем выходцев из областных центров Украины. Причиной могли стать: стремление вырваться из замкнутого местечкового пространства, романтика и пафос строительства, созидания, освоения, материальные стимулы, перспективы карьерного роста.

Известно, что широкое индустриальное строительство, масштабная коллективизация, сталинские репрессии, Великая Отечественная война вызвали массовые миграционные потоки, в корне изменившие социально-демографическую картину в стране. В середине 1950-х гг. численность городского населения превысила численность сельского населения³. В эти процессы оказались вовлечены и многие из тех, кого мы причисляем к технократической элите Ангаро-Енисейского региона. Среди уроженцев сельской местности оказалось много таких, кто получил известность благодаря своим блестящим организаторским способностям, результатам свершений, вошедшим в анналы отечественной и даже мировой истории.

Выходцами из российских сел и деревень являлись пять министров СССР и РСФСР, работавших в регионе после войны. Среди них министры: лесной и целлюлозно-бумажной промышленности М.И. Бусыгин (дер. Крутая Свердловской обл.), угольной промышленности М.И. Щадов (с. Каменка Иркутской обл.), путей сообщения Н.Е. Аксененко (с. Новоалександровка Новосибирской обл.).

Анализ биографий ведущих хозяйственных руководителей Ангаро-Енисейского региона показывает, что уроженцы Москвы, Ленинграда и столичных городов не доминировали в составе региональной тех-

нократической элиты территории. Совсем другое дело – выходцы из городской и сельской глубинки. Среди хозяйственных руководителей 1910–1949 гг. рождения (а это большая часть кадрового состава) мы видим явное преобладание сначала выходцев из маленьких провинциальных городов, а затем, на протяжении трех десятков лет, родившихся в сельской местности. Например, среди будущих хозяйственных руководителей, родившихся в промежутке 1930–1949 гг., число выходцев из сельской местности в 2 раза превышало число уроженцев городских поселений.

ТИПЫ И ГЕОГРАФИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Региональная технократическая элита 1960–1980-х гг. представляла собой хорошо образованную, как минимум с формальной точки зрения, группу. Из более 150 респондентов – руководителей главных инженеров строительных и транспортных организаций, промышленных предприятий, связи и экономических учреждений – лишь единицы имели среднее профессиональное образование. Большинство из них окончили высшие учебные заведения технического или экономического профиля. В 1980-е гг. появилась довольно солидная прослойка руководителей, получивших второе высшее образование, чаще всего – экономическое или политическое. В этот же период значительно увеличилось число руководителей, успешно защитивших диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

География вузов, которые оканчивала региональная технократия, чрезвычайно широка; она отражает несколько этапов экономических, социальных и демографических процессов, происходивших в СССР в рассматриваемое время. Широкомасштабное индустриальное строительство, развернувшееся в 1930-е гг., потребовало значительного расширения сети высшего технического образования. В 1933 г. при ЦИК СССР был создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию. К началу 1941 г. в стране функционировало 164 технических вуза, в которых обучалось 204,6 тыс. студентов [3, 125]. Многие из них заняли лидирующие позиции в экономике восточных районов страны в годы войны, но особенно в послевоенное время.

Можно выделить несколько групп руководителей, чьи передвижения по карьерной лестнице связаны с основными инвестиционно-индустриальными трендами послевоенного времени.

- 1) руководители и работники эвакуированных предприятий;
- 2) технократическая элита центральных районов страны, направленная в послевоенные годы для руководства строительством и индустрией востока страны;
- 3) бывшие военнослужащие старшего и среднего состава, направленные для усиления руководства предприятиями и организациями;
- 4) молодые фронтовики из рядового состава и младших офицеров – студенты послевоенного времени;

5) выпускники школ послевоенного десятилетия, поступившие и окончившие технические вузы в период развертывания широкомасштабного строительства в восточных районах страны;

б) студенты 1960–1970-х гг., последние из поколения советских хозяйственных руководителей.

Следует отметить, что, несмотря на определенный хронологический порядок данного списка, возрастная последовательность в этих группах далеко не так очевидна. Так, представители второй и третьей группы могли быть старше представителей из первой группы. Поэтому встал вопрос: «А менялась ли география высших учебных заведений, которые заканчивала региональная технократическая элита 1960–1980-х гг.?»

Большинство крупных хозяйственных руководителей Восточной Сибири 1900–1909 гг. рождения окончили московские технические вузы. В возрастной группе 1910–1919 гг. рождения из 18 специалистов (с известными данными об их профессиональном образовании) 11 окончили вузы европейской части СССР и лишь семь – технические и экономические институты Урала и Сибири.

Расширение географии высших технических учебных заведений в 1930–1950-е гг. наряду с резко возросшим объемом индустриального строительства в 1950-е гг. обусловило как увеличение количества выпускников вузов восточных районов страны, так и рост потребности в инженерно-технических кадрах. Поэтому в возрастной группе 1920–1929 гг. рождения соотношение в сравнении с первой группой несколько изменилось: 11 чел. являлись выпускниками вузов западной части страны (Москва, Одесса, Днепрпетровск, Ростов-на-Дону), а 10 чел. окончили уральские или сибирские высшие учебные заведения.

Перелом происходит в 1960-е гг., когда к руководству промышленными предприятиями, транспортными и строительными организациями приходят люди, родившиеся в 1930–1939 гг., окончившие высшие учебные заведения в 1950-е гг. Количество руководителей – выходцев из уральских и сибирских вузов впервые превысило численность выпускников вузов европейской части СССР.

Несмотря на большой размах строительства в Ангаро-Енисейском регионе в 1970–1980-е гг. и государственную поддержку трудовой миграции из центральных районов страны в Сибирь, в новой генерации руководящего состава сектора региональной экономики явно доминировали выпускники уральских и сибирских вузов. Роль кадровой столицы для промышленности региона переходит от Свердловска, Томска, Иркутска к Красноярску, что также вполне закономерно. Красноярский край тогда по масштабам и темпам индустриального строительства значительно превосходил Иркутскую область [4, с. 103–105].

Перечень вузов, которые оканчивала технократическая элита региона в этот период, довольно точно отражал структуру производительных сил в восточных районах страны. Например, среди московских вузов выделялся Московский энергетический институт (МЭИ).

В числе его выпускников, оказавшихся в Сибири, можно выделить В. Боровского и В. Брызгалова – руководителей двух крупнейших энергетических управлений страны: «Иркутскэнерго» и «Красноярскэнерго». Достаточно отметить, что в структуру этих организаций входили четыре самые мощные на тот момент гидроэлектростанции мира: Саяно-Шушенская, Красноярская, Братская и Усть-Илимская.

Из стен МЭИ вышли хозяйственные руководители, а затем крупные чиновники В. Плисов – председатель Красноярского крайисполкома конца 1970-х – начала 1980-х гг. и В. Яковенко – первый заместитель начальника Братскгэсстроя.

Второе место по числу выпускников также вполне закономерно занимал Московский горный институт. Этот вуз в разное время окончили начальник Норильского горно-металлургического комбината А.П. Завенягин и начальник специального управления «Братскгэсстрой» И.И. Наймушин, генеральный директор ПО «Востсибуголь» А.К. Барредо и главный инженер этой структуры В.П. Рязановский.

Кроме того, состав региональной технократической элиты пополнялся выпускниками более 15 столичных вузов инженерно-технического и экономического профиля: МВТУ, МАИ, МИИТ, МИСИ, МИНХ, МИИЖТ и др. Московские вузы окончили многие видные представители технократической элиты: А.Е. Бочкин – руководитель строительства Иркутской, Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, Б.И. Колесников – генеральный директор Норильского горно-металлургического комбината, М.Ф. Решетнев – генеральный директор НПО прикладной механики, А.Т. Головатый – начальник Восточно-Сибирской железной дороги, затем заместитель министра путей сообщения.

Около 13 % от числа исследованных респондентов получили второе высшее образование. Поскольку большинство представителей региональной технократической элиты имело техническое образование, неудивительным выглядит факт получения ими второго – экономического или специального управленческого – образования. Безусловным лидером здесь являлась кузница управленческих кадров – Академия народного хозяйства. Ее окончили семь хозяйственных руководителей, среди которых В.Г. Авлов – генеральный директор ПО «Лензолото», В.А. Гуськов – генеральный директор ПО «Красноярскуголь», В.Ф. Дубинин – генеральный директор ПО «Иркутскгеология», П.В. Романов – генеральный директор химического комбината «Енисей».

Успешной карьере руководителей способствовало и высшее политическое образование, которое они получали в Академии общественных наук (АОН) или в Высшей партийной школе (ВППШ). Так, генеральный директор ПО «Востсибуголь», будущий министр угольной промышленности СССР М.И. Щадов окончил ВППШ при ЦК КПСС, начальник Главкрасноярскстроя В.Г. Терещук – АОН при ЦК КПСС.

Приведенные сведения позволяют говорить об очень высоком уровне социальной мобильности в со-

ветском обществе, что было обусловлено не только идеологическими установками правящего режима, но и ментальными характеристиками молодежи европейской части России, Урала, Сибири, Восточной Украины. Честолюбивые амбиции выходцев из советской провинции активно поддерживались властью. Из них формировалась основа руководящих хозяйственных кадров промышленных центров Восточной Сибири в последние 25 лет существования Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинovieв А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М., 2009.
2. Ножиков Ю.А. Я это видел, или Жизнь российского губернатора, рассказанная им самим. Иркутск, 1998.
3. Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма. М., 1980.
4. Красноярский взлет. 1971–1990. Красноярск, 2004.

УДК 314.727.2

О.В. ГОРБАЧЕВ

МАЛЫЙ ГОРОД И СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург
e-mail: og_06@mail.ru

Цель статьи – рассмотрение перспектив демографического развития сельской местности вблизи малых городов в условиях российской урбанизации. Актуальность проблемы определяется как последствиями активной депопуляции села во второй половине XX в., так и необходимостью уточнения места малых городов в урбанизационных процессах. Рассматриваются специфика появления и функционирования малых городов в России, характеризуются их основные разновидности. Выделяются типы демографической модернизации сельской территории, прилегающей к малым городам. Делается вывод, что наиболее органичную модель демографической модернизации сельской округи предлагают малые города-спутники в силу их принадлежности к агломерациям вблизи мегаполисов.

Ключевые слова: малый город, урбанизация, демографическое развитие села, агломерация, миграция населения.

Тезис о медленном умирании малого города является одним из наиболее расхожих в научной литературе и околонаучной журналистике, связанной с урбанистической проблематикой. Проблема, особенно в связи с положением дел в моногородах (или монопрофильных поселениях (МПП)), действительно не дает повода для оптимизма. Пессимистическая тональность не ограничивается рамками сегодняшней ситуации и присутствует в оценке урбанистического развития еще начала XX в. («малые города доживали свой век») [1, с. 289]. Тем не менее, малые города сохраняются и, несмотря ни на что, в исторической перспективе оказываются довольно устойчивыми. Причина ситуации кроется в особенностях российского урбанистического развития.

Фактор постоянной военной опасности в сочетании с ограниченной ролью ремесла и торговли приводил к тому, что города в нашей стране возникали преимущественно как политико-административные центры (центры княжеств, уездов, приграничные крепости и т. п.). В условиях недостаточности людских

ресурсов для сплошного освоения огромной территории города являлись своего рода опорными пунктами развития, неким поселенческим каркасом. При этом они могли играть роль центра по отношению к близлежащей сельской округе лишь в том случае, если таковая существовала. В районах нового освоения (на юге, севере или востоке) города выступали как самостоятельные поселения, как центры анклавного типа и постепенно, по мере накопления сил, включали в зону своих интересов прилегающие неосвоенные земли.

Из скандинавской летописи до нас дошло определение Руси как «гардарики», т. е. «страны городов». Г.М. Лаппо и П.М. Полян, цитируя американского профессора Ч. Гарриса, называют Россию «страной больших городов»¹. И то, и другое определение, на наш взгляд, свидетельствует не столько о степени город-

¹ Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/prostranstvo_goroda/results_urbanizatsii (дата обращения 22.12.2010).

ского развития, сколько о той огромной роли, которую играют города в жизни страны.

Статус поселения в России исторически определялся государством. Чаще всего село становилось городом в результате приобретения им административных функций – центра уезда (в советское время – района). Это совершенно не означало, что поселение автоматически приобретало другие городские функции. Напротив, нередко были случаи, когда поселение вполне могло претендовать на роль города, но городского статуса не имело.

К сожалению, у нас часто бывает затруднительно определить, что такое город. По этому поводу хорошо высказался А.И. Трейвиш: с точки зрения иностранца, длинные ряды деревянных строений с приусадебными участками, обычные для российских, особенно небольших городов, едва ли можно считать городскими («А когда же начнется город?»). Напротив, если житель России оказывается в Западной Европе, то не видит ничего деревенского в центрах сельских коммун где-нибудь во Франции – хотя и небольших, но состоящих сплошь из каменных зданий [2].

Убедительную для своего времени попытку выявить «истинно» городские поселения в начале XX в. предпринял В.П. Семенов-Тянь-Шанский. Среди примерно 35 критериев главными представлялись доля населения, занятая в сельском хозяйстве, и бойкость торгово-промышленного оборота на душу населения [3, с. 79]. В советское время процесс градообразования продолжился с применением прежних административных принципов, а потому выдвинутые Семеновым критерии города, с их явным акцентом на экономическую составляющую, нуждаются в уточнении.

Взгляды государства и специалистов на то, что такое город в России, как правило, не совпадают. Если для государства чаще всего доминирующей является политико-административная функция города, то специалисты видят проблему шире. Именно поэтому урбанисты конца XX в., оценивая результаты советского городского развития, предложили термин «псевдоурбанизация» (А.С. Ахиезер, В.Л. Глазычев), имея в виду, что многие советские города были лишены ряда необходимых городских признаков.

Можно спорить по поводу правомерности употребления такого определения, но тот факт, что отсутствие необходимых функций (экономической, социальной, культурной и пр.) не стимулировало дальнейшего развития и города, и округа, очевиден. Современные критерии оценки несколько отличаются от предложенных Семеновым-Тянь-Шанским. Они оттачиваются от идеи универсальности процесса урбанизации и потому базируются на мировом опыте городского развития.

Причина односторонности развития многих российских городов выходит за рамки советского опыта, и для нашей страны – явление обычное. При традиционной скудости ресурсов, имевшихся в распоряжении государства, новые города приобретали, как правило, только необходимую на тот момент функцию. Отсюда

узкая «специализация» российских городов: крепости, заводские центры и т. п. Необходимую многоплановость и разнообразие должны были привносить сами горожане (подобно городам Западной Европы), но жесткая административная практика и бедность населения страны этому не способствовали.

Сегодня в России имеется несколько разновидностей малых городов: *города – местные центры* (как правило, райцентры), их – абсолютное большинство; *специализированные центры*; *города-спутники*, возникающие вблизи мегаполисов [4, с. 8]. Что касается размеров, то сейчас общепринятой считается численность населения малого города от 10–12 до 50 тыс. чел. Правда, уже теперь встречаются попытки отнести к малым городские центры с численностью населения до 100 тыс. чел. на том основании, что только по достижении этого размера у города появляется возможность стать центром будущей агломерации, успешно модифицируя прилегающую округу (А.И. Трейвиш). Если вспомнить, что В.П. Семенов-Тянь-Шанский предлагал считать городом поселения с численностью населения уже начиная с 1 тыс. чел., то тенденция к пересмотру оценок налицо и по мере умножения числа мегаполисов в стране выглядит естественной. В 1990-е гг. в России из 1 092 городов 743 (или 68 %) считались малыми [5, с. 75].

Вне зависимости от размера город влияет на прилегающую сельскую местность, однако характер этого влияния различен. В рамках настоящей статьи нас интересует прежде всего влияние на демографическую сферу ближнего села. Говоря о характере демографического развития сельской округи в условиях урбанизации, мы используем термин «демографическая модернизация» (более привычное определение «демографический переход» кажется недостаточным, так как отражает лишь одну сторону процесса – изменения в характере воспроизводства населения, игнорируя миграционную составляющую). Очевидно, что развитие городской среды делает невозможным существование села в прежнем качестве. Соответственно, речь может идти о более или менее органичной модели сельского демографического развития, в котором близлежащие малые города играют не последнюю роль.

Критерии органичной демографической модернизации – сбалансированная половозрастная структура населения, достаточное количество лиц в трудоспособном возрасте для обеспечения местных хозяйственных надобностей и положительный миграционный баланс.

Исходя из разновидностей малых городов, попытаемся выделить следующие **типы** демографической модернизации прилегающей сельской территории:

- 1) село в сфере влияния города-райцентра с развитой экономической сферой;
- 2) село в сфере влияния города-райцентра с депрессивной экономической сферой;
- 3) специализированный малый город в развитом сельском окружении;
- 4) специализированный малый город в малоосвоенном сельском окружении;

5) сельская местность вблизи города-спутника.

В представленной типологии в интересах выявления только основных тенденций отсутствуют смешанные варианты, а также промежуточные типы со средним уровнем развития города или округа.

Как известно, XX в. был для России временем интенсивной урбанизации. Важнейшей ее чертой стало перемещение населения из деревни в город. Этот естественный по своей сути процесс в силу ряда факторов объективного и субъективного свойства принял в нашей стране колоссальные масштабы, поставив в конце концов вопрос о перспективах выживания села вообще. На протяжении второй половины XX в. прослеживаются **два этапа эволюции расселения** (третья и четвертая стадии, по терминологии Р. Джиббса): до 1960-х гг. – отток сельских жителей в города; с начала 1960-х гг. – кульминация роста больших городов и городских агломераций с одновременной потерей населения малыми городами. В начале XXI в. обнаруживаются частичные признаки пятой стадии, т. е. децентрации населения, когда большие города начинают терять население [6, с. 35].

С учетом вышесказанного попытаемся определить перспективы демографической модернизации села вблизи малых городов разных типов. Прежде всего рассмотрим случай **городов-райцентров**. На такие города обычно ориентирована сельская транспортная сеть, именно в них располагаются важнейшие для района культурные, образовательные и торговые учреждения. Вместе с тем райцентр имеет надежное транспортное сообщение с областным (краевым, республиканским) центром, выполняя, таким образом, роль передаточного звена между селом и крупным городом. В советской административной иерархии райцентр мог рассчитывать на определенное количество школ, больниц, кинотеатров. Наличие промышленных предприятий способствовало развитию такого города, но в условиях централизованного распределения средств не определяло его уровень.

Административная роль для градообразования настолько важна, что в советских условиях устойчивыми оказывались даже райцентры-села или поселки городского типа (пгт).

После распада СССР в результате ухода государства из сферы организации производства значимость экономических факторов в жизни малых городов естественным образом возросла. В современной ситуации город-райцентр сохраняет привлекательность как для местных жителей, так и для мигрантов прежде всего в случае своей экономической состоятельности.

Сейчас доля малых городов-райцентров в общей совокупности малых городов варьирует от 57,1 % в Западно-Сибирском до 95,5 % в Волго-Вятском районе, составляя в среднем по России 71 % [7, с. 12]. Нетрудно заметить, что по мере продвижения с запада на восток доля малых городов-райцентров уменьшается. Их место занимают специализированные города, которые создаются в районах нового освоения при

строительстве крупных добывающих либо перерабатывающих предприятий.

Как отмечалось выше, в рамках третьей и четвертой стадий эволюции расселения село интенсивно теряло население. Поток мигрантов был направлен в города, преимущественно крупные. На стороне малых городов всех типов была иерархичность миграции, в соответствии с которой мигранты чаще выбирают для вселения населенный пункт, сохраняющий особенности места выхода [8, с. 71]. Иерархичность миграции свидетельствует о разном уровне жизни на каждой из ступеней (село – малый – средний – крупный город). В этой ситуации у малого города было тем больше возможностей удержать у себя мигрантов, чем лучшие условия для жизни он мог предложить. Эти возможности не стоит переоценивать: согласно данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., по стране в целом за счет иерархических переселений было обеспечено около 10 % механического прироста в городах с населением 20–50 тыс. чел. [9, с. 59]. Однако, если привлечь статистику по европейской части СССР, где имелось существенно больше малых городов-райцентров, чем за Уралом, картина изменится: по данным той же переписи, в Центральном районе мелкие городские населенные пункты с числом жителей до 20 тыс. чел. предпочли 19,2 % мигрантов, а города с населением от 20 до 50 тыс. чел. – еще 14,4 % [10, с. 25]. Это значит, что малые города, преимущественно райцентры, в ходе иерархичных переселений оттягивали на себя в регионе треть (!) (33,6 %) всех мигрантов из села.

Таким образом, малые города-райцентры в советских условиях были приемлемой альтернативой прежде месту жительства для большей части сельских мигрантов. В этом случае город не только сохранял, но и расширял возможности воздействия на прилегающую сельскую территорию в ходе ее последующей хозяйственной модернизации, способствовал стабилизации миграционного оттока. Различия между первым и вторым типами демографического развития села (экономически развитый и депрессивный малый город-райцентр) в советских условиях не были определяющими, но в современной ситуации приобрели большое значение.

Обратимся к **специализированным городам**. Первое, что отличает их от городов-райцентров, – то, что при своем возникновении они в гораздо меньшей степени были связаны с сельской округой. Как правило, большинство населения таких городов работает на одном предприятии. Характер занятости определяет половозрастные диспропорции в развитии населения и в конечном счете способствует оттоку жителей, в первую очередь молодежи. В советские десятилетия эти проблемы сглаживались гарантированной занятостью и стабильной оплатой труда.

В постсоветское время стало очевидным, что благосостояние большинства жителей в решающей степени зависит от положения дел на городском предпри-

ятии. А поскольку это же предприятие нередко является владельцем городской энергосистемы, ухудшение положения дел на нем сказывается не только на кошеляках, но и на количестве света и тепла в домах всех без исключения жителей города.

Существенное значение имеет местоположение специализированного города. В условиях развитого сельского окружения (как в текстильных городах староосвоенного центра России) выше оказываются возможности и альтернативной занятости (через развитие сферы производства и переработки сельскохозяйственной продукции), и привлечения людских ресурсов из села. Если же речь идет о монопрофильных городах севера и востока страны, то скомпенсировать неизбежный отток рабочей силы часто оказывается невозможным.

В границах третьего типа демографического развития (специализированный малый город без административного статуса в развитом сельском окружении) иерархичные переселения были не очень удобны для мигрантов из села: в таком городе они не могли рассчитывать на лучшие условия жизни по сравнению с местом выхода и предпочитали более крупные города.

В советской практике специализированный малый город, не имевший административного статуса, теоретически мог привлечь мигрантов в случае, если обладал союзной либо республиканской подчиненностью и тогда мог рассчитывать на иные стандарты социального обеспечения. Однако дело в том, что такая подчиненность нередко сочеталась с закрытостью (некоторые «наукограды», центры оборонной промышленности и т. п.), и потому такие города были недоступны для переселенцев.

Ситуация с четвертым типом демографического развития наиболее очевидна. Относительно молодой город существует вне связи с прилегающим селом чаще всего по причине отсутствия или крайней неразвитости сельского освоения прилегающей территории.

В современных условиях специализированные малые города в развитом сельском окружении имеют лучшую перспективу, чем прежде, поскольку появляется возможность использовать потенциал этого окружения в случае, если ведущее предприятие города окажется убыточным. К сожалению, этого нельзя сказать о городах четвертого типа. Во многих из них, особенно на востоке страны, отмечена резкая депопуляция, при этом мигранты, как легко догадаться, переезжают не в близлежащую сельскую округу, а в крупные города европейской части России.

Города-спутники и их территориальное окружение (пятый тип) наиболее благополучны. В советские годы многие из них воспринимались как элитные. «Осколки» большого города, подрастеряв былые преимущества, могут тем не менее рассчитывать в ближайшем будущем на приток населения, связанный с децентрацией населения в рамках очередного этапа урбанизации. Будучи уже в советское время частью крупной городской агломерации, города-спутники не-

редко обладают преимуществами и большого, и малого города (Зеленоград и Пущино под Москвой, Новосибирский академгородок, Нововоронеж под Воронежем и т. п.).

Можно утверждать, что города-спутники оказались наилучшим образом интегрированы в окружающую среду. Другое дело, что сельские поселения вблизи городов-спутников в конце концов остаются таковыми лишь по названию. Фактически они живут по законам большого города, принимая на себя хозяйственную, рекреационную и другие функции, оперативно реагируя на городской спрос. Жители мелких поселений вблизи такого малого города воспринимают его как локальный центр, вместе с тем постоянно чувствуя близость мегаполиса. Предвидя сожаления поборников чистоты сельского образа жизни, приходится тем не менее признать, что сегодня это наиболее органичная модель демографической модернизации села, а возврата к патриархальным формам сельской жизни в ближайшей перспективе не предвидится.

Как было сказано, мы не рассматривали смешанные варианты. Тем не менее, они встречаются довольно часто (чаще всего в сочетании 1-го и 3-го, либо 2-го и 3-го типов). В их развитии, в зависимости от политической ситуации (советский либо постсоветский период), доминировала какая-либо одна из составляющих.

Предпринятый анализ убеждает в следующем. Среди выделенных пяти типов сельской демографической модернизации вблизи малого города самым успешным оказывается **пятый** (города-спутники) как наиболее соответствующий глобальным закономерностям процесса урбанизации. Затем следуют **первый и второй** типы развития – города-райцентры с более или менее развитой экономической сферой. И город, и прилегающая округа развиваются успешнее, если формируются в ходе естественной эволюции системы расселения, а государство, придавая административный статус малому городу, лишь фиксирует сложившееся положение вещей (первый тип). Напротив, превращение незначительного в экономическом смысле поселения в райцентр в результате волевого административного решения, хотя и дает городу шанс, но не делает его автоматически успешным и не спасает от депрессии прилегающую сельскую округу (второй тип).

Что касается **третьего** типа демографической модернизации, то, несмотря на устойчивые связи специализированного малого города с сельской средой, отсутствие центральности не способствует успешному развитию. Это обстоятельство убеждает в крайней желательности административного статуса для такого рода поселения в российских условиях.

Завершает список **четвертый** тип развития, наиболее административно детерминированный – специализированный малый город в отсутствие развитого сельского окружения. С учетом того, что большая часть России, особенно за Уралом, находится, как и прежде, в зоне нового освоения, следует задуматься о

возможности продолжения политики экономической экспансии на восток в прежних формах. В мировой практике есть примеры успешного вахтового освоения территории, которое может прийти на смену нежизнеспособным малым городам в неразвитом сельском окружении в условиях хронического дефицита населения [2, с. 277].

В заключение заметим, что внеагломерационные возможности малых городов по демографической модернизации села являются весьма скромными. Село же само по себе, вне связи с городом, сейчас нежизнеспособно. Поэтому перспективы успешного сельского развития в современной России неизбежно связываются, как ни парадоксально, с ростом крупных городов и городских агломераций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1.
2. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М., 2009.
3. *Город и деревня в России: сто лет перемен.* М., 2001.
4. Программа «Малые города России» // Балобанов А.Е. и др. Муниципальные стратегии – сделано в России. М., 2004.
5. *Тяпкина О.А.* Малый город в структуре городских поселений России во второй половине XIX – начале XX в. // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сб. науч. тр. Барнаул, 2004.
6. *Мазур Л.Н., Бродская Л.И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: Опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.
7. *Дубовик М.* Проблемы молодежи малых и средних городов России // *Alma mater.* 2008. № 2.
8. *Миронова Г.Л.* Демографическая ситуация в сельских поселениях ЦЭР (на примере Брянской области) // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С. 71.
9. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
10. Миграция населения РСФСР. М., 1973.

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической

СООБЩЕНИЯ

УДК 930.85(574)

К.В. ДМИТРИЕНКО

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛЕКСЕЯ ИРАКЛИЕВИЧА ЛЕВШИНА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАЗАХОВ

Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск
e-mail: dmitrienkokseniya2009@rambler.ru

В статье рассматривается фундаментальная работа А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей», изданная в 1832 г. Эта книга часто цитируется исследователями, что свидетельствует о ее актуальности при изучении истории и культуры Казахстана. Ее автор знакомит с архивными материалами, результатами своих полевых исследований, дает подробный географический обзор Казахстана, впервые обращается к вопросам этногенеза казахов, их материальной и духовной культуре. Показано значение труда А.И. Левшина при изучении различных аспектов политики, экономики, культуры и быта казахов.

Ключевые слова: киргиз-казацкие, киргиз-кайсацкие, орды, степь, аул, старейшины, султаны, ханы, жуз, Левшин.

Известный русский ученый-историк, литератор и государственный деятель А.И. Левшин (1797–1879) стоял у истоков создания Императорского Русского географического общества. Этот период его деятельности подробно освещен И.В. Ерофеевой [1, с. 533–594]. Наиболее известен А.И. Левшин как автор фундаментального труда «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей», изданного в 1832 г. В 1996 г. книга была переиздана казахстанским издательством «Санат». Нами при цитировании используется последний вариант издания.

А.И. Левшин, получивший превосходное гуманитарное образование в Харьковском университете, интересовался историей, этнографией, статистикой, экономикой, искусством, проявлял себя как организатор науки. С архивными материалами о казахах он познакомился в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, куда был определен после окончания университета, а в процессе своего карьерного роста предпринимал и полевые исследования. В Оренбург он был послан в составе дипломатической миссии во главе с В.Ф. Тимковским, специально направленным российским правительством для «совершенствования местного судопроизводства, создания благоприятных условий для развития внешней торговли по Оренбургской линии со странами и улучшения политических взаимоотношений с казахами и народами сопредельных государств» [1, с. 549]. С назначения А.И. Левшина в качестве помощника руководителя дипломатической миссии по сношению с «киргиз-

казацкими ордами» начинается время изучения им казахов как одного из кочевых народов Азиатской России. Ему не раз приходилось бывать в экспедициях в степи и встречаться с казахами. Он общался с внуком хана Младшего жуза Абулхайра и сыном хана Айчувака, одним из претендентов на ханский престол Сергазы, султанами и другими не менее влиятельными представителями казахской степи. Часто бывая в казахских аулах, он наблюдал быт, нравы и культуру степняков. Все свои наблюдения он заносил в дневники, которые дополнял материалами из архива и научной библиографией.

Работа с казахами настолько увлекла Левшина, что он задумал написать книгу по истории казахского народа начиная с древнейших времен. К середине 1820-х гг. им было завершено несколько разделов столь фундаментального труда. В это время он трудился на юге России под руководством графа М.С. Воронцова. Тогда была опубликована его статья «Об имени киргиз-кайсацкого народа и его отличии от подлинных, или диких киргизов» в журнале «Московский вестник»¹.

После завершения кропотливой работы над фундаментальным трудом и решения финансовых проблем для его издания, в октябре 1832 г. он был напечатан в петербургской частной типографии Карла Крайа тиражом в 400 экз. Издание включало три части. Первая часть отражала общую

¹ Московский вестник. 1827. № 4. С. 432–451.

физико-географическую картину казахских степей, вторая – историю казахского народа с древнейших времен до начала XIX в., а третья была посвящена этнографии казахов. К тому же труд был снабжен солидным научно-справочным аппаратом, каждая часть имела приложения, планы, различные таблицы, карты, схемы, гравированные и литографированные рисунки и т. д. Фундаментальный труд А.И. Левшина сразу стал библиографической редкостью и нашел широкий отклик среди современников, в том числе П.П. Семенова-Тян-Шанского, М.И. Венюкова, В.В. Бартольда, Ч.Ч. Валиханова и др. Левшин был избран действительным и почетным членом десяти научных обществ России и почетным членом трех обществ европейских стран.

В первой части подробно описаны климат Казахстана, его гидроресурсы, характер почвы, полезные ископаемые, геологические сведения, растительный и животный мир, археологические памятники и т. д. Автор опирался на материалы ряда экспедиций, совершенных в первой половине XIX в. русскими исследователями, в частности, А.Ф. Негри, Ф.Ф. Бергом, И.П. Шангиным. Заслуживает внимания характеристика ландшафтных зон на территории Казахстана, где Левшин опирается на учение А. Гумбольдта о ландшафтах. Интерес вызывает описание р. Сыр-Дарья и Аральского моря. Он пишет, например:

Арабские и персидские географы именуют Аральское море Ховарезмским, Харазмским и Ургенджским озером, но киргиз-кайсаки и соседственные с ними народы называют оное Арал Денгис, то есть Островитое море... В восточной части моря Аральского есть многие малые острова, именуемые Барсакайтмас; а в северной половине один большой остров, называемый Барсакельмес, на коем растет лес [2, с. 50].

Вторая часть труда «Исторические известия о киргиз-кайсаках, или киргиз-казаках» состоит из пяти глав, где освещается история казахского народа. В начале первой главы «Об имени киргиз-кайсаков и отличии их от подлинных, или диких киргизов» Левшин пишет: «...название *казак*,... принадлежит киргиз-кайсакам с начала их существования, и ... они себя донныне иначе не называют, как *казаками* (казак)» [2, с. 135]. Заканчивается глава утверждением:

...орды, которые в летописях наших XVI и XVII столетий не имеют другого названия, кроме орд *казачьих*, в дополнение к собственному имени своему *казак* получили прилагательное *киргиз*, из чего сначала вышло *киргиз-казак*, потом *киргиз-касак* и, наконец, *киргиз-кайсак*. Основываясь на сем, мы полагаем справедливым вместо искаженного слова «кайсак», употреблять «казак», а потому говорить и писать *киргиз-казаки*, или *киргиз-казачьи орды*, вместо *киргиз-кайсаков* и *киргиз-кайсацких орд*. Таким образом, можно сохранить сему народу название, которого, по крайней мере, вторая часть будет подлинное его имя, а первая останется при второй как прилагательное, или прозвание, данное россиянами [2, с. 144].

Следует подчеркнуть, что русский историк впервые научно обосновал вопросы этногенеза казахского народа.

В третьей главе второй части рассматриваются факты и события, посвященные русско-казахским отношениям XVI – начале XVIII в. Опираясь на солидные источники, в первую очередь русского происхождения, А.И. Левшин

подробно описывает историю казахов вплоть до принятия ими российского подданства. Его описание изобилует сюжетами из истории казахско-джунгарских, казахско-башкирских и казахско-русских взаимоотношений. По характеристике хронологии тогдашних событий и действий казахских ханов в борьбе с иноземными агрессорами вполне возможно судить о компетентном подходе русского ученого к изучению политической истории казахов. Так, история Младшего и Среднего жузов рассматривается со времени установления дипломатических связей казахов с россиянами и до начала XVIII в. Особое внимание автор обращает на причины, побудившие казахов Младшего жуза пойти на принятие русского подданства. Он дает политическую характеристику известным казахским ханам и султанам, которые поддержали принятие российского подданства, а также их противникам, выступавшим против вхождения в состав России. Левшин подробно пишет о предыстории принятия казахами российского подданства:

Надобно было искать одной опоры против всех врагов, надобно было требовать помощи от России. Мысль сия, может быть, не раз занимала тогда благоразумнейших старейшин и султанов, но ее не только трудно было исполнить, но даже и предложить простому народу... несчастные обстоятельства, непрерывные внутренние кровопролития и хитрый ум хана Абульхайра изменили расположение народа до такой степени, что он после некоторых слабых опытов сопротивления, решился, по личным видам одного человека, привести в действие то, к чему не могло склонить его общее благо. Я разумею здесь добровольное покорение его императрице Анне, случившееся в 1730 году... [2, с. 169].

Третья часть «Этнографические известия» охватывает широкий круг сведений о материальной и духовной стороне жизни казахов. Описание основано на полевых материалах, что свидетельствует о научном подходе к изучению заданной темы. Названия глав третьей части отражают научные интересы исследователя. Первые пять глав касаются этнического состава, образа жизни и миграций казахского населения. Далее описаны физические черты казахов, их пища, одежда, вооружение, нравы, обычаи и другие стороны их быта и культуры. Автор пишет:

...вообще киргизы разделяют себя на два разряда – на *белую кость* и на *черную кость*. К *белой кости* принадлежат только *ханы* и потомки их, носящие название *султанов*. Ревностные мусульмане относят сюда же *ходжей*, или потомков святых угольников магометанского календаря. *Черною костью* называют не только простой народ, но даже старейшин и прочих начальников, не имеющих наследственного достоинства [2, с. 291].

А.И. Левшин раскрывает этнический состав и расселение казахов трех жузов на протяжении XVIII – первой четверти XIX в. Он описал места кочевков наиболее крупных родов и в подтверждение своей мысли привел казахские тамги Меньшего и Среднего жузов, по которым исследователям несложно определить их родовую принадлежность и места обитания. Подробно описывает он юрту казахов:

Жилище киргиза (казаха. – К. Д.) есть *кибитка*, или *юрта*, то есть со всех сторон округленная палатка, состоящая из дере-

вянных решеток, покрытых войлоками, и имеющая сверху, над самой серединой, большое круглое отверстие, по произволу открываемое и закрываемое: через него проникает свет и выходит дым, когда разводят в кибитке огонь. ...Кибитки простых киргизов (казахов. – К. Д.) обыкновенно делаются из войлоков *серых*, знатные и богатые употребляют для сего *белые* войлоки, а у некоторых сильных султанов Средней и Большой орды юрты бывают обтянуты красным сукном и подбиты шелковыми тканями [2, с. 295–296].

Так же подробно описывает исследователь пищу казахов. В частности, «обыкновенные кушанья его суть мясо – баранье, лошадиное, козлинное, иногда верблюжье и изредка говядина. ...Известнейшее киргизское (казахское. – К. Д.) кушанье, называемое *бишбармак*, готовится из мяса, мелко искрошенного и смешанного с кусочками сала» [2, с. 304]. Особое внимание уделяется напиткам, технологиям их изготовления; подробно рассказывается о кумысе, айране, араке и т. п.

Внимание ученого привлекают обряды казахов – сватовство, калым, сговор молодых, свадебные торжества, рождение детей, обычаи приема гостей, праздники, игры и др.

УДК 94(470.55/.58)

С.Н. КУЛИКОВСКИХ

«ОТ ИМЕНИ РАБОЧИХ ЗЛАТОУСТОВСКИХ ЗАВОДОВ...»

Южно-Уральский государственный университет,
филиал в г. Златоусте
e-mail: zlat-susu@yandex.ru

В статье рассматривается деятельность Златоустовского завода по выпуску художественно украшенных изделий в 1920–1930-е гг. Междисциплинарный подход к изучению индустриальной культуры позволяет комплексно рассмотреть такую сферу уральского производства, как художественный металл, представляющую собой сплав науки, производства, ремесла и искусства. Будучи артефактом индустриального наследия, он принадлежит и области художественной. Основу исследования составили документальные свидетельства и архивные источники, которые публикуются впервые.

Ключевые слова: завод, ударный цех, наградной именной топор, массовое производство.

Продукция Златоустовского завода, старейшего на Южном Урале металлургического и металлообрабатывающего центра, и входившей в его состав оружейной фабрики¹, известны далеко за пределами России. Секрет булата, открытый выдающимся ученым-металлургом П.П. Аносовым, а затем и производство литой стали под руководством П.М. Обухова позволили в XIX в. наладить выпуск холодного оружия для нужд российской армии и флота [1, с. 524–531]. В тот период оружейники и художники-граверы Златоустовского завода в условиях промышленного производства заложили основы художественной металлообработки [2], вошедшей в отечественную историю как златоустовская гравюра

Интересуется он семейным бытом, врачебным искусством, астрономическими и метеорологическими знаниями, системой летосчисления. В его работе можно найти подробные сведения о музыкальных инструментах (например, о кобызе и чибызге), мерах длины и веса естественнонаучных знаниях и т. п.

Анализ фундаментального труда А.И. Левшина свидетельствует о том, что этот труд является одним из главных источников при написании научных работ по самым различным аспектам политики, экономики, культуры и быта казахов. Обращаясь к наследию Левшина, современные исследователи находят бесценные сведения из истории и культуры казахов XVIII – начала XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерофеева И.В.* А.И. Левшин и его труд «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» // Левшин А.И. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996.

2. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996.

на стали [3]. Такое оружие производилось исключительно по заказам царского двора и «высоких особ», воспринималось как ценный дар, награда. Не случайно уральские клинки входили в коллекции Императорского Эрмитажа [4], Царскосельского Арсенала [5]. И сегодня это «золотой фонд» многих музеев России и Европы [6–9; 10, с. 112, 114, 201].

Перемены, последовавшие за революционными событиями начала XX в., отразились на характере продукции Златоустовского завода. Весной 1920 г., вскоре после эвакуации заводского имущества из Томска², на 2-й Челябин-

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3. Оп. 5/7. Д. 1. Л. 139. Положение Комитета министров об утверждении оружейной фабрики. 1815 г.

² Летом 1919 г. ценное оборудование, ведущие специалисты и рабочие Златоустовского завода и Оружейной фабрики на 227 вагонах были вывезены войсками А.В. Колчака в Сибирь, где часть ценного оборудования была утрачена, а основная масса из 1 800 эвакуированных рабочих и служащих погибла от голода и тифа.

ской губернской партконференции одним из главных был вопрос хозяйственного строительства [11, с. 94–97]. Районное правление заводов Южного Урала утверждает первую производственную программу. В текущем году требовалось отлить 70 тыс. пуд. мартеновской стали, выпустить пил поперечных 110 тыс. шт., сверл спиральных – 10,5 тыс. шт., метчиков – 4,8 тыс. комплектов, шашек кавалерийских – 55 тыс. единиц [12, с. 6]. С 1921 г. из нержавеющей стали изготавливают столовые ножи и вилки, клинки, качественный инструмент, в том числе деревообрабатывающий, из восьми наименований особой статьёй являлись топоры всех видов; выпускалась и другая продукция.

Как и по всей стране, на Урале разворачивается социалистическое соревнование, высшей формой которого стало движение передовиков производства – ударников³. Цеха и корпуса заводов украшают лозунги с призывом включиться в соревнование: «От ударных бригад – к ударным цехам и заводам!» [13, с. 315]. Одной из первых на Урале была бригада комсомольцев топорно-молоткового (кузнечного) цеха Златоустовского механического завода. «Комсомольская правда» писала о первых успехах бригады, работа которой была организована по-ударному: установлена строгая дисциплина, создана новая технология обработки топоров, внедрен поточный метод⁴. В ноябре 1927 г. ударники изготовили 13 924 топора, в декабре – 21 098 топоров, в то время как девять опытных кузнецов, «работавших по старинке», дали только 9 532 топора. Годовая выработка комсомольской бригады составила 27,7 тыс. топоров в расчете на одного рабочего, что на 12,7 тыс. топоров превышало среднюю выработку по цеху [Там же, с. 315–316]. Вскоре весь цех включился в соревнование, объявив себя «Красной кузницей».

К XV съезду партии рабочие цеха-ударника подготовили своеобразный отчет о достижениях, оформив его в виде панно, представляющего «Диаграмму роста производства топоров за десять лет». На щите двумя рядами представлены десять изящно исполненных топориков. На лицевой «щечке» каждого из них выгравирован год: с 1918 по 1927, и соответствующая итоговая цифра выпуска. Так, в 1920 г. изготовлено 134 910 топоров, в 1923 г. – 336 104, в 1925 г. – 787 727, а в 1927 г. – 1 604 054 топора. В такой оригинальной форме «кузнецы социалистического строительства», рабочие Златоустовского механического завода отчитывались перед «вождем и руководителем хозяйственной и политической жизни СССР, твердыней ленинизма»⁵. В декабре 1929 г. в числе делегатов на I Всесоюзном съезде ударников были директор завода Н.В. Гусев и бригадир ударной молодежной бригады топорно-молоткового цеха «Красная кузница» В. Симонов. Работу съезда освещала «Правда». Вся страна узнала об успехах уральцев, поскольку со страниц газеты прозвучал призыв «особо изучать опыт ударных коллективов Златоуста» [14, с. 83, 84].

³ Об ударных группах в цехах // Пролетарская мысль. 1924. № 761. 11 окт.

⁴ Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957. С. 126.

⁵ Маркелов В. Славы доброй следы // Златоустовский рабочий. 1967. 27 окт.

Весной-летом 1929 г. были разработаны контрольные цифры развития Златоустовского завода на первую пятилетку (1928/29–1932/33 гг.). Специализация по выпуску высококачественных сталей сохранялась. На текущий год запланировано изготовление 3 450 тыс. топоров плотничных полированных, топоров плотничных лакированных, топоров колунов и других изделий⁶. В следующем году их выпуск должен возрасти до 4 750 тыс. шт.⁷ В конце пятилетки топорно-молотковый цех освоил выпуск охотничьих топориков, молотков немецких и молотков английских⁸.

Самой массовой продукцией уральского предприятия стал топор. Украшенное оружие также выпускалось, однако производство его год от года сокращалось. Уместно заметить, что в 1928 г. «почетной работой» местных мастеров было изготовление украшенного наградного оружия ЦИК СССР и Реввоенсовета [3, с. 19].

Цех⁹, где еще недавно миниатюрами украшались стальные клинки, перешел к производству наградных и подарочных... топоров. Традицию украшения стальной плоскости клинка граверы (что вполне закономерно) перенесли на украшение нового по форме и назначению предмета. В силу данного обстоятельства среди почетных наград появился хозяйственный топор как символ новой жизни. Подобные предметы вручались в торжественной обстановке. Они украшались надписями, например: «От имени рабочих Златоустовских заводов фабрично-заводской комитет дельному человеку и товарищу Федору Васильевичу Коростелеву»¹⁰. Текст, заключенный в фигурную рамку из стилизованных цветов и листьев, выполнен травлением на серебристом полотне топорика на фоне индустриального пейзажа.

Как и наградное оружие за храбрость и личное мужество в армии, украшенный топорик вручался за успехи на трудовом фронте самым достойным работникам в разных

⁶ Архивный отдел администрации Златоустовского городского округа (АОАЗГО). Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 185. Л. 21–22.

⁷ Там же. Л. 166 об. – 167.

⁸ Там же. Д. 445. Л. 83–83 об.

⁹ Оружейная фабрика официально открыта в декабре 1815 г. как самостоятельное подразделение Златоустовского казенного завода. Прекратила свое существование в середине 1920-х гг., переведена в статус цеха, затем гравюрного отделения цеха Златоустовского механического завода, в 1930-е гг. получила наименование «Художественное отделение цеха имени М.В. Фрунзе» Златоустовского инструментального завода имени В.И. Ленина. Вплоть до 1990 г. художественное отделение функционировало в составе Златоустовского ордена Трудового Красного Знамени машиностроительного завода им. В.И. Ленина. В связи с конверсией старейшее предприятие Южного Урала было остановлено, но в художественном отделении еще некоторое время продолжались работы. В настоящее время в здании бывшей Оружейной фабрики расположены производственные цеха предприятия ПО «Завод “Булат”», ныне ООО «Златоустовская гравюра на стали», продукцию которого можно встретить на выставках, в художественных салонах и в магазинах городов России: настенные панно, ножи охотничьи, кинжалы, сабли, посуда, церковная утварь и проч.

¹⁰ Ф.В. Коростелев – активный участник революционных событий на Урале. Топорик декоративный подарочный. Автор неизвестен. 1922. – Златоустовский краеведческий музей (далее ЗКМ). Инв. № 5301.

сферах производства. Труженикам промышленности «от имени рабочих коллективов...» преподносились они в качестве ценного подарка. Так, в знак благодарности для своего товарища, члена окружкома, делегата на XIV Всесоюзный партсъезд, «за его внимание, за всю его политико-воспитательную помощь» рабочие изготовили «тщательно отточенный топор с тонко выгравированной надписью: «Юлиану Петровичу Кассе – кузнецу счастья труда – от рабочих и служащих кузнечного цеха»¹¹. Слова: «За лучшее предложение о производственных совещаниях на смотре 10.I.1929 г.» выгравированы на свитке, подобном развернутой киноленте; на обороте – надпись «Производственные совещания орган выявления самостоятельности рабочих»¹².

Годы первых пятилеток – время «расцвета народного творчества» газета «Правда» называла «золотым веком» [15, с. 64]. Искусство тех лет получило новое содержание. Художники и мастера златоустовской гравюры на стали своим творчеством воспедали мощь и силу молодой республики. Они подтверждали, что их искусство в первую очередь – это труд, социально значимый, социально полезный. На полотне топорика ложились актуальные сюжеты, с соответствующими надписями: «Индустриализация – путь к социализму», «Златоустовский индустриальный завод им. Ленина». Изображения выполнялись на фоне расходящихся веером лучей восходящего солнца, уходящей вдаль широкой дороги. Стальные вешалки, фоторамки, спичечницы, украшенные топоры и другие утилитарно-бытовые предметы, «несли искусство в массы», в дома рабочих и крестьян.

Предложение деятелей культуры и искусства страны Советов «обогатить традиционные формы народного бытового орнамента новыми современными, взятыми из окружающего реального мира в сочетании с эмблемами советской власти, труда и Советской Армии» [16, с. 40] было поддержано уральскими оружейниками. Так, в 1922 г. безвестный автор на стальном полотне топорика изобразил сцену, получившую название «Артиллерийская батарея»¹³. Автор выгравировал батальные сцены, в которые включил группы красноармейцев с пушками, отобразив момент боя. Топорик был предназначен для экспонирования на московской выставке «Жизнь и быт Красной Армии», все экспонаты которой должны были показать огромное значение Красной Армии для страны и одновременно создать в искусстве «стиль героического реализма» [17, с. 182].

Постепенно художники-граверы вырабатывают новую стилистику оформления хозяйственных и охотничьих топоров. Использовались травление, позолота, синение и гравирование. На «щечках» и «полотнах» топоров нередко были выгравированы изображения букетов роз и тракторов, поднимающих целину, заводских корпусов с дымящимися трубами, заводоуправления, старой домны и станка, как, напри-

мер, на топоре, предназначенном директору завода¹⁴. Изображение было лишено какой-либо стилизации. С сожалением отметим, что имя автора («работника искусства») осталось в тот период времени, как правило, неизвестным.

Традиционные приемы и формы художественного металла Златоуста, сложившиеся в XIX в., переживали сложный период. По верному замечанию М.А. Ильина, «новое советское содержание <...> произведений никак не соответствовало этим (т. е. прежним. – С.К.) приемам и формам» [16, с. 37]. В убранство изделий входят революционная и советская эмблематика, изображения вождей мирового пролетариата – В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Подарочные, памятные, наградные и именные художественно оформленные топоры и топоры с точки зрения «совместимости несовместимых вещей» относятся к числу самых «странных» памятников в истории русского декоративно-прикладного искусства XX в. Но именно они как художественные предметы были символами для своего времени. Златоустовские топоры 1920–1930-х гг., по мысли З.Г. Малаевой, по аналогии с «агитационным» фарфором и тканями можно определить как «искусство агитационного топора» [17, с. 182].

Октябрь 1935 г. – начало стахановского движения на Златоустовском заводе. Первые рекорды устанавливает пресовщик В. Купцов, который при норме 1 200 топоров в смену сделал 1930 шт., в следующем году на операции «полировка топоров» работница Сыровая изготовила за смену 1 397 шт., что составило 314 % нормы. Это был новый рекорд стахановцев цеха [12, с. 13]. Работники художественного цеха также трудились по-ударному, выполняя высокие сменные нормы. Молодые мастера возрождали технику отжимных ажурных (просечных) работ, в украшении изделий применяли никелевые полутона [3, с. 21]. Наряду с резкой заготовки, штамповкой, обрезкой и полировкой на «художественные» топоры предусматривалось нанесение заводской марки и надписей, для чего были разработаны определенные нормы и расценки¹⁵. Так, за семь часов смены рисовальщик художественного отделения цеха должен нанести монограммы из двух букв на 19,3 изделия, а из трех букв – на 15,7 шт.¹⁶ «Стандарт и ремесленничество» все больше захватывали некогда самое творческое и созидательное направление заводского производства. Глубокий кризис поразил замечательное искусство художественного металла Златоуста. Администрация завода закрывает производство бытовых вещей как неперспективное: фоторамок, вешалок, спичечниц и других предметов, украшаемых гравюрой. На многие десятилетия их место заняли стальные панно.

В рассматриваемый период увидели свет стальные вещи, украшенные так называемой живописью на металле. На стальную плоскость механически переносили живописные шедевры русских передвижников. Обращение к живописи противоречило сути и графической основе искусства

¹¹ Топор – кузнецу. Наброски с одного чествования // Пролетарская мысль. 1926. 21 февр.

¹² См.: Гравюра на стали из Златоуста: Альбом. Челябинск, 1994. Ил. 142.

¹³ Топор декоративный. Автор неизвестен. 1920-е гг. – ЗКМ. Инв. № 5142.

¹⁴ «От инженерн.-техн. работников Златоустовского механического завода 1926 г. Василию Петровичу Зубову». Автор неизвестен. – ЗКМ. Эскиз. Инв. № КП 24892/1.

¹⁵ АОАЗГО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д.444. Л. 30 об. – 33 об.

¹⁶ Там же. Л. 33–33 об.

художественного металла Златоуста, чем объясняется появление грубых, слабо гравированных, крупных изображений, а также грубо проработанного портрета. Златоустовская гравюра, всегда носившая прикладной характер, «оторвалась» от вещи – она уже не украшала предмет, не украшала по сути ничего, кроме вырезанной по шаблону прямоугольной или квадратной металлической доски. Оригинальная стальная миниатюра на плоскости клинка, а затем – топорика, в рассматриваемый период приобрела небывалые формы, увеличилась во много раз (поскольку стальной лист можно было нарезать каких угодно размеров), а затем перешла в категорию многотиражной или массовой продукции.

В конце 1930-х гг. увидели свет стальные «открытки» для календарей из Златоуста, которые были исполнены на стальных листах большого размера, что не имело ничего общего с тонким искусством златоустовской миниатюры. Изделия – пластины, как, например, «Сталин на трибуне», портрет Ленина на фоне инструментального завода или монументальное, во весь рост, изображение Ленина, Камнева, Орджоникидзе, Молотова, несомненно, внушали уважение к вождям пролетариата и руководителям партии и правительства, многие из которых посещали заводы Урала и в том числе Златоуста. Возможно, подобного рода предметы не имели высокой художественной ценности, но как свидетельства материальной культуры определенного исторического момента они, безусловно, бесценны.

В рассматриваемый период украшенные топоры и охотничьи ножи передавались в дар посещавшим в те годы Златоустовский завод иностранным гостям Советской республики – как знак международной солидарности трудящихся. Так, делегат Коминтерна Аннализе Руегт через газету «Пролетарская мысль» сердечно благодарил коллектив уральских умельцев за подарок, который был ей сделан: «Эти прекрасные, очень оригинальные ножи я буду показывать в Швейцарии на всех товарищеских собраниях. Пусть тысячи любят эту изящную художественную работу, которая сделана в Советской России. Единственный в своем роде топор будет помещен в картинках, в книгах и в газетах»¹⁷. В 1925 г., передавая украшенный топорик представителям чехословацкой делегации, старый рабочий заверил: «Это коллективный труд в подарок нашим гостям. Скажите нашим сподвижникам <...> там у себя, что мы строим, мы умеем строить <...> и начатое достроим». В 1928 г. также украшенный топорик с надписью «Французскому комсомолу от златоустовской молодежи» был увезен во Францию [3, с. 20]. Уральские топоры, украшенные видами уральской природы и золотой вязью из букв «РСФСР» на обушке, в большом количестве экспортировались за границу, они были представлены на Всемирной выставке в Лионе.

В послевоенные годы Златоустовский завод возрождает производство топориков. Традиция изготовления богато украшенных охотничьих (подарочных) топориков будет подхвачена следующим поколением художников-граверов и получит дальнейшее развитие до конца XX в. В 1917–1966 гг. на Златоустовском заводе было изготовлено топоров всех видов – 150 314 тыс. шт. [12, с. 48].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в деятельности Златоустовского завода наступил новый период. Одним из массовых видов продукции становится топор. Изготавливались топоры из высококачественной стали, что поддерживало марку завода и города – известного металлургического центра. Появление художественно оформленного топора рассматривалось как символ ударничества; украшенный топор стал символом нового времени, воспринимался как «гимн освобожденному труду». Граверы, отлученные от украшения клинкового оружия, были вынуждены воплощать свои творческие замыслы на полотне топора. В утонченное искусство художественного металла проникли грубые формы хозяйственных топоров и прямоугольные пластины с безвкусным, но современным содержанием. Художественное наполнение изделий носило явно агитационный характер. Несмотря на трудности, художники формулировали концепцию нового стиля, что дало златоустовской гравюре новое дыхание и позволило сохранить искусство украшения изделий из стали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005.
2. Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975.
3. Глинкин М.Д. Златоустовская гравюра на стали. Челябинск, 1967.
4. Miller Juri A. Stahl. Glanz. Gold. Munster, 2000.
5. Царскосельский Арсенал / Сост.: Л.В. Бардовская, Г.Э. Венденский, В.М. Файбисович. СПб., 2000.
6. Абольская Т.И. Златоустовское художественное оружие XIX века из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Л., 1986.
7. Суханов И.П. Художественное оружие. Шедевры Морского музея России. СПб., 2000.
8. Суханов И.П. Оружейные реликвии Российского флота. Из коллекции Центрального военно-морского музея. СПб., 2002.
9. Суханов И.П. Шедевры клинкового оружия. СПб., 2004.
10. Куликовских С.Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.). Челябинск, 2006.
11. Общество и власть: Российская провинция. 1917–1985: Науч. издание. Документы и материалы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): В 6 т. Челябинск, 2005. Т. 1: Челябинская область. Документы и материалы.
12. Чепуров А.А. Развитие Златоустовского ордена Трудового Красного Знамени машиностроительного завода имени В.И. Ленина за 1917–1977 гг.: Сборник документальных данных. Златоуст, 1977.
13. Елисева В.Н. Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965.
14. Верзаков Н.В. Златоустовский имени Ленина. Челябинск, 1971.
15. Смирнова Т.М. Советская повседневность, народное творчество и массовая культура 1920–1930-х годов // Историк и художник. 2005. № 2 (4).
16. Ильин М.А. Избранные работы об искусстве народных промыслов и архитектурном наследии XVI–XX веков. М., 1976.
17. Малаева З.Г., Тихомирова Е.В. Златоустовская оружейная фабрика и русское искусство гравюры на стали // Вторые Бушувские чтения: Сб. материалов. Челябинск, 2004.

¹⁷ Пролетарская мысль. 1921. 18 февр.

УДК 947.084.4.63 (571.6)

Е.Н. ЧЕРНОЛУЦКАЯ

**«КУЛАКИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ» НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В НАЧАЛЕ 1930-х гг.***Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
e-mail: chvalery@mail.ru

В статье дается характеристика одной из групп спецпереселенцев сталинского периода – жителей приграничных районов Белоруссии и Украины, выселенных на Дальний Восток транзитом через Сибирь. Показано их отличие от основной массы ссыльных «кулаков». Раскрываются особенности межрегиональных взаимоотношений органов ОГПУ, ответственных за организацию переселения. Исследованы причины временного раздельного размещения глав (в Якутии) и членов семей (в Дальневосточном крае), трудный процесс их воссоединения, условия проживания в спецпоселках и трудового использования на золотых приисках.

Ключевые слова: сталинские депортации, «зачистка» приграничья, спецпереселенцы, Дальний Восток.

В начале 1930-х гг. Дальний Восток рассматривался властью как один из регионов размещения ссыльных «кулаков». Среди прибывших сюда спецпереселенцев были и жители пограничных районов (22-километровой зоны) Украины и Белоруссии. Большой частью это была беднота, высланная как «социально опасный элемент» (СОЭ) с целью «зачистки» западного приграничья. Считалось, что «опасность» их заключалась в близких связях с проживавшими за границей родственниками.

Данная категория депортантов не получила широкого освещения в научной литературе, но П.М. Полян и С.А. Красильников обратили внимание на то, что именно с нее начались масштабные государственные акции, в которых плано-добровольные методы переселений трансформировались в принудительные. Первыми из Белоруссии для ознакомления с условиями проживания в Томский округ были отправлены несколько сотен глав «неблагонадежных» семейств в «добровольном порядке». Центр дал распоряжение обеспечить их льготами на общих основаниях с прочими плановыми переселенцами. Однако в Сибири людей стали размещать на неподготовленных таежных землях, что вызвало бурный протест выселенцев, местным властям пришлось удерживать их в округе силой. Дальнейшее переселение из западной погранполосы осуществлялось только принудительно [1, с. 62; 2, с. 68–69]. Положение этой категории депортантов в Сибири освещено С.А. Красильниковым [3, с. 780–782].

Требуется пояснения официальная терминология того времени. Известно пристрастие сталинской бюрократии к эвфемизмам, лингвистическим уловкам с целью скрыть суть обозначаемых явлений от широкого круга населения. Од-

нако такая «зашифровка» не отличалась разнообразием: в случае с принудительными мигрантами чаще всего применялись слова «особый», «специальный», «контингент» в различных сочетаниях. Выселенцам из западной погранполосы дали название «кулаки-одиночки особого назначения», несмотря на то, что основная их масса ни по каким параметрам к «кулакам» не относилась. По-видимому, свою роль сыграло то, что кампания по времени совпала с «кулацкой ссылкой», смешавшись с ее потоками. А первыми были переселены только главы семейств. С весны 1931 г. после утверждения дополнительной заявки Цветметзолота на эту рабочую силу и включения в депортацию семейств их стали называть «особой командой», или «особовцами» [3, с. 787].

Выселенцев направляли, как правило, из УССР – в Сибирь, а из БССР – на Дальний Восток и в Якутию (на Алдан). Все практические вопросы по депортации курировало ОГПУ, по прибытии на место «особовцы» передавались объединению «Цветметзолото» для работы на приисках.

В мае 1930 г. из Украины в Сибирь было доставлено 14 873 чел., включая 32 семьи (из них около 2 тыс. чел. ПП ОГПУ по Сибири отправило в Дальневосточный край (ДВК), а из Белоруссии на Дальний Восток – 1 784 чел. (183 семьи). Поначалу мужчины надеялись, что их завезли на восток лишь на время – «для ликвидации прорывов в золотодобыче». Многие старались добросовестно работать, лишь бы скорее выполнить план. Главный лейтмотив всех разговоров сосредоточивался на одном – «когда же отправят домой» [4, с. 727]. Тоска по семьям усугублялась тяжелыми условиями труда и быта. Так, на Алдане для «одиночек» вводился лагерный режим содержания, на работу они ходили под конвоем, вся зарплата поступала в комендатуру. Появилось большое число больных и инвалидов. Обоснованно опасаясь, что в дальнейшем среди этих работников начнется резкое снижение производительности труда и массовое бегство, ОГПУ подняло перед центральной вла-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 09-II-CO11-001 «Миграционные процессы в Азиатской России в XIX–XX вв.»

стью вопрос о направлении к ним семей. Политбюро ЦК ВКП(б) не возражало – 20 сентября 1930 г. оно приняло соответствующее постановление «О семьях высланных кулаков» [3, с. 257, 259, 401].

Руководство ОГПУ торопило с проведением операции, чтобы успеть подготовить условия для приема депортантов к началу зимы. Уже 21 сентября оно разослало в Новосибирск, Иркутск, Хабаровск и Алданский округ распоряжение № 44754, в котором требовало от своих представителей срочно (к 8 час. 22 сентября) передать сведения о количестве находившихся в каждом из регионов «одиночек», о станциях предполагаемой выгрузки семей и местах их расселения. Полпреду ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерibasу предлагалось учесть временное размещение 800 семей (4 тыс. чел.), отправляемых на Алдан. На следующий день распоряжение № 13367 о подготовке к выселению семей было послано в аппараты ОГПУ Украины и Белоруссии. Предполагаемый срок отправки намечался на октябрь.

25 сентября Л.М. Заковский и Т.Д. Дерibas получили распоряжение ОГПУ № 44777 о том, что на них возлагается ответственность за прием и временное размещение всех семей, направляемых к «одиночкам». «Специализация» регионов оставалась прежней: Западная Сибирь должна была принять семьи с Украины, а Дальний Восток – из Белоруссии. Дальнейшее их расселение на постоянное жительство следовало провести после выяснения точного местопребывания глав семейств.

Основная тяжесть транзитного устройства семей «особого назначения» легла на Западно-Сибирский край, для руководителей которого они стали дополнительной обузой в рамках общего приема спецпереселенцев, а для полпредов региональных ОГПУ – и «предметом дележа». Заковский решил семьи всех «не обнаруженных» в своем регионе «одиночек» сразу же направлять в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, где, по его сведениям, находились соответственно 6 214 и 2 356 глав семейств. О своем намерении он сообщил руководителям ОГПУ этих краев в телеграмме от 25 сентября и чуть ли не в приказном порядке рекомендовал ускорить составление списков, строительство жилья и т. п., на что Дерibas отреагировал весьма болезненно. В телеграмме руководству ОГПУ от 26 сентября он с возмущением писал:

...Судя по телеграмме Заковского № 26687, он намерен также бесконтрольно, как засылал в ДВК одиночек, направить и спецпереселенцев по его принципу отбора – семьи всех затерянных, умерших в Сибири и бежавших одиночек будут направлены в ДВК. Я предупредил Заковского, что все спецпереселенцы, направленные в ДВК без предварительной установки глав семьи на месте, будут возвращаться обратно. Настоятельно прошу предложить Заковскому высылать в ДВК семьи только после получения от меня списков, в строгом соответствии Вашей директивы № 44777 [5, с. 463, 464, 470–472, 511].

Перебранка между краевыми полпредами ОГПУ свидетельствовала не только об острых проблемах, связанных с размещением спецпереселенцев, но также и о запущенности их учета. Приказ о быстрой передаче в Центр информации о местонахождении «одиночек» выполнить в установленные сроки не удалось. Так же, как и Заковский, Де-

рибас лишь с получением распоряжения из Центра приступил к составлению списков, обещая выслать их к 29–30 сентября на первую группу (1,2 тыс. чел.), а на остальных – к 10 октября. Объяснял он это тем, что люди без его ведома засылались в Сибирь. По данным на начало декабря 1930 г., восточнее Урала размещалось 13 176 «одиночек», в том числе в Западной Сибири – 4895, в Восточной Сибири – 6211, на Алдане – 557, в ДВК – 1513 чел. Примерно столько же семей должны были выслать для воссоединения.

ГПУ Украины 15 октября информировало Центр о плане вывоза 36 104 чел., но из-за отсева и частично бегства с 27 октября по 6 ноября было отправлено 31 504 чел. (10 769 семей). По прибытии эшелонов в пункты назначения обнаружилось громадное расхождение между ожидаемым по карточному учету и реальным количеством депортантов. Нередки были случаи, когда глава семьи находился в одном регионе, а его семью отправляли в другой. В Сибири выселенцев с Украины концентрировали в Томском, Иркутском и Яйском распределителях, а оттуда отправляли в спецпоселки, в том числе в другие регионы. Всего в 1930 г. было завезено 14,9 тыс. мужчин и 31,5 тыс. членов семей, из них 485 чел. отправили на Алдан, а 1 828 мужчин и 314 семей (1 256 чел.) – на Дальний Восток.

Из Белоруссии планировалось вывезти 1 880 семей (9 тыс. чел.). При этом начальник ГПУ Белоруссии Г.Я. Рапопорт решил, кроме семей уже высланных «кулаков-одиночек», прихватить также «наиболее мощных в прошлом и настоящем, оставшихся злостных кулаков тыловых округов». В результате «особовцы» стали представлять смешанный контингент – «СОЭ» и «кулаков». Со значительными задержками выселение из БССР проводилось с 12 по 15 ноября. К 6 ноября в ДВК прибыло 5 522 чел. (2 365 мужчин, 1 977 женщин, 1 180 детей), среди них примерно 800 полных семей вместе с главами. Их принимали на станциях Тыгда, Михайло-Чесноковская и Большой Невер и временно (до отправки на прииски к главам семейств) размещали в спецпоселке Бушуйке (специально организованном с этой целью в 17 км от ст. Большой Невер), пос. Свободном и г. Зее [3, с. 780–782, 787; 5, с. 472, 510–515, 672, 667].

Весной 1931 г. директивные органы утвердили заявку руководства золотоплатиновой промышленности на получение дополнительной рабочей силы из числа «особовцев». 31 марта уполномоченный ЦМЗ Исаев по прямому проводу сообщил председателю правления ЦМЗ Серебровскому о том, что на территории Восточно-Сибирского края «разгружаются» 2,8 тыс. семей, на Дальнем Востоке – 3,7 тыс., из них на ст. Могоча с направлением на Могочинские прииски – 600, на ст. Тыгда (Зейские прииски) – 1 тыс., на ст. Михайло-Чесноковская (Селемджинские прииски) – 300, в Хабаровске (Нижнеамурские прииски) – 800, на ст. Большой Невер с направлением на Алдан – 1 тыс. семей [3, с. 288]. Однако сведения о завозе этой группы «особовцев» не нашли отражения в итоговой статистике за 1931 г. Поэтому не совсем ясно, отражает ли данное сообщение реальное прибытие людей или только плановое распределение.

Всего в 1930 г. Дальний Восток принял 10 393 чел. (1875 семей) категории «кулаков особого назначения», в том числе из БССР – 7309 (1 561), из УССР – 3084 (314) [5, с. 671]. С предполагаемым прибытием в 1931 г. еще 3,7 тыс.

семейств из Белоруссии их общее число увеличивалось до 5,5 тыс., что составляло половину всех спецпереселенцев, отправленных на Дальний Восток из других регионов страны.

Обустройство семей из Белоруссии и Украины в местах приема является характерным примером бесчеловечного отношения властей к принудительным мигрантам: в основном это были женщины, старики и дети. «Временность» размещения на Дальнем Востоке многих из них усугубила и без того ужасающее положение, характерное для всех спецпереселенцев. Для жилья «особовцам» отводились наспех построенные летние бараки, но и их не хватало, хотя Дерибас сообщал руководству, что стройка идет ускоренными темпами и обойдется дешевле намеченного на 30–40 % (!). Характерной чертой советской политики принудительных миграций было возложение значительной доли затрат на местные органы, что в условиях ограниченности у последних материальных и финансовых ресурсов стало одной из причин крайне тяжелого материального положения спецпереселенцев. Продовольствие выделялось из фондов Наркомторга СССР и Центросоюза, но крайсоюзам предлагалось, не дожидаясь поступления из Центра, завезти на места продуктовые запасы из своих фондов. Местные власти обязывались также выделять стройматериалы, проводили мобилизацию гужевого и автотранспорта для перевозки депортантов [3, с. 295; 5, с. 511].

Еще хуже, чем в ДВК, оказалось обустройство «одиночек особого назначения» на Алдане, где не было продовольствия, подготовленных помещений, ощущался острый недостаток медикаментов, 500 чел. болели цингой. По этой причине отправка туда семей из ДВК значительно задерживалась. Алданские власти всячески сопротивлялись приему семей еще и потому, что их перевозка требовала отвлечения от производства транспортных средств и создавала «...угрозу выполнению программы золотодобычи и снабжения Алдана продовольствием». Кроме того, они опасались, что прибытие семейств вызовет уход горняков с приисков, где не разрешалось размещать семьи из-за экономии продовольствия для рабочих [3, с. 285, 787].

Ситуация в Якутии, изложенная в телеграмме председателя Алданского окружкома партии Ступишина, стала предметом обсуждения на заседании комиссии А.А. Андреева (протокол № 3, не ранее 24 марта 1931 г.). Комиссия постановила «принять срочные меры» по подготовке приисков к приему спецпереселенцев, на это Алданскому комбинату давался срок не позже середины июля 1931 г., а до того времени надлежало направить туда лишь трудоспособных мужчин, оставив их семьи в Большом Невере [5, с. 660].

Но ни летом, ни осенью положение не изменилось. Политбюро ЦК ВКП(б) на заседаниях 10 июля и 5 августа 1931 г. оценивало устройство спецпереселенцев на Алдане как неудовлетворительное и безобразное и отказало в заявке ЦМЗ на перемещение туда еще 1000 семей [3, с. 323, 344; 6, с. 150]. В сентябре строительство в спецпоселках Алдана не только не было начато, но и не велось никакой подготовки к нему, не были поданы заявки на инвентарь, скот, птицу, семена. Те семьи, которых уже перевезли на Алдан, находились в ужасающих условиях. В справке комиссии А.А. Андреева для ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1931 г. сооб-

щалось, что на Алдане «...больных детей в больнице кормят супом из соленой трески. ЦМЗ воспретило пользоваться одеялами в больнице, считая их слишком роскошными для кулацких детей, дети в детдомах спят на голых досках» [3, с. 331, 404–405, 415].

В сентябре 1931 г. на Алдане работало 3549 белорусских спецпереселенцев, из которых у 694 чел. семьи находились в пос. Бушуйке, совершенно не готовом к зиме. Командированные Центром в ДВК и Якутию член ЦКК О.Л. Рывкин и сотрудник ОГПУ Сидоров составили перечень мероприятий, касавшихся обустройства алданских спецпереселенцев (от 27 августа 1931 г.). В частности, предлагалось в районе Сталинских приисков (Алдан), где работало до 80 % мужчин-«одиночек», организовать строительство жилищ силами самих спецпоселенцев в свободное от работы время. Перевозку семей из Бушуйки планировалось провести в течение сентября, возложив всю ответственность на окружной отдел ОГПУ, а до окончания строительства размещать семьи в имевшихся помещениях в Усмуне и Орочене. Всю работу закончить к 1 января 1932 г. Однако к этой дате из Бушуйки на Алдан прибыло только 1373 чел. [3, с. 380, 401–406, 480].

В сентябре 1931 г. в Бушуйке проживало 3306 чел., из них 2257 членов семей «особовцев», работавших на Алдане, 997 чел. составляли полные семьи, у 52 чел. главы семей находились в других районах. Среди них было 1415 детей до 14 лет (42 %), а также много престарелых. Основными местами занятости стали покосы летом и прииски, где работало от половины до трети трудоспособных, остальные трудоустроиться не могли. Но и работавшие получали паяк ниже существовавших норм, промышленные товары и спецодежда не выдавались. Жилищами служили летние бараки, оборудованные двойными нарами (как уже отмечалось, на их строительстве было сэкономлено 30–40 % средств). В таком же состоянии находился и «детдом» с персоналом из спецпереселенцев, в котором изолированно от родителей содержалось большинство детей.

Люди не имели необходимой одежды и обуви. Осенью 1931 г. заместитель полпреда ОГПУ по ДВК Улыбышев общал руководству:

...Потребность в промтоварах очень большая, особенно для белорусов и украинцев, которых привезли в нашу область практически раздетыми. Среди последних есть семьи, где часть детей ходит совершенно голыми, а новорожденные ребята завертываются в тряпки, сделанные из юбок [7, с. 445–446].

Рацион жителей состоял из рыбы и крупы, отсутствовали мясо, жиры, молоко, поэтому высокой была детская смертность. За восемь месяцев 1931 г. в поселке умерло 184 ребенка до 5 лет (55 % всех умерших). На специальном совещании представителей райкома партии, РИК, ОГПУ и др., проведенном в Бушуйке 11 августа 1931 г., в числе других мероприятий рекомендовалось «...детей до 14 лет перевести на обычные нормы детского снабжения, особо обеспечив в целях борьбы с детской смертностью *рисом и крахмалом*» (выделено нами. – Е.Ч.).

Летом 1931 г. в поселке разразилась эпидемия сыпного и брюшного тифа. Всего переболело 192 чел., умер 41 чел. Несмотря на нехватку медработников, медикамен-

тов, постельных принадлежностей и т. п., краевые власти никакой помощи не оказывали¹. В местной больнице работали два врача, остальной персонал набирался из самих спецпоселенцев «в порядке самообслуживания».

Общий психологический настрой усугублялся разъединенностью семей. Как на Алдане, так и в Бушуйке люди просили поскорее воссоединить семьи. С ноября 1930 г. по март 1931 г. из поселков Бушуйки, Свободного и г. Зеи бежало 1 442 выселенца «особого назначения» [3, с. 372, 403–405; 5, с. 672].

Документов о завершении перевозки белорусских семей на Алдан нами не выявлено, однако согласно учетным данным в 1932 г. миграционная убыль спецпереселенцев на Дальнем Востоке составила 2 728 чел.² Поскольку в общей практике сталинских принудительных миграций спецпереселенцев с Дальнего Востока не вывозили, а только завозили туда, можно предположить, что указанное число в основном и приходилось на семьи «особовцев», отправленных, наконец, в Якутию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
2. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
3. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: Сб. документов: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1.
4. История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов: в 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР.
5. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. М., 2003. Т. 3, кн. 1: 1930–1931 гг.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933.
7. Бобков М.Ю. Спецпереселенцы в Рухловском районе // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области / Сост. Л.М. Журавлев. Благовещенск, 2007. Т. 5: Спецпоселение. 1920–1950-е годы.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

² Подсчитано нами по: Там же. Д. 89. Л. 208.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 001:069.02

О.Н. ШЕЛЕГИНА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ И АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ СО РАН В АЛЬМАНАХЕ «МУЗЕИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: oshelegina@yandex.ru

В статье впервые проанализирована практика презентации деятельности музеев СО РАН в специализированном периодическом научном издании – альманахе «Музеи Российской академии наук». Выделены группы статей музеографического, аналитического, проблемно-тематического и концептуального характера. Установлено, что активная публикация материалов способствует определению места и значения сибирских музеев в системе музеев РАН, отражению их роли в формировании научных коллекций и трансляции научных знаний о Сибирском регионе, реализации их адаптационного потенциала, интеграции в российское музейное сообщество.

Ключевые слова: альманах «Музеи РАН», музейная сеть СО РАН, деятельность музеев.

Научные музеи являются важной составляющей культуры, занимают значительное место в ее структуре, выполняют функции по обеспечению жизнедеятельности научной культуры как самовоспроизводящегося и саморазвивающегося феномена [1, с. 210–218]. Музейная сеть РАН – одна из самых крупных музейных сетей в нашей стране. К наиболее динамично развивающимся ее сегментам относится музейная сеть Сибирского отделения, объединяющая структурные подразделения научных центров, институтов, которые занимаются научно-исследовательской, фондовой, экспозиционно-выставочной и образовательной деятельностью [2, с. 23]. Создание в 1994 г. Научного совета по музеям СО РАН положило начало изучению истории музеев Сибирского отделения, решению их актуальных проблем, целесообразному представлению в средствах массовой информации, периодических изданиях [3, с. 7–8]. Постановка научно-исследовательской темы «Музеи СО РАН: история и современность» может рассматриваться с современных позиций как своеобразный адаптационный механизм, направленный на сохранение и перспективное развитие академических музеев [4, с. 152–155], публикацию результатов работы и новых концептуальных разработок в центральных специализированных научных изданиях.

Альманах «Музеи Российской академии наук» основан в 1998 г. Музейным советом РАН с целью популяризации истории отечественной науки, отраженной в экспозициях и фондах академических музеев. В статье ответственного редактора издания академика Т.И. Алексеевой и директора Архива РАН Б.В. Левшина «Музеи Российской академии

наук: история и современность» из 53 музеев, действующих в этот период в системе РАН, охарактеризован 41, в их числе шесть из Сибирского отделения: Геологический музей Якутского научного центра, Сибирский зоологический музей, Байкальский музей, Музей Бурятского научного центра, Музей истории и культуры народов Сибири, Музей истории Сибирского отделения РАН [5]. В дальнейшем каждому из названных музеев была посвящена публикация в альманахе. Материалы Музея СО РАН и Музея Бурятского научного центра печатались трижды, Научного совета по музеям – дважды. Всего в шести выпусках 1998–2003 гг. увидело свет 12 статей, характеризующих деятельность музеев Сибирского отделения. К числу публикаций преимущественно музеографического (информационно-описательного) характера можно отнести пять из них. В статье В.А. Фиалкова, В.И. Галкиной «Наука и музей на Байкале» показано формирование и развитие всех направлений Байкальского музея – от начала сбора коллекций (с 1916 г.) до получения им в 1993 г. статуса самостоятельного музейного учреждения [6]. В очерке В.Г. Мордкович отмечается: «У музеев – разные судьбы. Сибирский зоологический – дитя войны» [7]. Музей, как и институт, стал созидательной альтернативой военным потерям и разрухе. Активное формирование коллекций осуществлялось с 1945 по 1960 г., затем происходили рост коллекций и усложнение их инфраструктуры. Важное научно-образовательное значение имело создание новой зоологической экспозиции. Итогом развития Сибирского зоологического музея стало превращение его «в крупнейший профессиональный зоологический

музей и активный центр систематики и фаунистики Азиатской России», стремящийся, несмотря на сложную ситуацию в стране, «не потеряться в созвездии музеев XXI века» [7, с. 103].

В работе А.П. Бородавского достаточно подробно отражены процессы создания и деятельности Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, организованного в 1968 г. по инициативе А.П. Окладникова. Отмечается, что в основу музея были положены комплексные историко-этнографические исследования ученых в ряде регионов, охватившие весь спектр культур Сибири и Дальнего Востока. Этот подход позволил в конце 1960-х гг. сформировать первоначальную экспозицию музея. В течение нескольких полевых сезонов «собирались такие великолепные коллекции, о которых могли только мечтать многие сибирские и центральные музеи, просуществовавшие не один десяток лет». Это время называется автором периодом «музейного бума и подвижничества» [8, с. 71]. Постоянная экспозиция начала создаваться в 1973 г. при участии Эрмитажа, передавшего антикварную выставочную мебель. В экспозиции использовался территориально-хронологический принцип, отражалось историко-культурное развитие народов с древнейших времен до современности. Всесторонне охарактеризован в статье Историко-архитектурный музей под открытым небом – единственный в системе РАН музей такого типа. Следует отметить, что музеи Института археологии и этнографии СО РАН стали своеобразной «визитной карточкой» институтов гуманитарного профиля Новосибирского академгородка, активно интегрировались в международную деятельность, участвуя в крупных выставках в Нидерландах, Японии, Франции и других странах [8].

В статье Л.В. Лбовой наряду с характеристикой научно-исследовательской, экспозиционно-фондовой и научно-просветительской (посещаемость 4–5 тыс. чел., 100–120 экскурсий ежегодно) деятельности музея Бурятского научного центра СО РАН поставлен ряд проблем, связанных с переходом к рыночной экономике. Значительное внимание уделено новой стратегии существования музея в современных условиях [9]. По нашим оценкам, она предусматривала использование институционализированных средств адаптации: создание Музейной ассоциации (музей) как самостоятельного научно-исследовательского подразделения при Президиуме БНЦ СО РАН (без прав юридического лица); позиционирование фондов музея как составной части государственного музейного фонда; интеграция деятельности музея в основные направления научно-исследовательской работы Бурятского научного центра в рамках проблемы «Природа и культура Байкальского региона». К инновационным формам адаптации, предложенным в концепции, можно отнести: маркетинговые исследования, модернизацию экспозиций, создание полнотекстовой, картинно-графической и географической баз данных и информационно-поисковой системы «Электронный каталог коллекций Музея БНЦ СО РАН», проект локальной сети «Музей» с перспективой ее превращения в «Виртуальный музей» для школьников и студентов.

Данная работа имела важное значение для дальнейшего успешного развития Музея БНЦ, определения путей и форм интеграции музея в социокультурное пространство

Республики Бурятия, глобальные информационные сети [9, с. 119], создания уникальных экспозиций. Одной из них – «Тибетская медицина: история и современность», освещающей историю медико-биологических исследований в Бурятии и их основные результаты, была посвящена специальная публикация – статья Е.К. Синицыной. В ней описаны следующие разделы экспозиции: 1) история тибетской медицины; 2) лекарственное сырье (растительное, животное, минеральное); 3) итоги изучения наследия тибетской медицины; 4) ритуальные предметы и буддийские иконы-танка. Для создания экспозиции использовались научный, тематический, хронологический принципы, что позволило органично совмещать биологический и историко-архивный материал. Автор отмечает, что аттрактивное и информативное экспозиционное отражение тибетской медицины как феномена культуры центрально-азиатских народов представляет для посетителей научно-исторический и прикладной интерес – в плане поиска методов, средств, приемов диагностики и лечения различных заболеваний. При этом доминирующим является взгляд на организм человека как единое целое с окружающей его природной средой [10].

Геологический музей Института геологии алмазов и благородных металлов СО РАН, появившийся в Сибирском отделении одним из первых, представлен М.Д. Томшиным, А.Д. Павлушиным и И.Н. Белолобским как хранилище природных объектов и систематических коллекций, иллюстрирующих «суть земли Якутской» и отражающих проблемы изучения ее геологического строения. В публикацию включены изображения уникальных экспонатов музея. Авторы подчеркивают его важное социокультурное значение (100 тыс. посетителей за время существования) в жизни г. Якутска, интерес к коллекциям за рубежом, успешное участие в международной выставке «Мамонты из Сибири» [11].

Целенаправленная музейная политика Президиума СО РАН, Научного совета по музеям способствовала существенному росту числа музеев. К 2000 г. в Сибирском отделении насчитывалось 30 успешно функционирующих и находящихся в стадии формирования музеев и музейных объектов. Анализ современного состояния музейной сети СО РАН, ее территориальной и профильной репрезентативности нашел отражение в двух публикациях, подготовленных по рекомендации Научного совета по музеям СО РАН. О.Н. Шелегина и О.Г. Байкова отмечают, что к широко известным в Сибирском отделении и представленным в справочнике «Музеи Российской академии наук» добавились новые перспективные музеи Отделения. В Новосибирском научном центре (ННЦ) насчитывалось 15 музеев и музейных объектов, в Иркутском – пять, в Бурятском – три, в Якутском – два, в Томском, Кемеровском, Красноярском, Омском, г. Кызыле – по одному [12]. В ННЦ музеи распределялись по профилю следующим образом: пять – естественно-научных (Центральный Сибирский геологический музей, Зоологический музей, Музей Центрального Сибирского ботанического сада, Музей Института горного дела, Музей приборов и техники научного эксперимента); пять – исторических (Музей СО РАН, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, Музей книги ГПНТБ СО РАН, Музей истории Новосибирского института органической химии, Музей НГУ); пять мемориальных комнат выда-

ющихся сибирских ученых (академиков Г.К. Борескова, К.И. Замараева, Д.К. Беляева, В.А. Коптюга, А.А. Трофимука). Выделялась группа музеев, регионального уровня (Центральный сибирский геологический музей, Зоологический музей, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, Музей СО РАН), отражающих деятельность всего Сибирского отделения по отдельным областям наук.

Впервые в альманахе вниманию научной общественности были представлены новые сибирские академические музеи: Ботанический музей Сибири ЦСБС, Музей истории Новосибирского института органической химии СО РАН, музей Института горного дела СО РАН, а также мемориальные комнаты, имеющие важное значение в социокультурной инфраструктуре ННЦ [13].

В Иркутском научном центре, как отмечают авторы статьи, преобладали музеи естественнонаучного профиля: Оранжерея Сибирского института физиологии и биохимии растений, Геологический музей Института земной коры, Музейно-выставочный комплекс Института солнечно-земной физики, Музей Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева. В Бурятском научном центре уникальным музейным объектом являлось Хранилище восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН с выставочным залом и мемориальным кабинетом-библиотекой П.Б. Балданжапова. Специфику Музея нефти (Томский научный центр) и Музея угля (Кемеровский научный центр) составляла разработка и формирование баз и банков данных, содержащих информацию по профильным наукам и музейным коллекциям. В стадии создания находился в этот период музей Института леса им. В.Н. Сукачева (Красноярский научный центр), отражающий закономерности функционирования и взаимообусловленности элементов лесных экосистем, их биосферного, экономического и социального значения. Этот музей не имеет аналогов. Для Омского научного центра характерна интеграция ученых Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии на базе Музея археологии и этнографии Омского государственного университета.

Таким образом, музейная сеть Сибирского отделения базируется на системе научно-исследовательских институтов, отражает их историю и современный уровень деятельности, имеет следующие тенденции развития: «создание крупномасштабных музеев на основе интеграционных проектов, в частности Музея Сибири, музеев научных центров, историко-этнографических комплексов народов Сибири; организации к 50-летию СО РАН музейно-выставочных комплексов институтов» [12, с. 17].

К проблемно-тематическим статьям, связанным с адаптацией к рыночным реформам, а также отражающим традиционные и новационные аспекты деятельности академических музеев, можно отнести три публикации, в том числе представленную выше статью Л.В. Лбовой [9] и две работы о реализации комплексной программы «История сибирской науки в лицах» в Музее Сибирского отделения РАН – базовом музее, своеобразной экспериментальной площадке Научного совета по музеям СО РАН. В первом вы-

пуске альманаха в 1998 г. был изложен опыт организации и перспективы деятельности этого музея по названной научно-исследовательской, фондовой, экспозиционной программе. Коллективом авторов отмечалось, что отражение роли личности в истории – крупнейших сибирских ученых – способствовало воссозданию истории основания и развития их научных школ, демонстрации «связи времен и поколений». В связи с тем, что проблема адекватного и аттрактивного персонифицированного представления истории развития науки имеет непреходящее значение для всех академических музеев, новые варианты ее научно-практической реализации были представлены и в альманахе-2001. Научной новизной при создании юбилейных выставок, посвященных председателям Сибирского отделения – академиком М.А. Лаврентьеву и В.А. Коптюгу, отмечалась трактовка динамики развития концептуальных принципов создания Сибирского отделения – так называемый треугольник Лаврентьева, получивший современную реализацию в виде многоуровневой, многогранной модели результатов взаимодействия научных и организационных структур [14].

В альманахе были представлены две статьи с концептуальными разработками научных сотрудников сибирских музеев: «Концепция виртуального Музея СО РАН», отражающая структуру, контент, этапы и инструменты создания музея, его дизайн [15], и «Научная концепция экспозиции «Наследие народов Центральной Азии: история и культура» Музея Бурятского научного центра [16]. Апробация замыслов в столь значимом издании способствовала их дальнейшей практической реализации.

Таким образом, статьи о развитии музейного дела, музеях Сибирского отделения, опубликованные в альманахе «Музеи РАН», носят музеографический, аналитический, проблемно-тематический и концептуальный характер. Они способствуют введению в научно-информационный оборот исторических, организационных, методических материалов, которые отражают принципы создания и функционирования, адаптации академических музеев, всей музейной сети Отделения к меняющимся социокультурным реалиям. Презентация деятельности музеев СО РАН показала высокий уровень традиционных форм их работы, активность в использовании новых музейных технологий (в том числе электронных презентаций, видеоматериалов), создании оригинальных экспозиций, эффективной трансляции научных знаний о Сибирском регионе, успехи в развитии международной выставочной деятельности. Высокий исследовательский потенциал публикаций в альманахе был использован в коллективной монографии «Музеи СО РАН», изданной под эгидой Научного совета по музеям СО РАН, Комитета музеелогии Сибири ИКОМ ЮНЕСКО [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцова Е.А.* Музеи в системе науки // Культурные миры: Материалы науч. конф. «Типология и типы культур: разнообразие подходов». М., 2001.
2. *Ламин В.А., Шелегина О.Н.* Музеи Сибирского отделения Российской академии наук: формирование и развитие // Актуальные вопросы деятельности академических естественно-научных музеев: Материалы междунар. науч. конф. Новосибирск, 2010.

3. Горюшкин Л.М. Дела музейные // Наука в Сибири. 1995. № 3.
4. Шелегина О.Н. Музеи СО РАН: история и современность // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тезисов. Новосибирск, 1997.
5. Алексеева Т.И., Левшин Б.В. Музеи Российской академии наук: история и современность // Альманах-1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000.
6. Фиалков В.А., Галкина В.И. Наука и музей на Байкале // Альманах-1998. Музеи Российской академии наук. М., 1999.
7. Мордкович В.Г. Сибирский зоологический музей // Альманах-1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000.
8. Бородовский А.П. Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии ННЦ СО РАН // Альманах-2000. Музеи Российской академии наук. М., 2001.
9. Лбова Л.В. Музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук // Альманах-1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000.
10. Синицына Е.К. Экспозиция «Тибетская медицина: история и современность» в Музее БНЦ СО РАН // Альманах-2000. Музеи Российской академии наук. М., 2001.

11. Томшин М.Д., Павлушин А.Д., Белолобский И.Н. Геологический музей Института геологии алмазов и благородных металлов СО РАН // Альманах-2003. Музеи Российской академии наук. М., 2005.
12. Шелегина О.Н., Байкова О.Г. О музейной сети Сибирского отделения РАН // Альманах-2000. Музеи Российской академии наук. М., 2001.
13. Байкова О.Г. О музейной сети Сибирского отделения РАН // Альманах-2000. Музеи Российской академии наук. М., 2001.
14. Щербин Н.М., Шелегина О.Н., Запороженко Г.М., Байкова О.Г., Лапина З.Г. История сибирской науки в лицах продолжается // Альманах-2001. Музеи Российской академии наук. М., 2002.
15. Щербин Н.М., Шелегина О.Н., Запороженко Г.М., Казаков В.Г., Байкова О.Г. Концепция виртуального музея СО РАН // Альманах-2002. Музеи Российской академии наук. М., 2004.
16. Дудинова Л.Н., Лбова Л.В. Научная концепция экспозиции «Наследие народов Центральной Азии: история и культура» (Музей Бурятского научного центра СО РАН) // Альманах-2001. Музеи Российской академии наук. М., 2002.
17. Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития / Ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева. Новосибирск, 2009.

IV РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

24–25 августа 2010 г. в Институте истории СО РАН состоялась IV региональная молодежная научная конференция «Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы». Ее провел Совет научной молодежи института совместно с молодыми учеными из Новосибирского государственного университета. В конференции приняли участие 58 исследователей из научно-образовательных учреждений Барнаула, Екатеринбургa, Кемерово, Красноярска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Томска, Тюмени. Среди них один доктор и 13 кандидатов исторических наук, более 30 аспирантов и соискателей, пять студентов.

Пленарное заседание открылось со вступительного слова директора Института истории СО РАН, чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Всего заслушано пять пленарных докладов, посвященных вопросам отечественной и зарубежной истории. В.Л. Портных (НГУ) подробно проанализировал важнейший источник по истории крестовых походов – хроникальное произведение «Деяния франков и прочих иерусалимцев». Он отметил высокий информационный потенциал этого древнего памятника и возможность извлечения из него новых данных о крестовых походах. Доклад канд. ист. наук А.В. Дмитриева (НГУ) посвящался анализу дисциплины и случаев нарушения закона в частях русской армии в Сибири в середине XVIII в., социально-политической адаптации военнослужащих. В докладе канд. ист. наук Н.А. Михалева (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) было поставлено под сомнение устоявшееся в историографии мнение о том, что в начале XX в. имело мес-

то «вымирание» народов Ямальского севера. М.В. Котляров (ИИ СО РАН) проанализировал институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки.

Работа конференции продолжилась на пяти секционных заседаниях. На секции «Зарубежная история» (председатель В.Л. Портных) было заслушано восемь докладов. По сравнению с предыдущими годами хронологические рамки секции расширились – были рассмотрены также проблемы зарубежной истории нового и новейшего времени. Особо следует отметить выступление канд. ист. наук М.А. Черновой (Красноярский госпедуниверситет), проанализировавшей такой значимый источник по истории сербского общества периода османского завоевания, как Браничевский дефтер (кадастровая налоговая перепись). Ей удалось вскрыть ранее неизвестные пласты информации о жизни сербов в эпоху турецкого владычества. В.Г. Тельминов (НГУ) обратил внимание на слабо исследованные социальные аспекты хлебного закона Гая Гракха.

На секции «Отечественная история с древнейших времен до первой половины XIX в.» (председатель А.В. Дмитриев) заслушано девять докладов, в которых рассматривались вопросы истории Русской Православной Церкви, старообрядцев, декабристов, а также освещались разработки западной историографии по проблемам русского освоения Дальнего Востока. Наибольшее внимание привлекли выступления канд. ист. наук Н.С. Васиховской (Тюменский госуниверситет), проанализировавшей трапезу монахов Киево-Печерского монастыря, являвшуюся значимым элемен-

том их повседневной жизни, и канд. ист. наук Д.А. Ананьева (ИИ СО РАН), рассмотревшего проблемы освещения в западной историографии освоения Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона. В работе С.П. Вольф (Омский госпедуниверситет) рассматривалась слабо изученная проблема представлений о времени в историческом сознании декабристов.

На секции «Отечественная история во второй половине XIX – начале XX в.» (председатель А.К. Кириллов) заслушано 12 докладов. Из заслушанных докладов следует отметить выступление канд. ист. наук П.А. Афанасьева (Алтайская госпедакадемия, Барнаул), в котором на примере освещения ревизии Алтайского горного округа 1882 г. в газете «Восточное обозрение» прослежено функционирование газетной периодики как орудия общественного контроля, а также выступление С.А. Меркулова (ТГУ), отразившее деятельность профессора Томского университета В.В. Сапожникова (1861–1924) и показавшее, как внешние условия могут способствовать смене научных интересов исследователя.

Самой многочисленной была секция «Отечественная история с 1914 по 1941 г.» (председатель Н.Ю. Пивоваров): здесь были представлены 14 докладов, раскрывавших проблемы социокультурного, демографического и социально-экономического развития страны в целом и Урало-Сибирского региона в частности, а также формирования органов власти и управления в Сибири в ранний советский период. Часть докладов была посвящена истории Гражданской войны. Значительный интерес вызвало выступление Д.Л. Шереметьевой (ИИ СО РАН), в котором рассматривались малоисследованные вопросы развития и функционирования периодической печати партии кадетов в Сибири в июне – ноябре 1918 г. В докладе канд. ист. наук С.А. Дианова (Пермский госпедуниверситет) показаны взаимоотношения органов цензуры и партийных комитетов Урала в 1920–1930-е гг. Т.И. Морозова (НГУ) раскрыла особенности формирования Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) в 1924–1930 гг. Упомянутым докладчикам задавалось много вопросов. Важным положительным моментом в работе секции следует считать тесное сотрудничество представителей двух макрорегионов – Уральского и Сибирского.

На секции «Отечественная история второй половины XX – начала XXI в.» (председатель Р.Е. Романов) заслушано 11 докладов, посвященных проблемам урбанизации в Сибири, ее влиянию на отдельные сферы жизни региональ-

ного социума, вопросам аграрного развития, эволюции науки и образования в высших учебных заведениях, взаимоотношениям советского государства и религиозных организаций в Сибири. Особого внимания заслуживают выступления канд. ист. наук С.Н. Андреевкова (ИИ СО РАН), проанализировавшего факторы и динамику развития сельского хозяйства в Сибири в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг., и д-ра ист. наук А.Б. Коновалова (Кемеровский госуниверситет), на примере Кузбасса рассмотревшего проблему формирования региональной экологической политики в 1960–1980-е гг. А.Б. Коновалов сделал вывод о том, что власти регионов не имели возможности улучшать экологическую ситуацию, поскольку задачей первостепенной важности для них являлось наращивание объемов промышленного производства и развитие топливно-энергетической базы.

Во второй день работы конференции был проведен «круглый стол», посвященный военной истории. Выступивший с докладом «Военный фактор в жизни Российской империи XVIII в.: почему так высоко ценился военный мундир?» канд. ист. наук А.В. Дмитриев вступил в заочную полемику с московской исследовательницей И.В. Волковой – автором монографии «Русская армия в русской истории» (М., 2005). В рамках телемоста был заслушан доклад аспиранта Санкт-Петербургского института истории РАН А.В. Гущина «Современные тенденции в изучении военной истории в России: военно-историческая антропология и история памяти о войне». А.В. Гушин охарактеризовал состояние военной истории в рамках отечественной исторической науки, обозначил проблемы, типичные для данного направления исторической науки в России, а затем раскрыл особенности формирования исторической памяти о военных конфликтах XX в. в России (СССР) и зарубежных странах.

Представленные на конференции доклады молодых исследователей отразили разнообразие исследовательских интересов. По сравнению с предыдущими годами увеличилось число докладов по проблематике советского периода отечественной истории. Большинство выступлений было посвящено истории Сибири и Урала, усилились связи с молодыми исследователями из Института истории и археологии УрО РАН. В связи с этим было принято решение повысить статус конференции до уровня всероссийской, а также совместными усилиями Института истории СО РАН и Института истории и археологии УрО РАН ввести в работу конференции элементы научной школы.

*В.В. Введенский,
Институт истории СО РАН*

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АЗИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ГИПОТЕЗЫ БУДУЩЕГО

В сентябре 2010 г. состоялся очередной международный российско-индийский семинар «Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего», организованный на базе Института истории СО РАН в рамках координационной программы «Евразия: взаимодействие стран, культур и регионов в глобальном мире». Программа реализуется на основе договора о сотрудничестве, подписанного в ИИ СО РАН в 2007 г. С российской стороны партнером Института истории является Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ), с индийской – Институт азиатских исследований им. М.А.К. Азада (г. Калькутта, Индия). В ходе реализации координационной программы за период с июня 2007 г. по сентябрь 2010 г. состоялось семь научных форумов (по два в Новосибирске и Улан-Удэ, три в Калькутте).

Предыдущие семинары и симпозиумы охватывали широкий круг вопросов, связанных с перспективами партнерства и взаимодействия стран Евразии; поиском альтернативных вариантов развития политической, социально-экономической и культурной ситуации на континенте; проблемами миграций и регионализма; различными аспектами эволюции сообществ и институтов в переходный период, начавшийся после 1991 г., и т. п. По итогам работы семинаров были опубликованы сборники статей на русском и английском языках.

Сентябрьский форум (19–20 сентября) был посвящен демографическому развитию Азии, причем организаторы и участники семинара не только изучали исторические проблемы демографии или оценивали современную демографическую ситуацию в тех или иных странах, но также предлагали собственные гипотезы и сценарии грядущих изменений демографической картины на континенте. Выбор организаторами семинара демографической тематики был обусловлен их убежденностью в том, что колоссальный демографический массив Азии был, есть и будет цивилизационным фактором геополитического масштаба. Кроме того, всестороннее обсуждение проблем, обусловленных громадной величиной демографической массы Азии, контрастами ее территориального распределения, спецификой и многообразием национального, этнического, конфессионального, государственно-политического состава, социально-экономического и миграционного потенциала и др., должно способствовать реализации одной из главных целей семинара – подготовке коллективной монографии.

Наряду со специалистами из Института истории СО РАН в работе семинара приняли участие представители других академических учреждений и вузов Новосибирска (институтов филологии; философии и права; экономики и организации промышленного производства СО РАН; НГУ и НГПУ), а также Улан-Удэ, Омска и Красноярска. Международный статус мероприятия обеспечило участие не толь-

ко исследователей из Индии (сотрудников Университета им. Дж. Неру в г. Нью-Дели, Университета г. Мумбай и Института азиатских исследований в г. Калькутте), но и представителей Казахстана – из вузов Усть-Каменогорска и Семипалатинска.

Местом проведения научного мероприятия стал санаторий «Жемчужина», расположенный недалеко от Новосибирского академгородка. В один из дней работы семинара для участников была организована культурно-ознакомительная программа, включавшая в себя экскурсию по Новосибирску, посещение музеев Академгородка, в том числе Музея истории СО РАН («Домик Лаврентьева»), Историко-архитектурного музея под открытым небом, музея Института археологии и этнографии СО РАН.

Работа семинара была организована на трех секциях. На пленарном заседании с приветственным словом выступили директор ИИ СО РАН, чл.-кор. РАН В.А. Ламин и директор Института азиатских исследований профессор Х.С. Васудеван. Выступавшие подвели предварительные итоги многолетнего сотрудничества индийских и российских ученых и выразили надежду на плодотворную работу в ходе предстоящего семинара. Еще одним участником пленарного заседания стал д-р ист. наук, проф. В.А. Исупов (ИИ СО РАН), который в своем докладе охарактеризовал демографическую ситуацию в различных частях Азиатского континента и подверг критике некоторые пессимистические сценарии ее дальнейшего развития.

Представитель Омского государственного университета, д-р ист. наук, проф. А.В. Ремнев охарактеризовал национальные и колониальные аспекты азиатской геополитики Российской империи. По его мнению, имперские власти надеялись, что им удастся найти бесконфликтный вариант «слияния» народов в одном государственном сообществе; объединяющим началом должны были стать чувства династической преданности, официального патриотизма, русского (российского) национального гражданства и приверженности к русской культуре и языку. Между тем внутренние границы конституировали деление имперского пространства, создавая исторические и правовые предпосылки для будущих независимых государств.

В докладе проф. Х.С. Васудевана излагался взгляд на международную миграцию в Евразии в конце XX в. – на примере деятельности индийских предпринимателей в России. Директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, чл.-кор. РАН Б.В. Базаров проанализировал проблемы взаимодействия стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Внутренней Азии в условиях современного общества. Оценивая взаимодействие России с ближайшими ее соседями – Монголией и Китаем, докладчик отметил, что наша страна имеет вполне реальную возможность встать на перепутье главных торгово-эконо-

мических потоков между странами СНГ и тихоокеанскими государствами, а затем между Европой и Азией. Этому будет способствовать и формирование новых евроазиатских транспортных коридоров.

Под председательством проф. Б.В. Базарова работала секция «Демографические и миграционные процессы в Евразии». Ее работу открыл доклад проф. Аджая Патнаика – сотрудника Университета им. Дж. Неру, который охарактеризовал миграционные потоки в Центральной Азии, их социально-экономические причины и последствия. Профессор Патнаик заметил, что Россия и страны Центральной Азии должны выработать политику и заключить соглашения, делающие трудовую миграцию более прозрачной, легальной и свободной от эксплуатации, а также выгодной для всех заинтересованных сторон. Представляется крайне желательным привлечение квалифицированной рабочей силы из России для восстановления экономики стран Центрально-Азиатского региона.

В ряде докладов анализировалась демографическая, миграционная и религиозная ситуация в Республике Казахстан. Так, д-р ист. наук А.Н. Алексеенко, профессор Восточно-Казахстанского государственного технического университета (г. Усть-Каменогорск) осветил проблемы, противоречия и перспективы стратегии демографического развития Казахстана. В докладе д-ра ист. наук Б.Ж. Атантаевой (Семипалатинский государственный университет им. Шакарима) обозначены основные социально-демографические проблемы развития миграционных процессов в Казахстане. Государственная политика Республики Казахстан в отношении основных религиозных конфессий получила освещение в докладе канд. ист. наук М.К. Каримова (Семипалатинский государственный педагогический институт).

Группа докладов была посвящена вопросам исторической демографии Азиатской России. Сотрудник ИИ СО РАН и Новосибирского государственного педагогического университета, д-р ист. наук, проф. В.А. Зверев предложил вниманию аудитории две теоретические модели начального этапа демографической модернизации пространства Азиатской России – «старожильческую» и «переселенческую». Исследователь пришел к выводу, что в конце XIX – начале XX в. процессы, соответствующие обеим моделям, на пространстве Сибири накладывались друг на друга. Возникла картина, отличная от теоретического представления о том, как должны выглядеть начальные проявления демографической модернизации. Однако модернизация уже стартовала, что нашло отражение и в динамике показателей воспроизводства населения.

Выступление канд. ист. наук Р.Е. Романова (ИИ СО РАН) было посвящено демографическим характеристикам молодежи Западной Сибири на рубеже 1930–1940-х гг. Он показал, что накануне войны молодежь играла существенную роль в формировании людского потенциала Западной Сибири, составляя более четверти жителей края и уступая по численности и удельному весу лишь детям до 11 лет. Молодые люди занимали одно из ведущих мест в естественном воспроизводстве людских ресурсов, отличались самым низким уровнем смертности и наиболее высокой миграционной активностью.

В докладе д-ра ист. наук, проф. С.С. Букина (ИИ СО РАН) были показаны социально-демографические последствия рыночных реформ на Северо-Востоке России в 1990-е гг. По его мнению, если российские первопроходцы, раздвигая границы державы, двигались «навстречу солнцу», а в советский период даже при огромной текучести кадров на сибирских и дальневосточных новостройках заметно прирастало население, раздвигалась широкая урбанизация восточных районов страны, то в 1990-е гг. вектор миграционного движения сместился в западные и южные территории. Особенно большие потери понесли северо-восточные регионы (Магаданская область, Чукотка, Камчатка, Сахалин).

Проблемам, связанным с демографическим кризисом в современной России, уделил внимание профессор Университета г. Мумбай, сотрудник Центра изучения Центрально-Азиатского региона Падмалочан Даш. Отмечая, что Россия столкнулась с угрозой депопуляции, проф. Даш указал, в частности, на необходимость совершенствования национальной системы здравоохранения, снижения уровня смертности и повышения уровня рождаемости, а это невозможно без консолидированных усилий общества и государства, подкрепленных ростом экономики. Демографический аспект политики РПЦ в сфере укрепления духовной безопасности России проанализирован в совместном докладе сотрудников ИМБТ СО РАН, докторов исторических наук Л.В. Кураса и Э.А. Николаева.

Второй день работы семинара был посвящен вопросам истории колонизации Евразии, а также современной экономической, геополитической и культурной ситуации на континенте. Участники второй секции, работавшей под председательством д-ра ист. наук, проф. В.Г. Дацышена, затронули в своих выступлениях широкий круг исторических проблем освоения Азии. В докладе д-ра ист. наук, проф. М.В. Шиловского (ИИ СО РАН) анализировались причины и формы воздействия европейских стран на азиатские народы и государства в XVII–XVIII вв. По его мнению, в условиях дефицита свободных капиталов у российских предпринимателей государство активно использовало административный ресурс в деле эксплуатации природных ресурсов Азиатской России (ясак, создание горно-металлургического комплекса Кабинета е. и. в.). Западноевропейский опыт колонизации новых территорий получил воплощение в деятельности Российско-Американской компании (1799–1867) на территории Русской Америки. В то же время попытка распространить подобную практику на Приамурье и Приморье в 1860-е гг. путем создания Амурской компании закончилась крахом.

Историографической проблематике уделил внимание в своем выступлении канд. ист. наук Д.А. Ананьев (ИИ СО РАН), рассмотревший основные проблемы и подходы к изучению сибирской колонизации в современной западной исторической науке. Сравнительный анализ демографических характеристик коренного населения колонизируемых территорий Азии в XVI–XX вв. содержался в докладе канд. ист. наук С.Г. Скобелева (НГУ). Результаты картографических исследований изложил в своем выступлении д-р ист. наук О.Н. Катионов (Новосибирский государственный педагоги-

ческий университет), рассмотревший в исторической ретроспективе атласы Азиатской России.

Предметом исследования д-ра ист. наук А.Х. Элрта (ИИ СО РАН) являлось азиатское направление российских академических экспедиций за Уралом в XVIII в. Несколько докладов посвящалось историческим проблемам, обусловленным столкновением колонизационных и миграционных потоков русских и китайцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Темой доклада д-ра ист. наук, проф. Н.П. Матхановой (ИИ СО РАН) стали контакты русских и китайцев как объект внимания создателей сибирской мемуаристики в XIX в. Результаты исследования показали, насколько важны нарративные источники для изучения проблемы восприятия носителями определенной культуры иног, незнакомого или малознакомого этнического сообщества.

Профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск), д-р ист. наук В.Г. Дацышен рассмотрел проблему освоения новых территорий на примере китайской миграции в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. Он пришел к выводу, что массовая миграция китайцев на север происходила в условиях глубочайшего политического, экономического и социального кризиса, поразившего китайское государство и общество. Современные миграционные процессы протекают в принципиально иной мировой экономической и геополитической ситуации, когда Китай находится на подъеме.

Третья секция, которой руководил д-р экон. наук, проф. В.Ю. Малов (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН), была посвящена современным геополитическим проблемам, социально-экономическим и культурным процессам в Евразии. В выступлении д-ра Джатиндер Кханны (Университет им. Дж. Неру) рассматривались основные направления колонизационных и миграционных потоков, изменивших облик Северной Азии в течение последних четырех веков. По ее заключению, современные тенденции в сфере демографии и миграций характеризуются оттоком большого количества жителей Сибири в другие регионы страны, где их привлекают более благоприятные условия жизни. Центральным и региональным властям необходимо более эффективно использовать интеллектуальный потенциал сибиряков, в том числе продолжать развивать существующие и создавать новые научные центры.

В совместном докладе, подготовленном д-ром ист. наук М.М. Ефимкиным (ИИ СО РАН) и д-ром экон. наук В.Ю. Маловым, дана количественная оценка опыта истории освоения Северной Азии во второй половине XX в., а также рассмотрена проблема сдвига производительных сил на

восток как альтернативы сжатию экономического пространства. Ученые считают, что для оценки проектов развития Сибири и всего Севера России (включая Арктическое побережье и акваторию) нельзя применять только рыночные критерии. Как показывает опыт истории, окупаемость «северных» проектов может проявиться через 20 и 30 лет. Сжатие экономического (а значит, политического, стратегического и пр.) пространств России ради достижения «сиюминутных рыночных эффектов» может обернуться в будущем значительными, а может, и невосполнимыми потерями для всей страны.

Динамику численности населения Сибири в конце 1980-х – начале 2002 г. проанализировал в своем выступлении канд. ист. наук О.Б. Дашинамжилов (ИИ СО РАН), который отметил, что преобразования второй половины 1980–1990-х гг. привели к снижению численности населения в восточных районах страны. По его мнению, для улучшения демографической ситуации в Сибири требуются целенаправленные меры государственной поддержки.

Сотрудник Института философии и права СО РАН, канд. филос. наук Е.А. Ерохина обозначила основные векторы цивилизационной ориентации России в глобальной архитектуре современного мироустройства. Канд. филос. наук М.И. Грицко (Институт филологии СО РАН) дала оценку развития этнолингвистических ситуаций в азиатском регионе под влиянием современных геополитических факторов. В докладе канд. ист. наук О.Н. Шелегиной (ИИ СО РАН) показана роль музеев в представлении культуры жизнеобеспечения населения Азии. По ее мнению, в современных условиях возросла роль музеев в формировании социальной гармонии, трансляции духовных ценностей, адаптивности населения к глобальным трансформациям в экономической, экологической, демографической сферах.

Подводя итоги семинара, директор ИИ СО РАН В.А. Ламин и директор Института азиатских исследований Х.С. Васудеван подчеркнули высокий научный уровень представленных докладов и отметили необходимость публикации представленных докладов в виде сборника статей. Кроме того, было подписано соглашение о подготовке коллективного труда, посвященного демографическим и миграционным процессам в Евразии. К работе над этой книгой наряду с индийскими и российскими специалистами предполагается привлечь исследователей из Монголии и Казахстана. В связи с этим было принято решение о проведении следующих семинаров в Улан-Баторе и Семипалатинске, что должно способствовать более тесному сотрудничеству с учеными из стран Центральной Азии.

*Д.А. Ананьев,
Институт истории СО РАН*

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВЕРХНЕЕ ПРИИРТЫШЬЕ В XVII–XXI ВВ.:
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»**

В Институте истории СО РАН 27–29 сентября 2010 г. состоялась международная научная конференция «Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: национально-государственное, этнокультурное и экологическое взаимодействие». Организационный комитет возглавили директор Института истории СО РАН чл.-кор. РАН В.А. Ламин, ректор Семипалатинского государственного университета им. Шакарима, д-р ист. наук Е.Б. Сыдыков, ректор Семипалатинского государственного педагогического института д-р ист. наук М. Г. Ескендров. В адрес оргкомитета от 56 исследователей поступило 52 заявки на участие в конференции. До начала конференции тексты принятых докладов были выставлены в сети Интернет. Географически они распределились следующим образом: Республика Казахстан (РК) – 23 заявки (Семей – 16, Павлодар – 4, Астана, Усть-Каменогорск, Алматы – по одной); Российская Федерация – 29 заявок (Новосибирск – 14, Барнаул – пять, Омск – три, Кемерово – две, Санкт-Петербург, Бийск, Томск, Новокузнецк, Тюмень – по одной). В пленарном и секционных заседаниях научно-го форума приняло участие 35 ученых, в том числе: 10 докторов и 20 кандидатов исторических наук (из Новосибирска – 14 чел., Барнаула – 5, РК – 4, Кемерово – 3, Омска – 3, Санкт-Петербурга, Томска, Новокузнецка, Бийска – по 1 чел.). По результатам работы конференции издан сборник статей, включающий 46 работ (20 а. л.)*.

Участники конференции работали в секциях, сформированных по хронологическому принципу; обзор докладов также дадим по хронологическому признаку. Исследователи из Барнаула А.В. Контев и В.Б. Бородаев представили доклад по исторической географии «Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII в.». Кроме того, В.Б. Бородаев рассказал о роли российских военных экспедиций к истокам Иртыша в 1715–1720 гг. в создании научной карты Верхнего Прииртышья. И.Р. Соколовский выступил с докладом о создании карт, отражающих историческую обстановку: «Административно-территориальное деление Верхнего Прииртышья в XVII – начале XXI в.: опыт исторического картографирования». В докладе А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова «Поиски древностей в Прииртышье в погоне за “песочным золотом” российскими и европейскими военными и учеными в первой половине XVIII в.» рассматриваются природа и характер этих древностей. Д.А. Ананьев охарактеризовал компетенцию комен-

дантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в., указав, что «они зачастую должны были обладать самыми широкими полномочиями – от финансовых до дипломатических, от военных до судебных». А.В. Дмитриев остановил свое внимание на причинах и обстоятельствах переброски на российские границы в Западной Сибири армейских частей в 1744–1745 гг. На пленарном заседании Б.Н. Абдрахманов представил очерк казахско-русских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. в Верхнем Прииртышье. В секционном заседании Н.П. Матханова выступила с докладом «Казахи в мемуарах миссионеров Русской православной церкви XIX в.», в котором сделала вывод о том, что «записки миссионеров... могут служить полезным источником не только по истории конфессиональной жизни. В них... отражены самые разные стороны быта, социально-экономических отношений, деятельности, культуры казахов, их взаимоотношений друг с другом и с русскими».

А.С. Зуев, освещая социальное и этническое происхождение казаков Сибирского линейного казачьего войска (по данным формулярных списков 1813 г.), пришел к выводу, что «в линейные... казаки... активно зачисляли лиц, не являвшихся потомственными казаками». Е.Н. Туманик в докладе «Участники Общества военных друзей в политической ссылке в Верхнем Прииртышье» проследила, как «судьбы троих деятелей Общества военных друзей оказались тесно сплетены с Усть-Каменогорском и Семипалатинском. Оказавшись в Зауралье за те же политические идеалы, что и декабристы, они вынесли более суровые тяготы ссылки...» Т.С. Мамсик в докладе «Бухтарминские пчеловоды (по материалам Окладной книги Бухтарминской заводской волости 1857 г.)» приходит к мнению, что «пчеловодческие хозяйства... имели тенденцию к превращению в хозяйствующие субъекты предпринимательского – в потенции – буржуазного типа доиндустриальной эпохи (т. е. основанных на ручном труде и конской тяге)».

М.В. Шиловский рассказал об аграрном освоении Верхнего Прииртышья в XIX – начале XX в., а Б.Ж. Атантаева представила доклад о регламентации российско-китайской торговли по межгосударственным договорам второй половины XIX в. С.З. Раздыков обратился к такой важной и интересной теме, как формирование торгового капитала у казахов степной зоны Западной Сибири в XIX в., а М.В. Дорофеев исследовал особенности поземельных отношений в процессе заселения Горного Алтая во второй половине XIX в. Г.Т. Мусабалина, изучая городское общественное самоуправление в Восточном Казахстане во вто-

* Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв.: Сб. мат. междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. 252 с.; ил.

рой половине XIX в. в его историческом аспекте, пришла к выводу, что «органы городского самоуправления являлись в конце XIX – начале XX в. уже достаточно значимым фактором». С.В. Селиверстов (Астана) подготовил доклад «Н.М. Ядринцев: особенности “западнической” тенденции в областничестве (середина 1860-х – начало 1890-х гг.)». Е.А. Дегальцев посвятил свое выступление европейским и азиатским войнам России и их восприятию в Сибири в широких слоях простых людей – между 1714 и 1914 гг.

К.Ж. Нурбаев рассматривал тюркские кочевые народы в истории Евразии в свете теории евразийства. Работа Д.Н. Белянина была посвящена «непричисленным» переселенцам на Алтае во второй половине XIX – начале XX в., в основном рассматривались источники формирования и возможности обустройства. Процесс формирования индивидуального пользования сенокосными угодьями в казахском ауле Степного края во второй половине XIX – начале XX в. рассмотрел по материалам экспедиционных исследований 1896–1903 гг. Н.Н. Сорока. Внимание Д.А. Глазунова привлекла подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве, которая, по его мнению, прошла два этапа. «Утвержденный проект 2 июня 1898 г. Временных правил для Степного края приблизил организацию судов к Европейской России, а территории Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей были включены в общеимперское правовое пространство». Истории русской администрации края посвящена работа Е.А. Съемщикова «Верхнее Прииртышье: административный ресурс Змеиногорского и Усть-Каменогорского уездов 1898–1917 гг.».

А.К. Кириллов в докладе «Переселение в Степной край в конце XIX – начале XX в. по материалам податной инспекции» отмечает, что «отчеты податных инспекторов... позволяют изучать взимание налогов как с казахской (“киргизской”), так и с русской части Степного края... Ценность отчета как источника по истории налогов определяется прежде всего подробным описанием практической постановки налогового учета на местах (с выявлением местных особенностей и недостатков этой постановки) и критическими замечаниями в адрес действующего налогового законодательства». Транспортные проблемы Прииртышья вызвали интерес Т.И. Андреевой, выступившей с докладом «Первый опыт железнодорожного строительства в Верхнем Прииртышье в контексте транспортного освоения Азиатской России». С.А. Меркулов рассмотрел (по материалам

экспедиций 1905–1906, 1908–1909 гг.) изучение профессором Томского университета В.В. Сапожниковым Монгольского Алтая в истоках рек Иртыш и Кобдо. Вопросы изучения географии и производительных сил края освещены Г.Т. Касымовой в работе «К 105-летию Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества». С.К. Канн подготовил выступление «Ветеринарное значение Транссибирской железнодорожной магистрали в конце XIX – начале XX в.». Л.В. Котович в докладе «Природа не только существует, но и меняется» дала характеристику экологического сознания (по материалам сибирских сельскохозяйственных журналов начала XX в.). Обзор докладов по истории России до Первой мировой войны можно закончить обзором работ, посвященных сравнительно обобщенным сюжетам: Р.Ж. Кадысова, С.Н. Мамытова «Особенности формирования казахской национальной буржуазии в начале XX в.», В.П. Андреев «Рудный Алтай в процессах модернизации (1900–1930-е гг.)».

Несколько докладов посвящено истории XX–XXI вв. Прежде всего, это доклад А.А. Штырбула «К истории Гражданской войны в Горном Алтае и Верхнем Прииртышье: “сатунинщина” и ее ликвидация (1918–1920 гг.)» и Г.С. Абдрахманова «Применение насилия сибирскими правительствами против мирного населения в годы Гражданской войны». Нашли освещение и некоторые аспекты политики РКП(б) – ВКП(б): деятельность казахской элиты по преодолению межродовых противоречий в процессе строительства Киргизской АССР (А.В. Сушко), о кампании по изъятию церковных ценностей из православных храмов в Семипалатинской губернии в 1922 г. (А.С. Безверхний), о выселении чеченцев в Семипалатинскую область (Г.Е. Мамаева). Проблемам истории культуры и просвещения посвящен доклад М.Г. Ескендинова и А.В. Христолюбова «Семипалатинский государственный педагогический институт в 1930–1940-е гг.». Участники конференции проявили также интерес к проблемам современности. Так, был заслушан доклад о казахской ирреденте и диаспоре в КНР и возможности получения ими информации на казахском языке (А.К. Самаев).

В целом конференция прошла на высоком научном уровне, затронула ряд важных исторических тем, ее материалы будут интересны широкому кругу исследователей и всех тех, кто интересуется историей Обь-Иртышского междуречья.

*И.Р. Соколовский,
Институт истории СО РАН*

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ИСТОРИЮ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СЕВЕРА
Всероссийская научная конференция
«Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера»

Долгое время индустриальное освоение российского Севера рассматривалось в основном с учетом количественных изменений: сооружение промышленных предприятий и рост объемов производства, строительство новых городов и объектов соцкультбыта, прирост населения и т. п. Разумеется, социальные проблемы исследовались, но за статистикой трудно было разглядеть отдельного человека и историю его жизнедеятельности.

17 ноября 2010 г. в Тюмени состоялась Всероссийская научная конференция «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера», на которой основное внимание исследователей уделялось роли человека в процессе индустриализации Севера. В работе форума, организованного Департаментом образования и науки Правительства Тюменской области и Институтом гуманитарных наук (ИГН) Тюменского государственного нефтегазового университета (ТюмГНГУ), приняли участие историки, социологи, философы и психологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Самары, Челябинска, Новосибирска, Тюмени, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда, Нижнего Тагила.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились директор ИГН, д-р социол. наук, проф. В.В. Гаврилюк, заместитель генерального директора по научной работе Сибирского научно-аналитического центра (СибНАЦ), чл.-кор. РАН И.И. Нестеров, президент Тюменского областного фонда им. В.И. Муравленко С.Д. Великопольский.

Тон развернувшимся на конференции дискуссиям задали доклады пленарного заседания. Главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, д-р ист. наук, проф. В.П. Тимошенко в докладе «Ямал – Земля для живущих на ней людей (итоги работы над проектом «История Ямала»)» рассказал о результатах пятилетней работы большого коллектива ученых из Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска, Тюмени, Ханты-Мансийска и Салехарда над первым академическим комплексным историческим исследованием края. Докладчик отметил, что скоростное на протяжении четырех последних десятилетий индустриальное освоение Ямала, основанное на стратегии: найти – добыть – выкачать – продать, сопровождалось дефицитом внимания к социокультурному развитию коренных малочисленных народов Севера, развитию традиционных отраслей хозяйства.

Арктическую тему продолжили заместитель директора ИИиА УрО РАН, д-р ист. наук Е.Т. Артемов и гл. науч. сотр. ИИиА УрО РАН, д-р ист. наук, проф. С.П. Постников в докладе «Гуманитарная составляющая арктической стратегии России». По их мнению, разговоры об экономической целесообразности «оттока» из Арктики людей, не задействованных в освоении природных ресурсов, лишены

смысла. Нужно стремиться к созданию комфортных условий для всех проживающих сегодня в Арктической зоне. Авторы доклада обозначили широкий круг задач, которые необходимо незамедлительно решить.

Анализ масштабного и глубоко противоречивого опыта освоения северных районов России был выполнен заведующим сектором истории социально-экономического развития Института истории СО РАН, д-ром ист. наук, проф. С.С. Букиным, выступившим с докладом «Социально-экономические процессы в северных районах Сибири во второй половине XX в.». В докладе прозвучало, что для человека на Севере – «все дефицит: воздух – мало кислорода, солнце – больше половины года полярная ночь, вода – из-за большого содержания минеральных примесей необходима очистка. У него меньше квадратных метров жилья, коек в больнице, мест в детсадах, школах, в учреждениях культуры, чем у среднего россиянина». Однако и С.С. Букин отвергает получившую распространение концепцию о «перенаселенности» северных территорий. Она, по мнению ученого, опровергается всем опытом социально-демографического развития Севера.

Обоснованию необходимости смещения приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского севера – от производства к человеку – был посвящен доклад профессоров ТюмГНГУ – д-ров ист. наук В.П. Карпова и Н.Ю. Гавриловой. Историки обратили внимание на то, как масштабные процессы индустриализации и урбанизации огромного региона изменили жизненный уклад населения, его менталитет.

Бурное обсуждение вызвал доклад профессора Уральского государственного экономического университета из Екатеринбурга, д-ра ист. наук А.В. Трофимова «Проблемы качества жизни жителей советского Севера во второй половине XX в. в современной историографии». Он отметил, что индустриальное освоение российского Севера опиралось на современные для второй половины XX в. промышленные строительные технологии, транспорт и т. д., и это обеспечило в долгосрочной перспективе повышение или, как минимум, сохранение достойного качества жизни для российского социума уже вне рамок советского государства. Однако и приобретения, и потери в ходе индустриализации Урало-Сибирского региона нуждаются в дальнейшем непредвзятом анализе и научном изучении.

В докладе «Социально-территориальная дифференциация: региональная модель» гл. науч. сотр. Института проблем освоения Севера СО РАН, д-р филос. наук, проф. М.Г. Ганопольский рассмотрел проблему формирования новой общности людей в ходе создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Готовность и способность чело-

века выступить в качестве средства для достижения целей освоения, высокая степень самоотдачи в стремлении принести пользу в сочетании с утилитарным отношением к среде обитания, природным ресурсам, к истории края, где ему предстояло работать, – вот, по мнению ученого, главные черты парадигмы интенсивного индустриального освоения Севера. Отказ от нее требует переосмысления истории повседневности северного макрорегиона.

В докладах ст. науч. сотр. ИИ СО РАН, канд. ист. наук А.И. Тимошенко и профессора ТюмГНГУ, д-ра ист. наук Г.Ю. Колевой был дан обстоятельный анализ проблем формирования трудовых коллективов в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг., рассмотрено влияние нефтегазового освоения Тюменского региона на демографические процессы на севере Западной Сибири.

Дальнейшая работа конференции проходила по секциям. На секции «Личность в истории нефтегазового Севера» доклады посвящались выдающимся людям Севера начиная с середины XIX в. (доклад ст. науч. сотр. НИИ истории науки и техники Зауралья Н.Л. Антупьевой об исследователях В.Ф. Шишкине и М.К. Сидорове) и до конца XX в. (доклад ст. науч. сотр. Музея геологии нефти и газа ХМАО–Югры Н.П. Дубовской из Ханты-Мансийска о проекте «Герои Социалистического труда – создатели Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»).

Роль личности в истории нефтегазового Севера освещалась московскими историками – канд. ист. наук А.А. Матвейчук («Ухтинский нефтяной проект горного инженера Боклевского») и канд. ист. наук Ю.В. Евдошенко («А.В. Булгаков – строитель первых северных газопроводов»). Легендарному геологу Ф.К. Салманову были посвящены доклады заведующего кафедрой истории России Сургутского государственного университета, д-ра ист. наук, проф. А.И. Прищепы, доцента Тюменского государственного университета, канд. ист. наук С.М. Панарина, профессора ТюмГНГУ, д-ра ист. наук В.П. Карпова, корреспондента газеты «Невское время» Е.Ю. Летаниной (Санкт-Петербург). Интересный материал о выдающемся руководителе сибирских нефтяников В.И. Муравленко подготовил профессор Самарского государственного технического университета, д-р ист. наук В.Н. Курятников.

На секции «Проблемы социально-экономического развития Севера» были представлены доклады из Челябинска (доцент ЧелГУ, канд. ист. наук С.А. Баканов – «Опыт решения проблемы трудовых ресурсов в районах нового промышленного освоения в первой половине XX в.»), Тюмени (доцент ТюмГНГУ, канд. ист. наук М.В. Комгорт – «Основные этапы научного обоснования нефтегазоносности Западной Сибири»), Сургута (доцент СурГУ, канд. ист. наук Д.Н. Шкаревский – «К вопросу о профессиональной адаптации азербайджанцев и таджиков в г. Сургут»). Большой интерес вызвали доклады заведующего сектором методологии и историографии ИИиА УрО РАН, канд. ист. наук И.В. Побережников «Освоение Ямальского региона в условиях российской модернизации XIX–XX вв.» и вед. науч. сотр. ИИиА УрО РАН, канд. ист. наук К.И. Зубкова «Поиск путей развития коренного населения Ямала на старте рыночных реформ (по материалам социологического исследования 1993 г.)».

На секции «Север: здоровье человека и общества» наибольший интерес вызвали аналитические доклады главного специалиста администрации Тагилстроевского района г. Нижний Тагил, канд. психол. наук И.Н. Свириденко «Актуальные проблемы психологической диагностики лиц, работающих вахтовым методом на Крайнем Севере», врача Воронежской областной клинической больницы № 1 Т.А. Жданкиной «Медицинские аспекты северной вахты», доцента ТюмГНГУ, канд. филос. наук И.А. Попковой «Межкультурный диалог как фактор развития Севера», доцента СурГУ, канд. ист. наук Д.В. Кирилюк «Социально-бытовые условия работы учителей Сургутского района во второй половине 1940-х – 1950-е гг.», аспиранта ТюмГНГУ Ю.А. Емельянова «Анализ уровня жизни населения Ямало-Ненецкого автономного округа».

Настоящая конференция подтвердила значимость исторических исследований для повышения научной обоснованности современных проектов освоения и обживания северных территорий. К началу ее работы было приурочено издание книги «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: Материалы Всероссийской научной конференции» (Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. 200 с.).

*В.П. Карпов,
Тюменский государственный
нефтегазовый университет*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ УРБАНИЗАЦИИ»

10–11 декабря 2010 г. в Магнитогорском государственном университете состоялась международная научная конференция «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации», которая была организована силами кафедры истории России исторического факультета МаГУ (Магнитогорск), Уральской государственной архитектурно-художественной академии (Екатеринбург) и Института истории СО РАН (Новосибирск). В конференции приняли уча-

стие ученые из Германии, Нидерландов, Великобритании, Белоруссии. Российские ученые представляли научные учреждения и вузы Москвы, Екатеринбурга, Челябинска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Магнитогорска и других городов.

Идея междисциплинарного обсуждения темы социалистического города с участием историков и архитекторов возникла в 2009 г. в ходе дискуссий и неформальных

встреч на одной из научных конференций между представителями трех названных в качестве организаторов научно-образовательных центров. Не случайно эти центры расположены в ключевых точках, связанных с историей индустриализации Урало-Сибирского региона – Екатеринбург, Новосибирске и Магнитогорске. Именно поэтому выявились и общие точки пересечения при изучении научных проблем, которые разрабатываются учеными, живущими и работающими в этих городах. Например, Институт истории СО РАН в рамках выполнения интеграционного проекта № 8 СО РАН совместно с Институтом истории и археологии УрО РАН ведет исследования цивилизационного перехода населения Урало-Сибирского региона от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу. Специалисты Уральской государственной архитектурно-художественной академии давно и плодотворно изучают историю возникновения и реализации новых градостроительных идей в ходе индустриализации в годы первых и последующих пятилеток. Преподаватели кафедры истории России исторического факультета МаГУ в своих научных разработках ставят задачу изучения и сохранения исторического опыта создания одного из символов советской индустриализации – Магнитогорского металлургического комбината и строительства социалистического города Магнитогорска.

Таким образом, тема конференции смогла объединить представителей различных научно-образовательных учреждений разного профиля и уровня, но работающих по существу на одном направлении – истории развития городов и городского населения в Урало-Сибирском регионе в условиях советской модернизации.

Необычным, но вполне заслужившим одобрение и благодарность всех участников конференции стал ее первый день. После вступительных слов представителей принимающей стороны – ректора МаГУ В.П. Семенова, декана исторического факультета МаГУ М.Г. Абрамзона и председателя оргкомитета конференции, заведующего кафедрой истории России МаГУ Н.С. Фроловой, коллективного исполнения старинного академического гимна «Гаудеамус игитур» участники отправились на обзорную экскурсию по социалистическому городу и Магнитогорскому металлургическому комбинату. Такое начало конференции позволило ученым непосредственно увидеть свой объект исследования не в абстрактных представлениях, а в конкретной реальности.

На второй день конференции необычным было то, что заседания организовывались по двум секциям, которые работали поочередно; это позволило желающим выслушать все доклады и принять участие в их обсуждении. На первой секции «Социокультурное пространство города и горожанин как субъект урбанистической цивилизации» под председательством д-ра ист. наук, проф. А.Г. Дорожкина (МаГУ) выступили преимущественно историки. Доклады были разнообразны не только по проблематике, но и по географическому и хронологическому признакам. Ведь проблема соцгорода как социокультурного явления существовала не только в 1930-е гг. – время непосредственной реализации идеи соцгорода в СССР, но и в начале XX в., когда эта идея

только зарождалась. Актуальна она и сегодня, так как нам приходится решать проблемы наследства соцгородов.

Открылись слушания докладом д-ра ист. наук, проф. В.И. Меньковского (Белорусский госуниверситет) «Советский город 1930-х гг. как объект исследования англо-американской “ревизионистской” историографии», в котором он обобщил основные направления англо-американской историографии в изучении советского города, выделил основные этапы ее развития и их характерные особенности. Интерес участников конференции вызвал доклад д-ра ист. наук, проф. М.Г. Мееровича (Иркутский государственный технический университет) «Принудительное комплектование населения соцгородов», в котором были проанализированы основные способы перемещения и закрепления трудовых контингентов с целью формирования кадров строителей и рабочих градообразующих предприятий индустриальных городов первых пятилеток. В ходе оживленной дискуссии оппоненты возражали докладчику, который, по их мнению, продолжает рассматривать роль методов насилия и принуждения со стороны государства в «строительстве социализма» в СССР в русле уже раскритикованного тоталитарного подхода, в то время как реальный исторический процесс миграции населения был во многом стихийным, причем не стоит сбрасывать со счетов и реальное стремление народных масс к созданию нового общества.

Представитель Института истории СО РАН д-р ист. наук, проф. В.И. Исаев в докладе «Становление урбанистической культуры проведения свободного времени у городского населения Сибири в 1920–1930-е гг.» отметил, что структура использования свободного времени горожан Сибири постепенно изменялась в плане приобретения характера и направленности, способствующих полноценному культурному отдыху и развитию личности, а это уже свидетельствовало о формировании черт индустриально-урбанистического образа жизни.

В докладе канд. ист. наук А.А. Фокина (Челябинский госуниверситет) «Руины коммунизма: советский город как зеркало “светлого будущего”» отмечено, что соцгород в исторических исследованиях выступает как один из отличительных элементов «советской цивилизации», как нечто специфическое и уникальное. Власть, творческая интеллигенция и рядовые граждане воспринимали создание новых форм общежития как неотъемлемую часть перехода к «светлому будущему». Но отрицая утопические представления прошлого, советские проекты принципиально не выходили за их рамки.

В докладе канд. ист. наук Н.Н. Макаровой (МаГУ) «“Первый в СССР чисто советский город...”: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935)» показано, что в Магнитогорске формировались два типа городской застройки. Первый – «социалистический Магнитогорск» с уютными жилыми кварталами, зелеными скверами и парками, продуманной сетью социальных объектов. Второй – стихийно создававшийся тип городской застройки с сохранением многих черт сельского образа жизни. Однако каждодневные заботы горожан в так называемых шанях и соцгороде не слишком

различались в первой половине 1930-х гг. В повседневной практике магнитогорцев основными являлись проблемы выживания в условиях жилищной нужды и товарного дефицита.

Из-за большого количества авторов трудно перечислить всех, но чтобы иметь представление о географии и составе конференции, назовем доклады участников только первой секции: Г.А. Петаченко (Белорусский госуниверситет), А.А. Долголюк, А.И. Тимошенко (ИИ СО РАН), Т.П. Хлынина (Южный научный центр РАН), Е.Ю. Дубровская (Карельский научный центр РАН), М.Н. Потемкина, Е.М. Буряк, Л.П. Спасова, А.Н. Макаров, О.Ю. Стародубова, Е.Р. Евдокимова, А.В. Чуриков, Н.В. Чернова, Н.С. Фролова (все – из МаГУ).

На второй секции «Соцгород в зеркале градостроительных моделей и архитектурных решений» прозвучали доклады архитекторов и историков архитектуры, в сферу интересов которых входит изучение социалистических городов. Работой секции руководила Л.И. Токменинова – историк архитектуры, руководитель Центра современной архитектуры при УралГАХА. Вдохновляло докладчиков и присутствие президента Российской академии архитектуры и строительных наук, ректора Московской академии архитектуры А.П. Кудрявцева.

В докладе проф. Л.Н. Смирнова (УралГАХА) «Роль архитекторов Уралгипромеца в сооружении первых конструктивистских зданий в соцгороде Магнитогорска» рассмотрены предложения работников Уралгипромеца по проектированию соцгорода при ММК. Кандидат искусствоведения, доцент Е.В. Коньшева (Челябинский госпедуниверситет) в докладе «Иностранные архитекторы на строительстве Магнитогорска: европейские идеи и советская реальность» подробно охарактеризовала вклад иностранных архитекторов в создание соцгорода в Магнитогорске. При этом автор показала уровень жизни иностранцев в советском городеностройке.

Доктор архитектуры, профессор архитектурного факультета Делфтского технологического университета (Нидерланды) И.В. Невзгодин в докладе «Магнитогорск и Новокузнецк: архитектурно-градостроительные поиски концепции соцгорода» отметил, что проектирование и строительство Магнитогорска и Новокузнецка являются одной из самых интересных страниц в истории не только советского, но и мирового градостроительства. В проектировании и строительстве Магнитогорска участвовали известные за-

падные архитекторы и градостроители. Кандидат архитектуры, архитектор городского управления Центрального района Берлина (Германия) Э. Писториус в сообщении «Zur Schaffensperiode Ernst Mays in der Sowjetunion (1930–1934)» («О работе Эрнста Мая в Советском Союзе (1930–1934)») отметила, что одним из наиболее известных в СССР иностранных архитекторов являлся Э. Май, принимавший непосредственное участие в создании Магнитогорска. В сообщении были также рассмотрены взгляды Мая на градостроительство в 1920-е гг., его идеи ленточных городов и создания полосы зеленых насаждений.

Проблеме сохранения исторического наследия был посвящен доклад д-ра техн. наук, проф. В.С. Федосихина (МГТУ им. Г.И. Носова) «Городская программа по сохранению архитектурного наследия “Социалистический Магнитогорск”». Докладчик отметил, что сохранение фрагментов советского наследия в городской среде Магнитогорска все более осознается как одна из важнейших историко-архитектурных проблем, стоящих перед современным обществом.

Итоги конференции были подведены на круглом столе, где прозвучали выступления Н.С. Фроловой, А.П. Кудрявцева, М.Г. Мееровича, В.И. Исаева и других участников. Отмечалось, что произошло расширение научных контактов, состоялся обмен мнениями. Было внесено предложение созывать конференцию периодически.

По мнению участников конференции, социалистические города являются уникальными памятниками советской архитектуры, особенно высоко их значение для промышленных городов Урала и Сибири. Концепция соцгорода, ориентированная при ее возникновении на создание социализма, даже в современных политических условиях не потеряла свою социальную актуальность.

Среди небольшого числа городов, построенных почти «с нуля» в годы социализма, Магнитогорск наиболее полно отражает советскую градостроительную культуру того времени, поэтому задачей российских историков, архитекторов и государства является сохранение этого памятника истории и архитектуры. Современное состояние кварталов, построенных по типу соцгородов, в городах Урала и Сибири требует привлечения внимания администраций городов, а также архитекторов и историков архитектуры к сохранению уникальной застройки периода индустриализации и ее адаптации к современным требованиям.

*В.И. Исаев,
Институт истории СО РАН,
Н.Н. Макарова,
Магнитогорский
государственный университет*

О.В. ЭДЕЛЬМАН.
Следствие по делу декабристов
(М.: Модест Колеров, 2010.
356 с.)

Для нашего жур-
нала традиционным ста-
ло внимание к истори-
ографии декабристско-
го движения¹, что впол-

не понятно и объясняется той особой ролью, которую сыграли декабристы в истории Сибири. Тем более не могли мы пройти мимо монографии О.В. Эдельман, которая известна своей работой по публикации документов Следственной комиссии. В современном декабристоведении (разумеется, речь не идет ни о публицистике, ни о ненаучных, анти- и псевдонаучных сочинениях) новые работы появляются, как правило, в двух случаях: либо поднимается тема, невозможная или нежелательная в советское время (например, государственная служба бывших декабристов в николаевское время, подлинная роль в движении «раскаившегося декабриста»² и т. д.), либо пересматриваются ранее устоявшиеся и ставшие стереотипными представления, иногда со сменой плюсов на минусы (например, место и роль П.И. Пестеля).

Книга О.В. Эдельман не относится ни к одному из этих направлений. История суда и следствия над декабристами, как она сама отмечает, уже становилась предметом исследования, да и стремление пересмотреть устоявшиеся взгляды ради самого этого пересмотра и удовлетворения собственных амбиций в работе абсолютно отсутствует. И вместе с тем ей удалось написать работу новую, даже новаторскую, интересную и по постановке вопроса, и по методам исследования, и по выводам. Секрет автора очень прост внешне и чрезвычайно труден по сути: он заключается в тщательном, серьезном и глубоком изучении источников. Ольга Валериановна не только обратилась к мало популярным и внешне очень неэффективным делопроизводственным документам, но и сумела задать им необычные, но, как выяснилось, очень полезные вопросы. Подобный подход естественно вытекает и из ее опыта работы по подготовке 19-го и 20-го томов «Восстания декабристов» – одной из лучших в отечественной археографии серий, и из ее очевидной принадлежности к одной из ведущих научных школ в отечественной исторической науке.

Книга О.В. Эдельман выгодно отличается от многих других детальной характеристикой методики работы. Во-первых, это дает возможность читателю убедиться в обоснованности выводов. Во-вторых, подобная открытость творческой лаборатории исследователя позволяет использовать выработанные им приемы (разумеется, с определенной модификацией) при обращении к другому однотипно-

¹ См., напр.: *Туманик Е.Н.* Рецензия на книгу: Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6 // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 111–112.

² *Ильин П.В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004; *Туманик Е.Н.* Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006; *Шкерин В.А.* Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008; *Ильин П.В.* Между разговором и престолом: Я.И. Ростовцев в событиях междоусобицы 1825 года. СПб., 2008; и др.

му источниковому материалу. Замечу, что аналогичный подход характерен для П.А. Зайончковского, Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко, так что и в этом отношении Ольга Валериановна демонстрирует свою принадлежность к знаменитой научной школе. В ряде случаев читатель встречается с довольно редкой в последнее время ситуацией – автор отказывается делать какие-либо выводы даже после проведенных (и приведенных) подсчетов. К чести ученого, она умеет отказаться от напрашивающихся умозаключений: «Если трактовать полученные цифры слишком буквально, видеть в них непосредственное отражение интересов следствия, то появляется риск упрощения картины» (с. 176).

Описывая методы своей работы и даже говоря о проблемах вроде бы технических (почерки писарей, пометы чиновников) и не чисто технических (способы единообразной обработки разных по структуре документов – вопросов следствия и записей В.В. Левашова), О.В. Эдельман попутно делает весьма ценные наблюдения и замечания, значение которых выходит далеко за пределы «технических» проблем – например, о тактике ведения допросов Левашовым.

Автору свойственна осторожность в суждениях, стремление основывать свои обобщения только на прочном фундаменте почерпнутых из источников фактов. Тем убедительнее выглядят ее выводы на принципиально важную для декабристоведения тему: вопрос о царубийстве не был использован лишь для сохранения в тайне от народа и общества благородных целей декабристов, «проблема умысла на царубийство совершенно серьезно и искренне рассматривалась как наиважнейшая» (с. 188). А ведь во многом именно под влиянием материалов следствия вопрос о царубийстве получил преувеличенное значение в историографической традиции. Есть и другие, также базирующиеся на прочной фактической основе, опровержения бытовавших в течение многих лет версий: не было никаких якобы уничтоженных секретных следственных материалов (с. 195), протоиерей П.Н. Мысловский не являлся агентом следствия (с. 261), Следственный комитет вовсе не стремился замаскировать истинные планы декабристов, оклеветать их в глазах современников и потомков. Основываясь на материалах следствия, О.В. Эдельман приходит также к заключению, что были выявлены все члены тайных обществ, «никто из действительно к ним причастных не остался без внимания» (с. 353).

В работе есть еще один немаловажный аспект – в ней серьезно рассмотрен процесс создания и организации деятельности самого Следственного комитета как части государственного механизма, его внутренняя структура, система делопроизводства. Впервые были выявлены роль делопроизводственного аппарата в следствии, распределение обязанностей между отдельными его сотрудниками, особенности их работы.

Квантитативный анализ таких внешне скучных и «невыигрышных» источников, как делопроизводственные документы, обращение к сугубо, казалось бы, технической стороне дела и рутинной, повседневной деятельности чиновников Следственного комитета позволили сделать важнейшие наблюдения. Во-первых, выяснилось, что чиновники занимались не только техническим обеспечением про-

цесса, они «выполняли основную работу по существу исследования» и «около половины показаний декабристов обрабатывалось только на уровне аппарата» и не доходило до членов комитета (с. 142). О.В. Эдельман открыла, что внутри него существовало две группы, работавшие под руководством соответственно А.Х. Бенкендорфа и А.И. Чернышева; что входившие в них чиновники по-разному относились к составлению вопросов пунктов, работали с разной степенью интенсивности, по-разному вели допросы, интересовались не совсем одними и теми же темами. При этом группа Бенкендорфа «работала» преимущественно с членами Северного общества, а группа Чернышева – с членами Южного общества и «славянами». Подследственные второй группы «подвергались большему давлению, их больше допрашивали», более того – «суровых приговоров в этой группе также больше». Мне представляется вполне убедительным решительный вывод исследовательницы: «Не только большая активность и решительность южных декабристов, но и большая настойчивость, дотошность генерала Чернышева создают образ более радикального Южного общества» (с. 236). Замечу кстати, что эти различия отражены и в мемуарах декабристов, специально проанализированных и сопоставленных с материалами следствия в особой главе работы.

Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / Публ., сост., пер., вступл., предисл., ком. Б.С. Шостаковича (Иркутск: Артиздат, 2009. 724 с.: ил.).

живая практика проведения профильных конференций – «Документы в контексте истории» (Омск), «Документ как социокультурный феномен» (Томск), а также издание сборников «Человек – текст – эпоха» (Томский госуниверситет), «Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях» (Институт истории СО РАН). Важное место в системе носителей информации о прошлом занимают мемуары, которые, по образному определению Н.П. Матхановой, «являются и ценным историческим источником и замечательным явлением культуры» [1, с. 21]. Выдающийся вклад в корпус воспоминаний, относящихся к Сибири первой половины XIX в., вносит впервые осуществленная Б.С. Шостаковичем публикация мемуаров четырех видных деятелей польского национально-освободительного движения и политических ссыльных – В. Мигурского, Ю. Ручиньского, Ю. Сабиньского, А. Гиллера.

Проблема выявления и введения в научный оборот источников является актуальной для современного этапа развития исторического сибиреведения. О возрастающем внимании регионального сообщества историков к ней свидетельствует устойчи-

вые недостатки монографии, как и бывает в серьезном исследовании, являются продолжением ее достоинств. Стремление представить свои подсчеты и обосновать ими наблюдения порой приводит к тому, что умозаключения и рассуждения (особенно в последней главе, посвященной вопросам хронологии и периодизации следствия) воспринимаются с трудом. Автору следовало бы либо сократить количество графиков и таблиц, либо сопроводить их более подробными объяснениями. Не всегда утверждения, опровергающие выводы других исследователей, сопровождаются прямой полемикой.

И несколько слов о важной стороне работы, которой не всегда уделяется должное внимание, – о научно-справочном аппарате. Радует, помимо сказанного, уважительное отношение к труду публикаторов – все упоминания об изданиях источников сопровождаются указанием имен тех, кто это делал, используется постраничное расположение сносок. Огорчает отсутствие именного указателя.

В заключение хотелось бы поздравить автора и читателей с появлением серьезного научного труда, вносящего существенный вклад в изучение истории движения декабристов и истории управления, труда очень полезного и для специалистов, и для аспирантов, и для студентов.

*Н.П. Матханова,
Институт истории СО РАН*

Рецензируемое издание стало промежуточным (как я надеюсь) этапом в многолетней деятельности составителя и одновременно переводчика, исследователя и комментатора, начатой еще в первой половине 1970-х гг. по изучению польской политической ссылки в Восточную Сибирь [2, с. 243–292; 3, с. 3–23]. Оно состоит из четырех блоков, каждый из которых включает воспоминания перечисленных выше лиц, предисловие и достаточно обстоятельный комментарий. Сборник открывает вступительная статья, объясняющая замысел составителя и причину объединения в одной книге сочинений именно этих четырех польских революционеров. «Небезынтересно отметить, – подчеркивает Болеслав Сергеевич, – что общим связующим звеном публикуемых произведений является историческая столица Восточной Сибири – Иркутск» (с. 11). Кроме того, в этой части он ставит вопрос об осуществлении «именно в Иркутске» новой издательской серии под названием «Польско-сибирская библиотека», о чем я выскажу свои суждения ниже.

Прежде всего, следует отметить высокое качество сборника с точки зрения перевода текстов, описания их возникновения и последующего редактирования, первых публикаций. Вводимые в научный и познавательный оборот источники сопровождаются необходимыми комментариями, дающими представление о польско-российско-сибирской повседневности первой половины XIX в. В заслугу составителю следует поставить прекрасное знание не только российско-сибирских реалий того времени, но и польской исто-

рии, корпуса польско-сибирской мемуарной литературы, сформированного титаническими усилиями не одного поколения революционеров и общественных деятелей, а также польской историографии сибирской ссылки своих соотечественников, личное знакомство с ведущими специалистами в этой области из Варшавы, Кракова, Вроцлава, Торуня и других университетских центров современной Польши.

У меня нет замечаний по качественным параметрам рецензируемого издания, за исключением нескольких обнаруженных опечаток и неудачных выражений (с. 28, 55, 344 – Томск, а не Тобольск).

Нарекания, скорее, касаются предисловий к разделам, тем более в издании, являющемся первым и эталонным в предполагаемой серии. В них обстоятельно раскрывается история создания и публикации приведенных источников, их полная испытания и драматизма судьба, но мало или практически ничего не говорится о жизненном пути героев. Только в отношении А. Гиллера упоминаются годы его жизни, но ничего не сообщается о его биографии, кроме краткой сентенции о том, что факты его деятельности в России и Сибири «еще далеко не известны в той степени, в какой они этого заслуживают» (с. 583). Нет сведений о Ю. Сабаньском, кроме упоминания в его дневнике о девятнадцатилетнем периоде неволи и изгнания (1838–1859 гг.) (с. 377). Биографический очерк о Ю. Ручинском доведен до его ареста в 1838 г. Что касается А. Гиллера, то имеется упоминание только о его пребывании в Сибири в 1855–1860 гг. Следовало бы, на мой взгляд, с учетом предполагаемого к осуществлению издательского проекта включить в предисловия или вводные статьи краткие сведения о жизненном пути авторов с обязательным описанием их революционной деятельности и периода пребывания в Сибири на военной службе, каторге и ссылке.

Различным является информативный потенциал опубликованных источников личного происхождения с точки зрения истории Сибири 1840–1850-х гг. В самых обширных (216 с.) «Записках о Сибири» В. Мигурского собственно Сибири (Омск, Иркутск) посвящено 16 заключительных страниц, содержащих упоминания и краткие характеристики местных чиновников, прежде всего восточносибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, будущего графа Амурского. Жемчужиной сборника, с этой точки зрения, являются «Воспоминания о сибирской ссылке» Ю. Ручинского, охватывающие 1839–1848 гг. В них подробно описан процесс этапирования по Московско-Сибирскому тракту сосланных в Сибирь уголовных и политических преступников, даны лапидарные и емкие зарисовки городов Тобольска, Тары, Каинска, Томска, Красноярска, Иркутска, приведено описание рудников Нерчинского горного округа Кабинета е. и. в., содержатся колоритные зарисовки повседневной жизни и нравов обывателей и чиновников уездного г. Туринска Тобольской губернии. Впечатления от увиденного и услышанного у мемуариста благодаря аналитическому складу ума трансформируются в интересные заключения и обобщения, например, относительно коррумпированности чиновников и темпов цивилизационного развития России в плане формирования ростков гражданского общества (с. 467–468). Фрагмент дневника Ю. Сабаньского за 1844 г. раскрывает малоизвестные факты пребывания де-

кабристов Ф.Ф. Вадковского, А.П. Юшневского, П.А. Муханова, А.М. Муравьева, А.В. Поджо и других в Иркутске и с. Урик, их взаимоотношения с польскими изгнанниками. Отрывки из воспоминаний А. Гиллера содержат живописное описание Иркутска и его окрестностей второй половины 1850-х гг., информацию о пребывании здесь ссыльных декабристов.

Значимость вводимых в научный оборот источников определяется не только уникальностью содержащейся в них информации, но и тем, что они были написаны по свежим следам и зафиксировали непосредственную реакцию очевидцев. Кроме того, над мемуаристами не довлел цензурный гнет, заставлявший российских и сибирских авторов соответствующим образом «причесывать» при подготовке к печати свои произведения, а кое-что вообще не включать в них. Ярким примером в этом отношении являются воспоминания С.С. Шашкова и Н.М. Ядринцева. Изданные за пределами Российской империи – в Познани, Кракове, Львове – сочинения польских ссыльных отличаются свободным и критичным освещением российских и сибирских реалий, содержат порой резко критические оценки чиновничьего мира и отдельных его представителей, а также результатов их деятельности. В плане исследования проблемы истории польской диаспоры в России первой половины XIX в. они дают общий срез ее представителей, а не только осужденных. А. Гиллер отмечал в 1859 г.: «Польское население в Иркутске складывается из политических изгнанников, чиновников, военных и сосланных за уголовные и полицейские преступления. Общее его число доходит до 150 человек» (с. 623).

Высоко оценивая рецензируемое издание, хотел бы высказаться относительно осуществления в Иркутске новой издательской серии «Польско-сибирская библиотека». Безусловно, предложенный Б.С. Шостаковичем издательский проект необходимо реализовать, и именно в Иркутске, который примерно со второй половины XX в. считается центром исторического книгоиздания. Достаточно назвать две «фирменные» серии – «Литературные памятники Сибири» и «Полярная звезда». К ним необходимо добавить пятитомник писем Г.Н. Потанина (1987–1992). Имеется для этого и обширное поле деятельности, охватывающее, по подсчетам Болеслава Сергеевича, свыше сотни «только наиболее крупных мемуарных произведений» (с. 8). Есть для этого проекта и руководитель в лице создателя рецензируемого издания и квалифицированные специалисты в разных уголках региона, такие как П.Л. Казарян, С.А. Мулина, И.В. Нам, Т.Г. Недзелюк, И.Н. Никулина, Р.В. Оплаканская, Л.К. Островский, Е.Н. Туманик, В.А. Ханевич и др.

Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на то, что для сибирских историков польские мемуары представляют интерес не только как носители информации о ссыльных поляках, поэтому о них в Польше осведомлены больше, чем у нас (с. 9), но как источники по истории региона. И соответственно, с учетом этого обстоятельства их необходимо отбирать и готовить к публикации.

Но мы не должны забывать и о других источниках, например, о тех же воспоминаниях, но только не поляков, а русских. Согласно подсчетам Н.П. Матхановой, «среди

тысячи с лишним источников мемуарного характера (в это понятие включаются автобиографии, воспоминания, дневники, путевые записки), созданных в течение XIX в. и описывающих природу, население, экономику, общественную, политическую или культурную жизнь Сибири, немало все еще неопубликованных и даже не введенных в научный оборот» [4, с. 138]. Еще далек до завершения процесс публикации материалов из знаменитых «портфелей» Г.Ф. Миллера. В этом плане работы – непочатый край не только по польской проблематике. Но к ней нужно приступать.

Завершая рецензию, хочу еще раз обратить внимание на значимость предпринятого Б.С. Шостаковичем издательского проекта, который должен дать новый импульс последующей деятельности талантливого исследователя. Таким образом, научное сообщество и читатели обрели новаторскую, уникальную и увлекательную книгу, которая, безусловно, вызовет широкий резонанс.

БЕЛЫХ Е.А., КАЛЬМИНА Л.В.,
КУРАС Л.В.

Общественная и культурно-просветительская деятельность евреев в Забайкальской области (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) (Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАСАКИ, 2010. 191 с.)

му взаимопонимания между людьми с разными культурными традициями и историческими судьбами. В определенных политических условиях возникли различные типы межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений, совместного хозяйствования. Для историков современности изучение этих процессов до сих пор представляется актуальным, так как Сибирский регион продолжает сохранять свою полиэтничность и многогранность.

Рецензируемая монография представляет собой результат многолетней кропотливой работы коллектива, включающего авторитетных специалистов в области изучения истории межнациональных отношений в Восточной Сибири. В представленном труде систематизированы сведения о деятельности евреев в государственных и общественных благотворительных обществах Забайкалья, о развитии еврейского образования, вкладе сибирских евреев в развитие здравоохранения, типографского и издательского дела, сферы досуга и развлечений. Приведена развернутая информация о правовом положении евреев в Сибири и регулировании их общественной активности в регионе. Дан развернутый историографический анализ избранной темы.

Основу для монографии составили многочисленные опубликованные источники, а также богатый архивный материал. Авторы делят источники по истории рассматриваемого предмета на «внешние» и «внутренние», относя к последним документы местных еврейских общин. В современной историографии достаточно часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда, опираясь на материалы столич-

Сибирь на протяжении последних столетий является одним из наиболее сложных в этноконфессиональном плане регионов. Здесь оказались представлены все мировые религии. Это всегда ставило на повестку дня пробле-

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика второй половины XIX в.: корпус, разновидности, авторы // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3.
2. *Шостакович Б.С.* Политические ссылки и декабристы в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1.
3. *Шостакович Б.С.* Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX–XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). Иркутск, 1985. Вып. 9.
4. *Матханова Н.П.* Сибирские мемуары И. П. Корнилова // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009.

М.В. Шиловский,
профессор Новосибирского госуниверситета

ных архивов, пытаются распространить свои выводы на всю страну, забывая о региональной специфике. В нашем случае авторы сделали акцент на материалы региональных архивных фондов, стремясь тем самым подчеркнуть местные особенности развития еврейской общины. Многие исторические факты вводятся в научный оборот впервые.

Царское правительство одной рукой допускало евреев к жительству в Сибири, а другой вводило многочисленные запретительные нормы. Поэтому закономерно постоянное обращение авторов к проблемам правового регулирования общественной активности евреев в Сибири. При этом отмечается непоследовательность властей в сфере законотворчества. Противоречия в законодательстве были зафиксированы в ряде публикаций рубежа XIX–XX вв. (М. Мыш и др.). Тщательный анализ нормативных актов и правоприменительной практики позволил авторам утверждать, что «региональные власти были вынуждены действовать в фарватере российской антиеврейской политики» (с. 48). Первая русская революция 1905–1907 гг., реформаторская деятельность С.Ю. Витте и П.А. Столыпина не привели к облегчению положения евреев. Только Февральская революция 1917 г. уравнила евреев в правах с прочим населением России.

Одной из форм общественной активности евреев стало их участие в городском самоуправлении. Это демонстрируется авторами на примере Читы, в управлении которой евреи принимали участие с момента введения городского самоуправления в 1875 г. Введение нового Городового положения в 1892 г. лишало евреев права участвовать в городских избирательных собраниях и занимать выборные должности. Но работая в многочисленных благотворительных организациях, они продолжали проявлять себя в жизни города. «Пожалуй, не было ни одной общественной организации в Забайкалье..., в деятельности которых не принимали бы участие евреи», – отмечают авторы (с. 61). Власти отдавали должное личным качествам евреев, представляя их к правительственным наградам.

Сохранение национально-культурной идентичности сибирских евреев было бы невозможно без становления

национального еврейского образования. Этой стороне внутренней жизни еврейской общины посвящен один из разделов рецензируемой монографии. Авторы отмечают, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. евреи не имели собственных образовательных учреждений, а подавляющее их большинство было неграмотным. В начале XX в. благодаря Обществу распространения просвещения среди евреев в Забайкалье создавались начальные учебные заведения (*хедеры*), в которых преподаванием занимались образованные учителя. Не меньше внимания уделено формированию системы еврейского среднего образования. Еврейские училища открывались за счет пожертвований евреев из числа купцов.

Авторы монографии не могли обойти стороной вклад евреев в развитие здравоохранения Забайкалья, полагая, что «здравоохранение в Забайкалье до 1917 г. можно назвать “еврейской” специальностью», а «медицинская практика евреев, способствовавшая развитию профессиональной медицинской помощи в Сибири, в свою очередь, служила и их утверждению в обществе» (с. 105). В книге показано участие еврейских врачей в развитии медицинской и санитарной служб в конце XIX – начале XX в. Причем врачи принимали непосредственное участие в общественной жизни городов, являясь наиболее активной и мобильной частью еврейского общества.

Наиболее удачным, на наш взгляд, является раздел, посвященный роли евреев в становлении типографского и издательского дела. В центре внимания авторов оказалась деятельность ряда крупных еврейских издателей (например, С.Б. Нодельмана), которые не только выступили новаторами в типографском деле, но были инициаторами издания местных газет. Известную живость представленному материалу придало повествование о конкурентной борьбе, царившей между издателями в регионе в начале XX в. В целом издательская деятельность стала одной из важных еврейских предпринимательских сфер в Забайкалье.

Монография сопровождается обширным приложением, в которое включены именные списки евреев, внесших заметный вклад в развитие образования, здравоохранения и общественной жизни в Забайкалье. Особую ценность представляют многочисленные статистические таблицы, составленные на основе опубликованных и архивных материалов.

Рецензируемая работа значительно выиграла бы от сопоставления материала Забайкалья с данными по другим регионам Сибири и черты оседлости, в которых проживало значительное еврейское население. Говорить о подобном сопоставлении в рамках Сибирского региона представляется возможным, так как имеются исследования по Томской (Н.Б. Галашова, И.В. Нам), Енисейской (Я.М. Кофман, Н.А. Орехова) и Tobольской (В.П. Ключева) губерниям, в которых представлен аналитический и фактический материал по аналогичным и смежным темам. Кроме того, особенности формирования сибирских архивов открывают для исследователей возможности для получения данных одновременно по нескольким регионам. Привлечение сибирской периодики позволило бы авторам не только провести сравнение общественной активности евреев по регионам, но и выявить их роль на общенациональном фоне.

Значение рецензируемой работы трудно переоценить. Это серьезное научное исследование, написанное популярным языком. Авторам удалось доступно представить многие аспекты исследуемой темы. Все выводы подтверждаются богатым фактическим материалом. Данная монография является заметным вкладом в изучение истории развития не только еврейской общины Забайкалья. Появление этой работы открывает ученым возможности для проведения компаративистских исследований в рамках как Сибири, так и других регионов, в которых проживало еврейское население. Книга восполняет лауну в региональной историографии и может быть использована при написании обобщающих исследований.

В.Н. Шайдуров,
Невский институт языка и культуры
(г. Санкт-Петербург)

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
GUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 1, 2011 г.

Contents

RUSSIAN HISTORY

<i>Khudjakov, Yu.S.</i> Russian Soldiers Defending the Southern Boundaries of Western Siberia in the End of the XVI – the First Third of the XVII Centuries. Part 1	3
<i>Semyonov, O.V.</i> Managers of the Western Siberian yams (relay stations) in the XVII century	7
<i>Vedernikov, V.V.</i> The Nerchinsk Plants Before the Period of the Imperial Cabinet's Direct Control over the Nerchinsk Mining Administration (1704–1787)	11
<i>Mansheev, D.M.</i> Cattle-Breeding of the Kudinsk Buriats in the XIX century.	15
<i>Verkhoturva, T.G.</i> The Yeniseisk provincial administration size and structure in 1822–1917	19
<i>Nedzelyuk, T.G.</i> Cult Architecture as an Element of the Worldview of Heterodox Christians (Catholics) in Siberia in the XIX – early XX centuries	23
<i>Belyanin, D.N.</i> Contradictions in the Resettlement Policy in Siberia in the late XIX – early XX century	27
<i>Sheremet'yeva, D.L.</i> Siberian Newspapers during the Period of “Democratic Counterrevolution” (in the End of May – the Middle of November 1918)	31
<i>Antonov, E.P.</i> Discussions on the Prospects of the Yakut National Intelligentsia Development in the 1920s (by the Example of the “Sakha Omuk” Society)	35
<i>Trotsenko, N.D.</i> Twenty-five-thousanders in Western Siberia: Carrying Out the Social and Mobilizing Functions (1930–1931)	39
<i>Isaev, V.D., Mikh'eev, D.Yu.</i> Lawfulness in Stalin's State: Resolution of TsIK and Sovnarkom (SNK) dated 7 August 1932 and Its Fulfillment in Western Siberia	43
<i>Ablazhey, N.N.</i> Deportation of Armenian Population into the Altay Territory in the 1940s	47
<i>Vavitsky, I.M.</i> Creation of the Atomic Industry Raw-Material Base in the Far East (1946–1965)	54
<i>Volosov, E.N.</i> Social Characteristics of Regional Technocratic Elite in the 1960-80s in the Angara-Yenisei Region	58
<i>Gorbachev, O.V.</i> Small Towns and Rural Area: Regional Patterns of Demographic Evolution in the Second Half of XX Century	62

REPORTS

<i>Dmitrienko, K.V.</i> Scientific Heritage of A.I. Levshin as a Source for Studying the Nomad Civilization of the Kazakhs	67
<i>Kulikovskiy, S.N.</i> “On behalf of Zlatoust factories workers...” Manufacturing of Reward and Gift Axes in 1920–1930	69
<i>Chernolutskaia, E.N.</i> “The Kulaks of Special Destination” in the Soviet Far East (early 1930s)	73

SCIENTIFIC LIFE

<i>Shelegina, O.N.</i> Representation and Analysis of the Activities of the SB RAS Museums in the Almanac “Museums of the Russian Academy of Sciences”	77
<i>Vvedenskiy, V.V.</i> IV Regional Scientific Conference of Young Scholars «Historical Studies in Siberia: Problems and Prospects»	80
<i>Ananyev, D.A.</i> The Demographic Space of Asia: Past, Present and Hypotheses of the Future	82
<i>Sokolovskiy, I.R.</i> International Scientific Conference “The Upper Irtysh Region in the XVII–XXI centuries: national, ethno-cultural and ecological interaction”	85
<i>Karpov, V.P.</i> Rethinking the Industrialization of the North	87
<i>Isaev, V.I., Makarova, N.N.</i> Socialist Town and Socio-Cultural Aspects of Urbanization	88
<i>Shilovskiy, M.V.</i> Rec. ad op.: Recollections from Siberia: Memoirs, Essays and Diaries of the Polish Political Exiles to Eastern Siberia in the First Half of the XIX Century/ Publ., ed., transl., foreword and commentaries by B.S. Shostakovich. Irkutsk: Artizdat, 2009. – 274 p.: ill. [Vospominaniya iz Sibiri: Memuary, ocherki, dnevnikovie zapisi polskikh ssilnikh v Vostochnuyu Sibir polovini XIX stoletiya/ Publ., sost., per., vstupl., predisl., kom. B.S. Shostakovicha. – Irkutsk: Artizdat, 2009. – 724 s.: ill.]	92
<i>Shaidurov, V.N.</i> Rec. ad op.: Belykh E.A., Kalmina L.V., Kuras L.V. Social and Educational Activities of Jews in the Transbaikalian District (1860 – February, 1917). – Ulan Ude: VSGASAKI, 2010. – 191 p.[Belykh E.A., Kalmina L.V., Kuras L.V. Obshestvennaya i kulturno-prosvetitel'skaya deyatelnost evreev v Zabaikalskoy oblasti (60-e gg. XIX v. – fevral 1917 g.). – Ulan Ude: Izd.-poligr. Kompleks VSGASAKI, 2010. – 191 s.]	94
<i>Summary</i>	97

SUMMARY

Khudjakov, Yu. S. Russian Soldiers Defending the Southern Boundaries of Western Siberia in the End of the XVI – the First of the XVII Centuries: Part 1.

The author analyzes the level of military art development among the Russian soldiers and Siberian Tatars as well as the role of military factor in defending the southern boundaries of Western Siberia from Turkic and Mongolian nomads in the end of the XVI - first third of the XVII centuries when there was a real possibility of the Siberian Khanate's restoration.

Key words: Western Siberia, Siberian Tatars, Russian Cossacks and Service People, a level of development of military art.

Semyonov O.V. Managers of the Western Siberian yams (relay stations) in the XVII century.

The article deals with the management of the West Siberian yams during the Late Middle Ages. The author determines the order of appointment to management positions of the yam "prikazchiks"; reveals the scope of their authority; the level of their independence; forms of material support. The conclusion is drawn that these functionaries played an important role in organizing the transport routes in Siberia.

Key words: yamskoi prikazchik, yam, yamshik, communications system.

Vedernikov, V.V. The Nerchinsk Plants Before the Period of the Imperial Cabinet's Direct Control over the Nerchinsk Mining Administration (1704–1787).

The article deals with analysis of the reasons underlying the crisis in the Nerchinsk Mining District which led to liquidation of the silver-refining industry in Eastern Siberia. Based on the archival materials the author proves that the "pre-Cabinet" era paved way for the future crisis of the Nerchinsk plants.

Key words: Berg-collegium, mining industry, Nerchinsk plants, silver production.

Mansheev, D.M. Cattle-Breeding of the Kudinsk Buriats in the XIX century.

The paper studies the process of cattle-breeding development in the Kudinsk district in the XIX century. The author considers the Buryats' cattle numbers, the structure of their herds, the correlation between different types of agricultural lands and buildings in the Kudinsk district in the XIX century. He also determines factors that influenced the Buryats' cattle-breeding development, including the natural environment, state policy, technological innovations.

Key words: Buryats, cattle-breeding, agriculture, natural environment, state policy.

Verkhoturova, T.G. The Yeniseisk provincial administration size and structure in 1822–1917.

This article considers the authorized and real staff size of the Yeniseisk provincial administration in 1822–1917. Based on the previously unknown documents and archival materials the author considers peculiarities of the Yeniseisk government administration, the

actual and relative number of officials holding the higher ranks of field and non-commissioned officers. The author also describes trends of the Yeniseisk administration development and shows how its size changed over time.

Key words: number of officials, the bureaucracy, the Yeniseisk provincial administration, Yeniseisk province, Siberia.

Nedzelyuk, T.G. Cult Architecture as an Element of the Worldview of Heterodox Christians (Catholics) in Siberia in the XIX - early XX centuries.

This paper attempts at analyzing the array of special architectural documentation, catalogues of museum collections and unpublished archival data in order to create a well-built model which will help emphasize typical features of the Christian churches architecture in one of the Western heterodox confessions of Siberian Region of the Russian Empire. The author finds out to what extent the church architectural canon depended on the directives from the state authorities and local administrations.

Key words: Christian churches of heterodox confessions, Catholic Church, site development, draft, cult building.

Belyanin, D.N. Contradictions in the Resettlement Policy in Siberia in the late XIX – early XX century.

The paper deals with some aspects of resettlement policy in Siberia in the end of the XIX – the beginning of the XX centuries. The author considers main undertakings and contradictions that existed in the resettlement policy. The article is written on the wide range of archival materials for the first time introduced for scientific use.

Keywords: resettlement policy, Siberia, Migration Department.

Sheremetyeva, D.L. Siberian Newspapers during the Period of "Democratic Counterrevolution" (in the End of May – the Middle of November 1918).

The article deals with newspapers published in the end of May – the middle of November 1918 in Siberia under the rule of the anti-Bolshevik government. The author studies the circumstances under which the newspapers were published, shows changes in quantity and contents of the local press. It is stated that liquidation of the Soviet power in Siberia led to reestablishment of the freedom of speech and radical changes in the sphere of periodical press. Newspapers as a social institute preserved their independence from the authorities despite the escalation of Civil War and evolution of the political regime of "democratic counter-revolution" towards authoritarianism.

Key words: newspapers, periodical press, Civil War, anti-Bolshevik movement, Siberia.

Antonov, E.P. Discussions on the Prospects of the Yakut National Intelligentsia Development in the 1920s (by the Example of the «Sakha Omuk» Society).

The article analyzes the 1920s discussions in the Yakut ASSR between the "Sakha Omuk" (the Sakha People) cultural-educational

society members and the Party-Soviet organs in which they put forward the questions of interrelations between the power and intelligentsia; activities of national associations in the period of NEP, et al.

Key words: the Yakut ASSR, intelligentsia, discussions, national policy, NEP, the "Sakha Omuk" society.

Trotsenko, N.D. Twenty-five-thousanders in Western Siberia: Carrying Out the Social and Mobilizing Functions (1930–1931).

The article written on the paperwork and documents of the Communist party bodies analyzes activities of the twenty-five-thousanders – the workers, who were sent to the Siberian region from industrial centers for conducting the forced collectivization. The author reveals positive and negative factors that affected these workers' adaptation to the new social functions and comes to conclusion that about one fourth of all mobilized workers could not manage their task.

Key words: twenty-five-thousanders, staff mobilization, forced collectivization, adaptation factors.

Isaev, V.D., Mikheev, D.Yu. Lawfulness in Stalin's State: Resolution of TsIK and Sovnarkom (SNK) dated 7 August 1932 and Its Fulfillment in Western Siberia.

The article deals with legal collisions driven by the notorious "law of spikelets" passed in 1932. The author shows the scale of repressions connected with execution of this law in Western Siberia; explains reasons of its gradual exclusion from legal practice.

Key words: socialist ownership, law, repressions, judicial bodies, Western Siberia.

Ablazhey, N.N. Deportation of Armenian Population into the Altai Territory in the 1940s.

The paper is devoted to the deportation of Armenian population from the southern regions of the Soviet Union to the Altai territory in 1949. For the first time in historiography the author clarifies the numbers of this particular category of forced migrants, as well as the structure of their settlement and local authorities' activities providing adaptation and distribution of the migrants within the region. The paper is written on the basis of new data from the declassified documents kept in the State Archives of the Altai Region.

Key words: Armenian population, repatriation, deportation, Dashnaks, forced migrants.

Savitsky, I.M. Creation of the Atomic Industry Raw-Material Base in the Far East (1946–1965)

The article considers activities of the governmental bodies and geological survey organizations searching and developing the Far Eastern ore deposits of uranium, thorium etc., needed for production of the nuclear and thermonuclear weapons. The author reveals the level of financial and logistical support of the geological exploration, mining and smelting enterprises and shows the results of their activities.

Key words: atomic industry, geological survey, uranium, thorium, Far East.

Volosov, E.N. Social Characteristics of Regional Technocratic Elite in the 1960 – 80s in the Angara-Yenisei Region.

The paper deals with some of the social characteristics of the technocratic elite of the Angara-Yenisey region in the 1960-80s. The author identifies trends of the technocratic elite's socio-demographic development in the second half of the twentieth century and explains the reasons of this process.

Key words: technocratic elite, the Angara-Yenisei region, social origin, age, types and geography of vocational education.

Gorbachev, O.V. Small Towns and Rural Area: Regional Patterns of Demographic Evolution in the Second Half of XX Century.

The article's purpose is to examine the prospects of demographic development in rural areas near small towns in the context of Russia's urbanization. The urgency of the problem is determined both by the consequences of the rural area's active depopulation in the second half of the XX century and by the necessity to clarify the role of small towns in the urbanization process. The author considers main types of the Russian small towns and analyzes the specific features of their formation and functioning. He also defines different types of demographic modernization of rural areas adjacent to small towns. The author concludes that the most natural model of demographic modernization of rural area is offered by small satellite towns located near metropolitan agglomerations.

Key words: small town, urbanization, demographic development of the village, agglomeration, migration.

Dmitrienko, K.V. Scientific Heritage of A.I. Levshin as a Source for Studying the Nomad Civilization of the Kazakhs.

The present article deals with a fundamental work of A.I. Levshin «Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisatsk hordes and steppes», published in 1832. The work is often cited by the researchers so it proves the book's relevance and importance for studying history and culture of Kazakhstan. Its author presents different archival materials, the results of his field surveys, gives a detailed geographical description of Kazakhstan. For the first time in historiography he referred to the issues of the Kazakhs ethnogeny, their material and spiritual culture. Levshin's book has been an important source of data on politics, economy, culture and family life of the Kazakhs.

Key words: Kirghiz-Cossack, Kirghiz-Kaisatsk, hordes, steppe, aul, elders, sultans, khans, zhuz, yurt.

Kulikovskih, S.N. "On behalf of Zlatoust factories workers..." Manufacturing of Reward and Gift Axes in 1920–1930.

The aim of publication is to study the history of ornamented items production in the 1920s–1930s at the Zlatoust factory. Problems of industrial culture are analyzed on the basis of the interdisciplinary approach which allows studying the history of Zlatoust artistic metal production – a special sphere of the Urals metallurgical production, an original phenomenon, which appeared as an alloy of science, production process, craft and art. Being the artifact of industrial heritage it also belongs to the field of art. The research is based on facts and events supported with documentary witnesses and archival sources, which were published for the first time.

Key words: factory, main workshop, gift registered axe, mass production.

Chernolutskaya, E.N. "The Kulaks of Special Destination" in the Soviet Far East (early 1930s).

The article is devoted to one of the groups of "special deportees" which appeared in the Stalinist state and consisted of the frontiersmen of Belorussia and Ukraine. These groups were deported to the Far East in transit through Siberia. The author shows distinction between these deportees and the majority of "exiled kulaks"; reveals the specific character of interregional relationships between different OGPU bodies being in charge of resettlement. The author investigated the reasons of temporary separate resettlement of family heads (in Yakutia) and other family members (in DVK), describes a painful process of their reunification, their living conditions in special settlements and their labor in the areas of gold mines.

Key words: Stalinist deportations, "cleansing" the frontier zone, special deportees, the Far East.

Shelegina, O.N. Representation and Analysis of the Activities of the SB RAS Museums in the Almanac “Museums of the Russian Academy of Sciences”.

For the first time in historiography the author analyzed how the museums of the SB RAS and their activities were represented in a specialized periodical Almanac «Museums of the Russian Academy of Sciences». She highlighted several groups of articles based on their contents – museographical, analytical, topical and doctrinal articles. It

was established that active publication of materials contributed to determining the role and significance of Siberian museums in the system of science museums, reflecting their role in the process of formation of scientific collections and translation of scientific knowledge about the Siberian region. It also provided realization of their adaptive capacity and integration into the Russian museum community.

Key words: Almanac of the Museums of Sciences, museum network of SB RAS, the Activities of Museums.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/ 7.0/97/ 2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*